

International Journal
CRIMINAL PROCEDURE

PROBLEMS OF THEORY
AND PRACTICE

IJCP

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
УГОЛОВНОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

2
2016

№2

IJCP

2016

EDITORIAL BOARD

S.N. Baburin,
doctor of law,
professor
(Russian Federation)

V.V. Bachila,
candidate of law,
assistant professor
(Republic of Belarus)

A.R. Belkin,
doctor of law,
professor, academician of RAEN
(Russian Federation)

G.A. Vasilevich,
doctor of law,
professor, honored lawyer
of the Republic of Belarus
(Republic of Belarus)

A.Y. Grishko,
doctor of law,
professor
(Russian Federation)

G.S. Gurbanov,
doctor of law,
professor
(Azerbaijan)

M.D. Davitadze,
doctor of law,
professor
(Russian Federation)

S.V. Dubrovin,
doctor of law,
professor, honored worker
of higher school of Russia
(Russian Federation)

I.E. Zvecharovsky,
doctor of law,
professor, honored lawyer
of the Russian Federation
(Russian Federation)

N.G. Ivanov,
doctor of law,
professor, honored lawyer
of the Russian Federation
(Russian Federation)

N.G. Kadnikov,
doctor of law,
professor
(Russian Federation)

R. Kvaratskhelia,
doctor of law
(Georgia)

N.A. Kolokolov,
doctor of law,
professor
(Russian Federation)

E.L. Loginov,
doctor of economic sciences,
professor
(Russian Federation)

V.O. Luchin,
doctor of law,
professor,
honored lawyer of the Russian Federation
honored worker of science
(Russian Federation)

N.P. Mailis,
doctor of law,
professor,
honored lawyer of the Russian Federation
honored worker of science
(Russian Federation)

V.B. Mantusov,
doctor of economic sciences,
professor
(Russian Federation)

G.B. Mirzoev,
doctor of law,
professor, honored lawyer
of the Russian Federation
(Russian Federation)

F.G. Mishko,
doctor of law
(Russian Federation)

L.M. Preygerman,
doctor of physics and mathematics,
professor
(Israel)

L.N. Tepman,
doctor of economic sciences,
professor
(Israel)

Z.B. Soktoev,
doctor of law
(Russian Federation)

B.A. Spasennikov,
doctor of law
doctor of Medical Sciences
professor
(Russian Federation)

O.V. Staroverova,
doctor of law
(Russian Federation)

D. Skhirtladze,
doctor of medicine
(USA)

A.G. Khabibulin,
doctor of law,
professor
(Russian Federation)

A.M. Tsaliev,
doctor of law,
professor, member of the Academy of humanities,
member of the Academy of Legal Sciences
(Russian Federation)

N.M. Chepurnova,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian Federation
(Russian Federation)

R. Chenghis,
president of Law enforcement University,
professor
(Mongolia)

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law,
doctor of economic sciences,
professor
(Russian Federation)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Н. Бабурин,

доктор юридических наук,
профессор
(Российская Федерация)

В.В. Бачила,

кандидат юридических наук,
доцент
(Республика Беларусь)

А.Р. Белкин,

доктор юридических наук,
профессор, академик РАЕН
(Российская Федерация)

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РБ
(Республика Беларусь)

А.Я. Гришко,

доктор юридических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Г.С. Гурбанов,

доктор юридических наук,
профессор
(Азербайджан)

М.Д. Давитадзе,

доктор юридических наук,
профессор
(Российская Федерация)

С.В. Дубровин,

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ
(Российская Федерация)

И.Э. Звечаровский,

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ
(Российская Федерация)

Н.Г. Иванов,

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ
(Российская Федерация)

Н.Г. Кадников,

доктор юридических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Р. Кварацхелия

доктор юридических наук
(Грузия)

Н.А. Колоколов,

доктор юридических наук
профессор
(Российская Федерация)

Е.Л. Логинов,

доктор экономических наук,
профессор
(Российская Федерация)

В.О. Лучин,

доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный юрист РФ
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

Н.П. Майлис,

доктор юридических наук
профессор,
заслуженный юрист РФ
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

В.Б. Мантусов,

доктор экономических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Г.Б. Мирзоев,

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ
(Российская Федерация)

Ф.Г. Мышко,

доктор юридических наук
(Российская Федерация)

Л.М. Прейгерман,

доктор физико-математических
наук, профессор
(Израиль)

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук,
профессор
(Израиль)

З.Б. Соктоев,

доктор юридических наук
(Российская Федерация)

Б.А. Спасенников,

доктор юридических наук
доктор медицинских наук
профессор
(Российская Федерация)

О.В. Староверова,

доктор юридических наук
(Российская Федерация)

Д. Схиртладзе

доктор медицины
(США)

А.Г. Хабибуллин,

доктор юридических наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.М. Цалиев,

доктор юридических наук,
профессор, член Академии гуманитарных наук,
член Академии юридических наук
(Российская Федерация)

Н.М. Чепурнова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
(Российская Федерация)

Р. Чингиз,

Президент Университета
правоохранительных органов
Монголии, профессор
(Монголия)

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических,
кандидат юридических наук, доктор
экономических наук,
профессор
(Российская Федерация)

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCHES

*Chief editor
of Joint editorial*

N.D. Eriashvili

candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of
economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.
E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»

V.N. Zakaidze

1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298
Tel./fax: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:
Special correspondent

T.M. Tatishvili,

candidate of law
E-mail: tengo_tatishvili@mail.ru

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi,
0186, Righteous Georgia
Tel./Fax: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Registration certificate
404499217

in USA:
3565 Edencroft Road,
Huntingdon Valley, Pennsylvania
D.Skhirtladze, MD, MPH
+12157605939

E-mail:
dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:
3, Tze'Elim, Yokneam

L.N. Tepman

doctor of economical sciences,
professor
E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

30, Gagarin str., Shymkent
I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences,
professor, academician of the IASP
Tel: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Editorial staff and external reviewers
are not responsible for the quality,
accuracy and correctness of
Responsibility for the quality,
accuracy and correctness of citing of
works solely lies with the

www.unity-dana.ru
www.niion.org

- S.V. Bazhanov, A.A. Vorontsov,** Legal means the return from abroad of assets derived from corruption offenses and offenses 7
- V.E. Batyukova,** Jurisprudence on the qualification of crimes committed out of hooliganism 11
- V.Yu. Belskiy, V.I. Oleinik,** «Smart power» strategy on the context of islamisation and spreading of radical islamic ideas in western Europe 15
- V. N. Galuzo, N.D. Eriashvili,** On countering terrorism (financial-legal and comparative-legal aspects) 19
- L. V. Gotchina,** Controversial aspects of the sentencing sick addictions and the application to them of the deferment of serving the punishment 26
- P. E. Grigoriev, I. V. Vasilyeva, S. V. Ivantsov, A. N. Ignatov,** Parameters of an intuition and standardization of standard data for police officers 29
- M.D. Davitadze** Criminal liability for crimes against the peace and security of mankind «The Nuremberg and Tokyo trials». 35
- D.E. Drozdov,** Historical preconditions of formation of criminal liability for the use of violence against a police officer 42
- E.V. Egorova,** Legal and tactical features of producing of persons for identification on voice and speech 46
- V.G. Yengibaryan** General provisions of forensic methods 50
- N.N. Zhoroev** Questions implementation of the principle of the language in criminal proceedings 53
- O.N. Ivasyuk,** To the question of minimizing the consequences of crimes in the field of domestic relations. 57

N.A. Kolokolov , Polygraph Poligrafovich	60
M. V. Konoplyanikova , The constitutional concept of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: the relevance of the study and realization. . . .	63
V.N. Makhov Ensure the security of victims and witnesses is an important condition for improving solved crimes	68
N.A. Kolokolov , Criminal penalties: the evolution of morality	71
L.F. Pertli, N.D. Eriashvili, B. A. Spasennikov , Development medical care in the prison system Russia (end of XVII-early XX century)	75
E.D. Pirozhok , Characteristics of the personality of the victim in cases of a threat to kill or cause grievous bodily harm	81
E.O. Samitov, S.Ya. Kazantsev , Features of initiation of legal proceedings on cases of the plunders made with use of internet technologies	83
M.V. Sklyarenko , SMART and Liphacking - techniques traditionally used in the framework of the appeal system, checking and review of judicial decisions in criminal proceedings	86
E.O. Samitov, S.Ya. Kazantsev , The reasons and factors promoting commission of plunders with use of internet technologies	92
V.I. Chervonyuk , The victim's design in the criminal procedure law: approval of a new paradigm in the context of basic rights of the personality	95
R.S. Shegabudinov , Criminal policy in the fight against organized economic crimes involving corruption: its essence and contents.	98

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Главный редактор
Объединенной редакции*

Н.Д. Эриашвили

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ в области
науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

*Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»*

В.Н. Закаидзе

123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел./факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент

Т.М. Татишвили,

кандидат юридических наук
E-mail: tengo_tatishvili@mail.ru

0177 Тбилиси,

пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия

Тел./факс: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Свидетельство о регистрации
404499217

в США: штат Пенсильвания,

г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565

Д. Схиртладзе

доктор медицины

E-mail:

dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле: Иокнеам,

ул. Цеелим, д. 8

Л.Н. Тепман

доктор экономических наук,
профессор

E-mail: tepmn32@list.ru

в Республике Казахстан:

г. Шемкент, ул. Гагарина,
д. 30, кв. 57

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук,
профессор, академик МАНПО
Тел: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Редакция и внешние рецензенты
не несут ответственности за каче-
ство, правильность и корректность
цитирования произведений ав-
торами статей. Ответственность
за качество, правильность и кор-
ректность цитирования произведе-
ний несут исключительно авторы
опубликованных материалов

www.unity-dana.ru

www.niion.org

С.В. Бажанов, А.А. Воронцов, Правовые средства
возврата из-за рубежа активов, полученных в
результате совершения коррупционных преступле-
ний и правонарушений 7

В.Е. Батюкова, Судебная практика о квалифи-
кации преступлений, совершаемых из хулиганских
побуждений 11

В.Ю. Бельский, В.И. Олейник, Стратегия «smart
power» в контексте исламизации и распростра-
нения радикальных исламистских идей в западной
Европе 15

В.Н. Галузо, Н.Д. Эриашвили, О противодействии
терроризму (финансово-правовой и сравнитель-
но-правовой аспекты) 19

Л.В. Готчина, Дискуссионные аспекты назначения
наказания большим наркоманий и применения
к ним отсрочки отбывания наказания 26

**П.Е. Григорьев, И. В. Васильева, С. В. Иванцов,
А. Н. Игнатов,** Параметры интуиции и стандарти-
зация нормативных данных для сотрудников
МВД 29

М.Д. Давитадзе, Уголовная ответственность за
преступления против мира и безопасности
человечества «Нюрнбергский и Токийский
процессы» 35

Д.Е. Дроздов, Исторические предпосылки
становления уголовной ответственности за
применение насилия в отношении сотрудника
полиции 42

Е.В. Егорова, Правовые и тактические особен-
ности предъявления лиц для опознания по голосу и
речи 46

В.Г. Енгибарян, Общие положения криминалисти-
ческой методики 50

Н.Н. Жороев, Вопросы реализации принципа
языка в уголовном судопроизводстве 53

О.Н. Ивасюк , К вопросу минимизации последствий преступлений в сфере бытовых отношений.	57
Н.А. Колоколов , Полиграф Полиграфович	60
М. В. Конопляникова , Конституционная концепция обеспечения прав и свобод человека и гражданина в РФ: актуальность изучения и воплощения	63
В.Н. Махов , Реальное обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей – важное условие повышения раскрываемости преступлений.	68
Н.А. Колоколов , Уголовное наказание: эволюция нравственности.	71
Л.Ф. Пертли, Н. Д. Эриашвили, Б.А.Спасенников , Развитие медицинской помощи в пенитенциарной системе России (конец XVII-начало XX века).	75
Е.Д. Пирожок , Характеристика личности потерпевшего по делам об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.	81
Э.О. Самитов, С.Я. Казанцев , Особенности возбуждения уголовного дела по делам о хищениях, совершенных с использованием интернет-технологий	83
М.В. Скляренко , SMART и Lifhacking – приемы традиционно используемые в рамках системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе	86
Э.О. Самитов, С.Я. Казанцев , Причины и факторы, способствующие совершению хищений с использованием интернет-технологий	92
В.И. Червонюк , Конструкция потерпевшего в уголовно-процессуальном законе: утверждение новой парадигмы в контексте основных прав личности.	95
Р.Ш. Шегабудинов , Уголовно-правовая политика в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией: ее сущность и содержание	98

УДК 34 ББК 67

Legal means the return from abroad of assets derived from corruption offenses and offenses

Правовые средства возврата из-за рубежа активов, полученных в результате совершения коррупционных преступлений и правонарушений

Stanislav Vasilyevich Bazhanov,
leading researcher of the department of
problems of prosecutorial oversight and
the rule of law in the economic sphere Scientific
Research Institute of the Academy of
the Prosecutor General of the Russian
Federation, Doctor of Law, Professor,
Senior Counsellor of Justice, Academician
Peter's Academy of Arts and Sciences
E-mail: svb-1956@mail.ru

Andrey Aleksandrovich Vorontsov,
senior fellow issues of prosecutorial
oversight and to strengthen the rule of
law in the field of scientific research
institute of the Academy of Economics
Russian General Prosecutor's Office,
Counselor of Justice
E-mail: ab29087@rambler.ru

Станислав Васильевич Бажанов,
ведущий научный сотрудник отдела
проблем прокурорского надзора и укрепления
законности в сфере экономики НИИ Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федера-
ции, доктор юридических наук, профессор,
старший советник юстиции, академик
Петровской академии наук и искусств

Андрей Александрович Воронцов,
старший научный сотрудник отдела
проблем прокурорского надзора и укрепления
законности в сфере экономики НИИ Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федера-
ции, советник юстиции

Annotation. This article analyzes the issues related to the outflow of capital abroad. Assets earned by businessmen in the Russian Federation, instead of investing the domestic economy, in large quantities are exported abroad, stimulating the economic development of the countries concerned. This comes against the background of constantly proclaimed at the highest state level, the slogans about the need to attract foreign investors, promises amnesty of capital, and so on.

Keywords: Capital, offshore, asset stripping, the national economy, the financial crisis.

Аннотация. В настоящей статье анализируются вопросы, связанные с оттоком капитала за рубеж. Активы, заработанные бизнесменами в Российской Федерации, вместо инвестирования отечественной экономики, в больших объемах вывозятся за границу, стимулируя экономическое развитие соответствующих стран. Это происходит на фоне постоянно провозглашаемых на высшем государственном уровне лозунгов о необходимости привлечения иностранных инвесторов, обещаний амнистирования капиталов и проч.

Ключевые слова: Капитал, офшор, вывод активов, национальная экономика, финансовый кризис

С начала 1994 г. в Российской Федерации наблюдался непрерывный отток капитала за рубеж. В 2008 г., во время финансового кризиса, он превысил сумму в 130 млрд. долларов, а в последующие 5 лет совокупный объем отмеченных перемещений составил примерно 350 млрд. долларов, что сопоставимо с размером годового федерального бюджета страны. Обращает на себя внимание факт активизации деятельности хозяйствующих субъектов на данном направлении в периоды важнейших политических событий. Если в 2008 г. отток мог объясняться мировым финансовым кризисом, в 2011 и 2012 гг. – проведением парламентских и президентских выборов, то в 2014 и 2015 гг. - уже

сточением политических и экономических санкций. По оценкам независимых экспертов в анализируемый отрезок времени отток капитала составлял более 100 млрд. долларов ежегодно, что является одним из важнейших аспектов обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Стало быть, активы, заработанные российскими бизнесменами, вместо того, чтобы бы инвестироваться в отечественную экономику, интенсивно выводятся «за кордон», стимулируя «цивилизованное» (поступательное) развитие «развитых» стран, что наблюдается на фоне постоянно провозглашаемых на высшем государственном уровне лозунгов о необходимости привле-

чения иностранных инвестиций, амнистии капиталов и др.

Согласно исследованию, проведенному юридической фирмой VEGAS LEX под эгидой Российского союза промышленников и предпринимателей, только в период 2012 – 2013 гг. за границу было выведено более 20,0% активов российских компаний. При этом легальное их «бегство» происходило преимущественно в виде роста зарубежных активов отечественных коммерческих банков, покупок иностранных ценных бумаг и (притока) наличной валюты в Российскую Федерацию в целях её продажи на отечественном рынке. Если говорить о нелегальном «бегстве» капитала, то оно складывалось преимущественно из не переведенной из-за рубежа экспортной выручки и предварительных оплат не поступившего импортного товара, контрабандного экспорта, а также формально упущенной выгоды по бартерным операциям. Кроме того, повсеместно осуществлялся перевод прав собственности на предприятия в офшоры, передача в собственность зарегистрированным там компаниям активов, наличествующих в Российской Федерации, в том числе посредством передачи в управление зарубежным трастовым фондам, покупка недвижимости за рубежом.

В настоящее время для осуществления вывода активов в иностранные юрисдикции используется развитая организационная и нормативная правовая инфраструктура. Основная доля фиктивных сделок и невозврата средств осуществляется посредством сети «отмывочных» банков, офшорных компаний и «фирм-однодневок», реализующих сложнейшие схемы «серого» вывода капитала. Сформировались устойчивые высокопрофессиональные организованные транснациональные группы, включающие нотариусов, консалтинговые компании, кредитные организации, трастовые фонды, специализирующиеся на выводе капитала и размещении его в офшорных зонах или в странах, с которыми у Российской Федерации имеются двусторонние договоры во избежание двойного налогообложения. Сказанное позволяет констатировать следующее:

- Способы вывода капитала весьма разнообразны.
- Спрос на операции рассматриваемого вида обеспечен развитой инфраструктурой.
- Легальные и противоправные механизмы тесно переплетены между собой и во многих случаях неразличимы, что осложняет пресечение соответствующей противоправной практики.

Упомянутые выше транснациональные группы в странах размещения вывозимых средств пользуются солидной государственной защитой и покровительством под прикрытием института банковской тайны и ограничения ответственности бенефициаров за действия компаний при использовании «серых» офшорных схем.

В целях выявления незаконно полученного имущества, находящегося за границей, крайне необходимо устанавливать способ его перемещения туда. Выяснение подобных обстоятельств может способствовать

определению его объема, возможных посредников и локализации соответствующих (скрытых) каналов.

Способы вывода капитала, полученного в результате совершения коррупционных преступлений (правонарушений), в зависимости от наличия (отсутствия) фактического перемещения имущества через границу Российской Федерации, можно условно подразделить на два основных вида. К первому относятся способы, при использовании которых отток капитала происходит через финансовый сектор, без пересечения соответствующим имуществом границы:

- фиктивные сделки;
- манипуляции с ценами и номенклатурой товаров в ходе внешнеторговых операций;
- невозврат валютных средств;
- перевод права собственности (владения) на предприятия за рубеж и покупка зарубежных активов.

Для каждого из них характерен особый внеправовой механизм реализации.

Фиктивные сделки.

- Вывод капитала в офшоры через цепочку «фирм-однодневок» путем проведения фиктивных операций купли-продажи.
- Создание искусственной задолженности перед аффилированными структурами за рубежом и завышение процента по задолженности перед ними.
- Выплата фиктивных штрафов (иных санкций) зарубежным «партнерам».
- Выплата фиктивных страховых возмещений.
- Фиктивные импортные контракты с безвозвратными авансами («фирмам-однодневкам») - фиктивная предоплата.
- Фиктивная покупка зарубежной недвижимости через «серых» риэлторов.
- Фиктивный консалтинг (выплата вознаграждения управляющим компаниям (оплата прочих услуг), которые могли бы оказываться на территории Российской Федерации без финансового ущерба для заказчиков).
- Фиктивные лизинговые сделки.
- Скрытая покупка зарубежных банков и открытие в них корреспондентских счетов.

Манипуляции с ценами и номенклатурой товаров при внешнеторговых операциях.

- Трансфертное ценообразование - вывод прибавочной стоимости за рубеж с использованием аффилированных компаний, в том числе в офшорных зонах.
- Занижение стоимости экспорта товаров и услуг (на границе Российской Федерации указывается одна цена, в стране-потребителе, при их реализации через трейдинговые компании, офшоры и «фирмы-однодневки» - другая).
- Махинации с номенклатурой импорта (с его качеством и составом) для получения необходимых отчетных документов.

Невозврат валютных средств.

- Выдача «фирмами-однодневками» иностранным компаниям кредитов, возврат которых не предполагается.

- Невозврат экспортной валютной выручки.
 - Неосуществление поставок в счет проведенных платежей по экспортным контрактам.
 - Покупка нерезидентами российской недвижимости и ценных бумаг без перевода денег в страну их пребывания.

Перевод права собственности на предприятия за границу и покупка зарубежных активов.

- Перевод права собственности на предприятия в офшоры.
- Регистрация предприятий в странах, с которыми имеются двусторонние договоры во избежание двойного налогообложения.
- Взносы в уставные капиталы иностранных компаний и покупка зарубежных ценных бумаг.
- Передача в собственность зарегистрированным в офшорах компаниям российских активов, в том числе - в управление зарубежным трастовым фондам (Российская Федерация не признает траст).
- Покупка недвижимости за рубежом.

Способы второго вида подразумевают физический вывоз, то есть перемещение имущества через границу.

- Контрабанда денежных средств и товаров.
- Вывоз наличных денежных средств туристами, эмигрантами и экономическими иммигрантами, снятие наличных денежных средств с банковских карт за рубежом.
- Экспорт сырья и готовой продукции.

Основная доля фиктивных сделок и невозврата средств осуществляется благодаря сети «отмывочных» банков («прачечных»), офшорных компаний и «фирм-однодневок», которые организуют сложные схемы «серого» вывода капитала.

Сказанное позволяет констатировать наличие следующих факторов:

- Способы вывода капитала за рубеж весьма разнообразны.
- Спрос на операции подобного рода обеспечен развитой инфраструктурой (банки, консалтинговые компании).
- Легальные и противоправные механизмы тесно переплетены между собой и во многих случаях не различимы, что осложняет пресечение описываемых (и прочих) противоправных практик.

Обобщение имеющегося в этом вопросе опыта показывает, что основные затруднения для возврата указанных активов создают следующие обстоятельства:

- ◇ отсутствие в некоторых странах пригодных для этих целей правовых механизмов;
- ◇ необходимость признания действий лиц, вывезших имущество за границу, преступлением, как по российскому уголовному праву, так и по законодательству иностранных государств;
- ◇ повышенные требования к сбору и оформлению доказательств преступного завладения активами;
- ◇ длительность процедур и различия в сроках привлечения виновных к различным видам ответственности;

- ◇ наличие института банковской тайны, ограничение ответственности бенефициаров за действия компании и использование «серых» офшорных схем.

По мнению специалистов, основой для успешного возврата капитала является доброкачественная подготовка всех релевантных (значимых) материалов. Это необходимо как для веской аргументации исковых требований в органах иностранной юрисдикции, так и для определения дальнейшей наиболее пригодной тактики при выборе подходящей отрасли права, конкретных методов защиты интересов государства и т.д. Так, комплекс действий по возврату имущества, в первую очередь, должен предполагать высокое качество расследования, в ходе которого целесообразно:

- ◇ собирать и фиксировать доказательства факта преступления и его связи с вывезенным имуществом (активами) с учетом методов, дозволенных, в том числе нормами иностранного законодательства;
- ◇ определять и оценивать реальный размер имущества, а также полученных преступниками выгод;
- ◇ отслеживать движение имущества как на территории Российской Федерации, так и за её пределами (здесь особенно важна правовая оценка правоустанавливающих документов для их дальнейшего оспаривания);
- ◇ выявлять конечных получателей капитала, а также причастных к этому лиц, которые могут возместить убытки (дочерние и материнские компании, нотариусы, прочие юристы, оказывавшие содействие преступникам, и т.д.).

Параллельно с расследованием рекомендуется предпринимать действенные меры к обеспечению сохранности вывезенного имущества путем наложения ареста или запрета на его использование. Это позволит исключить возможность его сокрытия, порчи или перемещения (отчуждения). Принятие таких мер обычно относится к прерогативе суда. Однако не надо забывать и о том, что в некоторых странах такими полномочиями наделяются и другие государственные органы, а также отдельные должностные лица (например, в Колумбии и Мексике – прокурор), что значительно упрощает розыскательные процедуры.

На практике рассматриваемые меры оказываются довольно действенными. Так, в июле 2014 г. Высокий суд Лондона по заявлению российского Агентства по страхованию вкладов арестовал имущество бенефициара Межпромбанка на £1,171 млрд (более \$2 млрд) и обязал его раскрыть информацию о своих активах по всему миру стоимостью от £10 тыс. Подобного рода судебные решения позволяют оперативно определяться с составом имущества, в отношении которого в дальнейшем могут предъявляться всевозможные претензии.

Важно учитывать и то, что в ряде случаев это может приводить к затратам на встречное обеспечение. Так, в приведённом примере суд потребовал от заявителя разместить на банковском счету в Англии \$25 млн для покрытия неизбежных убытков.

Таким образом, в настоящий момент под эгидой Министерства финансов Российской Федерации с

участием заинтересованных правоохранительных и контролирующих органов, представителей бизнес-сообщества целесообразно подготовить предложения по совершенствованию тематически увязанных норм соответствующих отраслей федерального законодательства (гражданского, уголовного, антимонопольного, законодательства об административных правонарушениях, процессуального и т.д.). Это будет способствовать улучшению экономического климата в стране и действенной защите прав и законных интересов добросовестных предпринимателей.

Государственным органам следует также принять комплекс мер по отслеживанию принадлежности собственности на имущество, находящегося на территории Российской Федерации, в аспекте «имущество резидентов» - «имущество нерезидентов». С этой целью необходимо определить, какое количество основных средств в российской экономике контролируется резидентами и действует в интересах отечественного производства.

В плане совершенствования внешнеэкономической деятельности желательно усилить контроль Федеральной таможенной службы за поступлением валютной выручки и своевременностью ввоза оплаченного товара, что предполагает объединение ее усилий с правоохранительными и другими контролирующими органами. При этом все уровни бизнеса должны сохранять право на совершение экономически оправданных внешнеэкономических и иных операций.

Назрела потребность также и в том, чтобы государство приступило наконец-то к установлению жестких, но цивилизованных «правил игры», в рамках которых «отмывание» преступно нажитых доходов и вывод их за рубеж рассматривалось бы не просто как преступление (частное дело экономических субъектов), но как предательство национальных интересов Российской Федерации.

List of references

1. The complete report of the Research on counteraction to a corporate fraud is posted on the website VEGAS LEX (<http://www.vegaslex.ru/text/71450>).

2. *Bazhanov S. V., Booth N. D.* A legality condition in the credit and financial sphere in the conditions of an economic crisis// the Banking law. 2016. No. 2.

3. *Bazhanov S. V., Alexandrova L. I., Booth N. D., etc.* Illegal conclusion of bank assets abroad: legal and social and economic prerequisites: the monograph / under the editorship of S. V. Bazhanov. M.: MIGUP, 2016.

4. *Bazhanov S. V., Vorontsov A. A.* Dynamics of property crimes in the conditions of an economic crisis and criminal policy of Russia//Crime, criminal policy, the law / under the editorship of A. I. Dolgova. M.: Russian criminological association, 2016.

5. *Dikanova T. A., Bazhanov S. V., Alexandrova L. I.* Current state of the Russian bank system and standard legal regulation of its activities//Messenger of an economic safety. 2016. No. 2.

6. <http://www.kommersant.ru/doc/2526192>

7. <http://www.kommersant.ru/doc/2573826>

Список литературы

1. *Полный отчет* Исследования по противодействию корпоративному мошенничеству размещен на сайте VEGAS LEX (<http://www.vegaslex.ru/text/71450>).

2. *Бажанов С.В., Бут Н.Д.* Состояние законности в кредитно-финансовой сфере в условиях экономического кризиса // Банковское право. 2016. № 2.

3. *Бажанов С.В., Александрова Л.И., Бут Н.Д.* и др. Незаконный вывод банковских активов за рубеж: правовые и социально-экономические предпосылки: монография / под ред. С.В. Бажанова. М.: МИГУП, 2016.

4. *Бажанов С.В., Воронцов А.А.* Динамика имущественных преступлений в условиях экономического кризиса и уголовная политика России // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016.

5. *Диканова Т.А., Бажанов С.В., Александрова Л.И.* Современное состояние российской банковской системы и нормативное правовое регулирование её деятельности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2.

6. <http://www.kommersant.ru/doc/2526192>

7. <http://www.kommersant.ru/doc/2573826>

УДК 34 ББК 67

Jurisprudence on the qualification of crimes committed out of hooliganism

Судебная практика о квалификации преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений

Vera Evgenievna Batyukova,
associate Professor at the Chair «Criminal law and procedure» Financial University the government of the Russian Federation, candidate of legal Sciences, associate Professor
E-mail: Batyukova@yandex.ru

Вера Евгеньевна Батюкова,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс» ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент

Annotation. In the article the author analyzes the judicial practice on the application of criminal-legal norms providing for criminal liability for crimes committed out of hooliganism.

Keywords. Hooliganism. Crimes committed out of hooliganism. The judicial practice

Аннотация. В статье автор анализирует судебную практику по применению уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, совершаемые из хулиганских побуждений

Ключевые слова. Хулиганство. Преступления, совершаемые из хулиганских побуждений. Судебная практика

Близким по отношению к хулиганству является состав преступления, предусмотренный ст. 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества). Это преступление может совершаться по самым различным мотивам, в том числе и из хулиганских побуждений, которые являются квалифицирующим признаком данного преступления и содержатся в ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении от 15 ноября 2007 г. разъяснил, что умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные из хулиганских побуждений и повлекшие причинение значительного ущерба, следует квалифицировать по части 2 статьи 167 УК РФ. В тех случаях, когда лицо, помимо умышленного уничтожения или повреждения имущества из хулиганских побуждений, совершает иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, выражающие явное неуважение к обществу (например, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия в отношении физического лица), содеянное им надлежит квалифицировать по части 2 статьи 167 УК РФ и соответствующей части статьи 213 УК РФ.

В то же время, деяние, направленное на причинение вреда чужой собственности, далеко не во всех случаях обладает таким признаком, как хулиганские побуждения. Это, естественно, исключает возможность квалификации такого деяния по ч. 2 ст. 167 или по совокупности ст. 167 и ст. 213 УК РФ. Так, следует признать неправильной квалифи-

кацию следствием действий Н., который, находясь на балконе своего дома, бросил пустую бутылку в стекло автомашины из-за того, что сигнализация мешала спать его семье. Своими действиями Н. причинил владельцу автомашины ущерб в сумме, составляющей 8700 рублей. Несмотря на то, что его действия были квалифицированы по ч.1 ст. 213 и ч. 2 ст. 167, суд справедливо оправдал Н. в части обвинения по ч.1 ст. 213 УК РФ, так как из обстоятельств дела не усматривается, что Н. своими действиями грубо нарушил общественный порядок, а ч. 2 ст. 167 в итоговой квалификации была заменена на ч. 1 ст. 167, поскольку в действиях Н. не было установлено наличие хулиганских побуждений.

Нам представляется, что совокупность ст. 213 и ст. 167 УК РФ будет иметь место в тех случаях, когда повреждение или уничтожение чужого имущества сопровождается грубым нарушением общественного порядка, выражает явное неуважение к обществу и сопровождается применением оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия, либо совершается по мотивам, указанным в п. «б» ч.1 ст. 213 УК РФ.

Это обусловлено тем, что уничтожение или повреждение имущества (ч. 1 ст. 167 УК РФ) более не являются признаками хулиганства. Так, правильно были квалифицированы по совокупности преступлений, а именно по ч.2 ст. 167 и п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ действия А., который, находясь на кухне квартиры принадлежащей Д.П.И, будучи в состоянии алкогольного опьянения, беспричин-

но учинил скандал с А.В.И., на замечание жильцов квартиры о прекращении противоправных действий не обращал внимание, а наоборот, имея умысел на совершении хулиганских действий выйдя из подъезда на улицу, из хулиганских побуждений грубо стал выражаться нецензурной бранью в адрес жильцов квартиры и дома, тем самым, грубо нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу, публично демонстрируя пренебрежение принятыми обществом правовыми и нравственными нормами, после чего стал бросать камнями, которые поднял с земли, в окна квартиры №2 дома 1, принадлежащей Д.П.И., где проживают А.В.И., А.И.М. и другие члены ее семьи, при этом разбил стекла окон указанной квартиры, чем причинил значительный материальный ущерб Д.П.И. на денежную сумму 4941 рубль, и нарушил покой жильцов двух подъездов дома – в количестве 9 человек .

Пленум Верховного суда РФ от 15 ноября 2007 г. в своем постановлении также указал на то, что при решении вопроса о том, причинен ли потерпевшему значительный ущерб, судам следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, его материального положения.

Вместе с тем не будет являться совокупностью преступлений, предусмотренных ст. 167 и ст. 213 УК РФ, уничтожение или повреждение в процессе хулиганских действий имущества в случае, если оно не повлекло причинение значительного ущерба. Так, на наш взгляд, является неправильной квалификация действий С., учинившего скандал в подъезде и повредившего входную дверь в квартиру, в результате чего был нарушен покой жильцов и причинен материальный ущерб в сумме трехсот рублей, как совокупности преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 213 УК и ч.2 ст. 167 УК РФ , поскольку уничтожение или повреждение чужого имущества без причинения значительного ущерба подпадает под признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.17 КоАП РФ. В вышеприведенном примере судом не был учтен объективный признак значительности ущерба, который исходя из положений Примечания 2 к ст. 158 УК РФ, определяется с учетом имущественного положения лица, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей.

Таким образом, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества из хулиганских побуждений не образует совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167 и ст. 213 УК РФ, в случае, если такие действия не были сопряжены с признаками, входящими в объективную сторону хулиганства.

Хулиганство следует отграничивать от приведения в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215.2 УК РФ), которое предполагает разру-

шение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства или других объектов жизнеобеспечения, если эти деяния совершены из корыстных или хулиганских побуждений. Поскольку данный состав преступления является материальным, а состав хулиганства не содержит в себе последствий, перечисленных в этой статье, следует прийти к выводу, что возможно существование как реальной, так и идеальной совокупности преступлений, квалифицируемых по ст. 213 и ст. 215.2 УК РФ.

В случае если приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, несмотря на наличие в действиях лиц хулиганских побуждений, не сопровождалось грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, дополнительная квалификация этих действий по ст. 213 УК РФ исключается.

Основными разграничительными признаками хулиганства и жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ) следует признавать объект, объективную сторону и субъективную сторону данных преступлений.

Под жестоким обращением с животными понимается обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье. При этом данное деяние должно быть совершено либо из хулиганских побуждений, либо из корыстных побуждений, либо с применением садистских методов, либо в присутствии малолетнего. Говоря о способе совершения преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, И.Лобов указывает, что садистские методы жестокого обращения с животными могут выражаться в систематическом их избиении, мучительном лишении жизни, например, сдавливании шеи или применении других методов механической асфиксии, причинении открытых или закрытых переломов, ожогов, лишении их какого-либо органа или части тела и тому подобных действиях . По мнению З.А. Незнамовой, объективная сторона жестокого обращения с животными может выражаться как в форме действий (причинение увечий), так и в форме бездействия (лишение пищи, воды, помощи) . Объективная сторона хулиганства выражается в действиях, существенным образом отличающихся от жестокого обращения с животными. Кроме того, в ст. 245 УК РФ хулиганские побуждения являются альтернативным признаком деяния, а в ст. 213 УК РФ они выступают как обязательный признак субъективной стороны состава преступления.

Отметим, что при признании конкретного факта жестокого обращения с животными преступлением следует установить, что общественной нравственности, являющейся видовым объектом данного преступления, конкретным деянием был причинен вред, поскольку в противном случае

будет отсутствовать состав преступления. Кроме того, следует учитывать требования ч. 2 ст. 14 УК РФ, в соответствии с которой не может быть признано преступлением деяние, хотя формально и содержащее признаки состава преступления, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

В отличие от жестокого обращения с животными, предметом хулиганских действий, в случаях, если они сопровождаются угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, либо с фактическим осуществлением подобных действий, является любое имущество потерпевшего независимо от каких-либо признаков.

С учетом того, что в соответствии со ст. 131 ГК РФ к животным применяются общие правила об имуществе, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное, животные могут быть и предметом преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. В этой связи следует указать на то, что умышленное уничтожение животных, составляющих чужое имущество, подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 245 и 167 УК РФ, при наличии причинения собственнику значительного ущерба и наличии признаков, указанных в ст. 245 УК РФ. Если же такие действия совершаются по хулиганскому мотиву, грубо нарушают общественный порядок, выражают явное неуважение к обществу, и для их совершения лицо использует оружие или какие-либо предметы в качестве оружия, такие действия следует дополнительно квалифицировать по ст. 213 УК РФ, поскольку этой статьей не охватываются последствия, указанные в ст. 167 и 245 УК РФ.

На основании вышеизложенного, следует указать на то, что жестокое обращение с животными может образовывать совокупность с хулиганством как в случае реальной, так и в случае идеальной совокупности преступлений.

Следует отметить, что, несмотря на большое количество фактов жестокого обращения с животными, судебная практика по данной категории дел пока еще не сложилась. Во многом это можно объяснить кажущейся незначительностью степени общественной опасности, присущей данному преступлению.

Укажем и на то, что в правоприменительной практике нередко встречаются случаи одновременной квалификации действий виновных лиц по целому ряду статей УК РФ, устанавливающим ответственность за хулиганство и иные преступления из хулиганских побуждений. Это следует признать оправданным, в ситуациях, когда объективные признаки соответствующих действий не охватываются лишь одной уголовно-правовой нормой. Так, правильно, по совокупности преступлений (ст. 213 ч.2, ст. 167 ч.2, ст. 116 ч.2 УК РФ) были квалифицированы действия Г. и Г1., ко-

торые, находясь в общественном месте, двигаясь на автомобиле за рулем которого находился Г. действуя согласно распределению ролей в преступной группе, передал Г1. принадлежащий ему (Г.) пистолет модели «MP-79-9TM». После чего Г1., действуя во исполнение единого преступного умысла с Г., беспричинно, из хулиганских побуждений, выражая своими действиями явное неуважение к обществу, произвел из вышеуказанного пистолета два выстрела по двигающемуся по проезжей части автомобилю, принадлежащему Ч.О., за рулем которого находился Ч.Д., что привело к механическому повреждению автомобиля, а после его остановки, Г. и Г1., подошли к вышеуказанному автомобилю, и, выражаясь нецензурной бранью в отношении Ч.Д., умышленно нанесли несколько (не менее трех) ударов ногами по кузову вышеуказанного автомобиля, вследствие чего на кузове образовались вмятины с левого бока кузова, повредив, таким образом, указанный автомобиль. Причинив своими преступными действиями Ч.О. значительный материальный ущерб в сумме 52 000 рублей 00 копеек, Г., в то время, как Г1. в руке которого находился пистолет, демонстрировал и направлял пистолет в сторону Ч.Д., совместно с Г1. стал высказывать в адрес Ч.Д. угрозы физической расправы, которые Ч.Д. воспринимал реально, испугавшись за свою жизнь и здоровье, так как Г. и Г1. были возбуждены и агрессивно настроены. Затем Г., выражаясь нецензурной бранью в отношении Ч.Д., через открытое окно автомобиля нанес Ч.Д. один удар правой рукой в область лица, в результате чего причинил Ч.Д. сильную физическую боль.

Таким образом, на основании рассмотрения вопросов о квалификации и разграничении хулиганства и иных преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, необходимо сформулировать следующие основные выводы:

1. В случае отсутствия при совершении преступлений против личности действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо этих же действий, но совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, они не должны быть квалифицированы по совокупности со ст. 213 УК РФ, а должна применяться норма, устанавливающая уголовную ответственность за соответствующее преступление против личности.

2. Если в основе действий, посягающих на жизнь или здоровье человека, лежат не хулиганские побуждения, а личные неприязненные отношения, месть, ревность и прочие низменные мотивы, в том числе и мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиоз-

ной ненависти или вражды, либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, содеянное не может быть признано совершенным из хулиганских побуждений, и соответственно, квалифицировано как хулиганство или как деяние, совершенное из хулиганских побуждений.

3. Совокупность ст. 213 и ст. 167 УК РФ будет иметь место в тех случаях, когда повреждение или уничтожение чужого имущества сопровождается грубым нарушением общественного порядка, выражает явное неуважение к обществу и сопровождается применением оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия, либо совершается по мотивам, указанным в п. «б» ч.1 ст. 213 УК РФ.

Вместе с тем не будет являться совокупностью преступлений, предусмотренных ст. 167 и ст. 213 УК РФ, уничтожение или повреждение в процессе хулиганских действий имущества в случае, если оно не повлекло причинение значительного ущерба.

Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества из хулиганских побуждений не образует совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167 и ст. 213 УК РФ, в случае, если такие действия не были сопряжены с признаками, входящими в объективную сторону хулиганства.

4. В случае если приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (ст. 215.2 УК РФ), несмотря на наличие в действиях лиц хулиганских побуждений, не сопровождалось грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, дополнительная квалификация этих действий по ст. 213 УК РФ исключается. Аналогичные положения относятся и к правилам юридической оценки действий по ст. 245 УК РФ.

5. Квалификацию действий виновных лиц по ряду статей УК РФ, устанавливающих ответственность за хулиганство и иные преступления из хулиганских побуждений следует признать оправ-

данной, в ситуациях, когда объективные признаки соответствующих действий не охватываются лишь одной уголовно-правовой нормой.

List of used literature

1. Batukova V. E. Social danger of vandalism: problems of implementation of criminal law / New law journal. 2014. N 1. S. 151 - 156.
2. Lobov I. Responsible for cruelty to animals // Criminal law. – 2000. – No. 2. – S. 31-32.
3. Criminal law. Special part: Textbook / Under the editorship of I. J. Kozachenko, Z. A. Neznamova, G. P. Novoselov. – М.: Norma, 1998. – S. 485-486.
4. Criminal case № 1-222/2007 from the archives of the Tver district court of Moscow
5. Criminal case No. 1-87/2011 archive Ostankino district court of Moscow
6. Criminal case No. 1-475/2007 from the archives of the Tver district court of Moscow
7. Criminal case No. 1-134/11 from the archives of Nagatinsky district court of Moscow

Список литературы

1. Батюкова В.Е. Общественная опасность хулиганских действий: проблемы реализации уголовного законодательства // Новый юридический журнал. 2014. N 1. С. 151 - 156.
2. Лобов И. Ответственность за жестокое обращение с животными // Уголовное право. – 2000. – № 2. – С. 31–32.
3. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамовой, Г.П.Новоселова. – М.: Норма, 1998. – С. 485–486.
4. Уголовное дело № 1-222/2007 из архива Тверского районного суда г. Москвы
5. Уголовное дело № 1-87/2011 из архива Останкинского районного суда г. Москвы
6. Уголовное дело № 1-475/2007 из архива Тверского районного суда г. Москвы
7. Уголовное дело № 1-134/11 из архива Нагатинского районного суда г. Москвы

УДК 34 ББК 67

«SMART POWER» strategy on the context of islamisation and spreading of radical islamic ideas in western Europe

Стратегия «SMART POWER» в контексте исламизации и распространения радикальных исламистских идей в западной Европе

Vitaliy Yuryevich Belskiy,
head of the Department of Sociology and Political Science at the Moscow University of Russian Ministry of Internal Affairs, Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: belskiy@bk.ru

Виталий Юрьевич Бельский,
начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор философских наук, профессор

Vladimir Igorevich Oleinik ,
postgraduate student of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University
E-mail: oleynik_007@mail.ru

Владимир Игоревич Олейник,
аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета

Annotation. The article observes the concept of «smart power» as a strategy of political Islam containment in Western Europe. The article also analyzes the main resources of the «hard» and the «soft» power, the sequence of actions aimed at decreasing of religious and political influence of political Islam on the European area.

Keywords: smart power, strategy, Islamic radicalism, political Islam, Islamism, terrorism, hard and soft power, politics

Аннотация. В статье формулируется стратегия «умной силы», направленная на сдерживание политического ислама в Западной Европе. Анализируются основные ресурсы «твердой» и «мягкой» силы, выстраивается последовательность действий, направленных на снижение религиозного и политического влияния политического ислама на европейском пространстве.

Ключевые слова: умная сила, стратегия, исламский радикализм, политический ислам, исламизм, терроризм, твердая и мягкая сила, политика

На сегодняшний день мы можем наблюдать процесс эскалации исламского экстремизма и радикализма. Концепция политического ислама (исламизма) становится все более привлекательной среди мусульман, в том числе и в странах Западной Европы, где провозглашены принципы демократии и секуляризма. Убежденность исламистов в нераздельности религии и политики мешает принятию ими принципов светского государства. Страны Западной Европы не выработали эффективной стратегии, обеспечивающей противодействие радикальным религиозным течениям. Они стали заложниками собственной толерантности и политики мультикультурализма, которая ограничивает их действия в отношении религиозных организаций, имеющих радикальную направленность (которая часто носит латентный характер). Возникает необходимость в разработке новой стратегии сдерживания политического ислама, с использованием ресурсов как «твердой», так и «мягкой» силы».

В последние годы все более широкое распространение получает концепция «умной силы», разработанная американским исследователем и государственным дея-

телем Дж. С. Наем. В своей работе «Будущее власти» он определяет ее как сочетание твердой силы для принуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения; как способность соединять твердую и мягкую силу в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах. Он утверждает, что в XXI в. принципиально важным является не максимальное увеличение силы или сохранение гегемонии, а нахождение оптимальных путей сочетания ресурсов в успешный план действий в новой обстановке распыления силы среди государств.

Параллельно с Дж. Наем концепт «умной силы» разрабатывался С. Носсель, которая указывала на необходимость развивать механизмы продвижения государственных интересов через устойчивую систему союзников, организаций и дипломатических инициатив. Она придает большое значение деятельности международных организаций и союзов в проведении выгодных политических решений. Вместе с тем, Носсель не относит «твердую силу» к компонентам стратегии «умной силы», делая ставку преимущественно на дипломатию.

Понятие «умной силы» получило развитие и в работах российских авторов. Так, например, И.А. Чихарев использует термин «умная мощь», под которым понимается комплексная модель современного мирового лидерства, включающая в себя информационно-интеллектуальное влияние, многосторонность, способность продуктивно управлять международным развитием и решать глобальные проблемы. Другой российский исследователь, А.Г. Костырев использует термин «разумная сила» как обобщение «умной силы», под которым понимается использование общественной дипломатии, убеждения, персональный анализ лидеров, а также (непрямое и ограниченное) использование жесткой силы. Несомненным преимуществом «умной силы» является то, что она делает ставку не только на «твердую» или «мягкую» силу, а рассматривает их в комплексном взаимодействии, выстраивая стратегию эффективного использования государственных ресурсов для достижения желаемых результатов.

В свою очередь, мы рассмотрим применение стратегии «умной силы» для противодействия распространению религиозного радикализма в светских государствах Западной Европы, а именно, концепции политического ислама, которая служит идеологической основой исламского терроризма. Страны Западной Европы ослаблены внутренними противоречиями, неподконтрольной иммиграцией, террористическими актами, а в связи с провалом политики мультикультурализма и неуклонным ростом числа адептов ислама существует необходимость в идеологической альтернативе политическому исламу.

Во многом именно теократический характер раннего ислама мешает современным радикально настроенным исламистам отказаться от своих политических амбиций по переустройству общества. Согласно концепции политического ислама, законна лишь власть Бога, а все праведные политические программы должны объединять религиозные и государственные институты с законами шариата. В данной концепции приоритетное значение имеет создание в обществе теократического государства и воссоздание халифата, единого государства мусульман с сильной централизацией власти. Политический ислам отвергает принципы религиозного плюрализма, т.к. это предоставило бы верующим возможность альтернативы, противоречащей законам шариата и рассматривает ислам как единственно возможную государственную религию.

Страны Западной Европы имеют заметный недостаток в ресурсах «твердой» силы, делая ставку в основном на дипломатические средства разрешения конфликтов, а неэффективное использование имеющихся ресурсов «мягкой» силы привело к такому положению дел, когда под угрозой находится единство Европейского союза, который изначально выступал в качестве привлекательной модели для других стран. В свою очередь, приоритетным объектом воздействия «мягкой силы» политического ислама являются иммигранты-мусульмане последнего поколения, находящие в исламе поддержку своей религиозной идентичности, а

также новообращенные мусульмане из числа европейцев. «Твердая сила» политического ислама зачастую переходит границу законности, находя выражение в террористических актах, выступающих проявлением так называемого «джихада меча». Некоторые ученые также отмечают развитие сетевого терроризма, когда человек мотивируется на совершение теракта информационным полем, но действует самостоятельно, без непосредственной связи с террористической организацией.

В этой связи стратегия «умной силы» в отношении политического ислама может содержать в себе *несколько этапов*:

- Дискредитация радикальных исламистов в глазах общественности и их насильственных методов, как противоречащих Корану.

Стоит отметить, что насилие, направленное против мирного населения, не соответствует принципам ислама, о чем говорится в суре 5:32: «... кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям. Сюда же относится и самоубийство ради достижения цели, которое также неприемлемо и является отступлением от норм шариата: «Делайте пожертвования на пути Аллаха и не обрекайте себя на гибель. И творите добро, поскольку Аллах любит творящих добро». Однако, радикальные исламисты сознательно замалчивают эти и другие наставления Корана, т.к. они смягчают и ослабляют идеологическую аргументацию их деятельности. На данном этапе реализации стратегии «умной силы» необходимо отделить умеренных мусульман от радикалов, отступническая деятельность которых не должна ассоциироваться с исламом. «Твердая сила» может проявляться в использовании силовых структур для публичного наведения порядка, вместо замалчивания фактов проявления насилия со стороны радикалов. Необходима пропаганда в обществе принципа «преступление = наказание» и образа государства как гаранта безопасности и порядка, т.к. только оно имеет право на легитимное применение силы.

- Разрушение параллельных структур власти, складывающихся в результате процесса исламизации.

Дело в том, что осложнение процесса интеграции и отсутствие социальных лифтов привело к геттоизации мусульман в Западной Европе и подготовило почву для распространения радикальных исламистских идей. Но необходимо помнить, что далеко не все исламисты делают акцент на вооруженную борьбу («джихад меча»). Некоторые из них принимают активное участие в общественно-политической жизни стран проживания, занимаются религиозно-просветительской деятельностью, стремятся оказывать влияние на функционирование политической системы, формирование политических институтов и принятие политических решений, используя при этом демократические рычаги. В этой связи представляется целесообразным унифицировать законодательство западноевропейских стран в плане запрета на создание политических партий по религи-

озному признаку (там, где они еще есть). Важно также не допускать связи радикальных исламистов с умеренными исламскими организациями и пресекать каналы финансирования исламских террористов из-за рубежа.

Тревожным сигналом для стран Западной Европы является создание на их территории шариатских судов, что может являться как результатом активной деятельности исламистов, так и слабостью существующей судебной ветви власти. Шариатские суды уже существуют и действуют в Великобритании, Бельгии, Германии и других странах. Но их круг вопросов ограничен гражданскими делами. Тем не менее, создание и функционирование таких судов противоречит национальным Конституциям и нуждается в соответствующих действиях со стороны государств.

- Координация усилий государств Западной Европы по проведению долгосрочных информационных кампаний, направленных на сближение христианства и ислама.

Несмотря на то, что некоторые теологические вопросы выходят за рамки данной статьи, стоит отметить основное направление деятельности на данном этапе – поиск точек соприкосновения между двумя религиями и их популяризация в глазах общественности с целью уничтожения «образа врага» в лице как христианства, так и ислама. Это необходимо для профилактики и предупреждения религиозно-политических конфликтов. Ведь при всех своих различиях, христианство и ислам имеют много общего: обе религии являются монотеистическими и авраамическими (признание Ветхого Завета), отрицают язычество (многобожие, идолопоклонство), признают божественную природу человека, стремятся к достижению социальной справедливости, отстаивают определенные нравственные ценности, обещают рай или ад в зависимости от земной жизни и т.д. Римско-католическая Церковь уже на Втором Ватиканском соборе предприняла заметные шаги для сближения двух религий, когда приняла Декларацию об отношении к нехристианским религиям (*Nostra Aetate*). В ней отмечается, что Римско-католическая Церковь не отвергает ничего из того, что истинно и свято в других религиях, а отдельный параграф *Nostra Aetate* посвящен мусульманам и носит примиряющий характер между двумя религиями. Открыто заявляется, что «Церковь с уважением относится и к мусульманам, поклоняющимся Единому Богу, Живому и Сущему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли». Такая информационная политика должна разрушить в сознании граждан восприятие данных конфессий как двух «враждебных лагерей» для того, чтобы снизить в дальнейшем вероятность разжигания религиозных конфликтов.

- Построение политического курса на формирование единой европейской идентичности.

На данном этапе необходима окончательная дискредитация политики мультикультурализма, подрывающей культурные основы национальных государств. Данная политика была направлена на сохранение и развитие культурных различий, параллельное суще-

ствование культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. Но, как показывает практика, европейские модели мультикультурализма потерпели неудачу. В условиях продолжающейся исламизации и миграционного кризиса необходимо формирование политики монокультурализма, способствующей формированию единой европейской идентичности с опорой на традиционные христианские ценности. В ее основе должны лежать идеи свободы, равенства всех людей перед законом (а также верховенство закона), прогрессивного развития цивилизации, естественных прав человека, двухсторонней толерантности и т.д. Таким образом, необходимо закрепление не только прав, но и обязанностей человека и гражданина. Особую роль на данном этапе отводится «мягкой силе» в виде убеждения и притяжения.

- Признание на уровне ЕС особой роли христианства в европейской истории, его культурного и символического значения.

Необходимо закрепление данных положений в международных документах Европы. При этом не затрагивается равенство всех религий перед законом (их правовой статус), т.к. в данном случае речь не идет о статусе государственной религии. Дело в том, что в некоторых странах Западной Европы отдельные религии имеют государственный статус, закрепленный в Конституции или специальных законодательных актах. Так, католицизм является официальной религией в Монако, Лихтенштейне и некоторых кантонах Швейцарии, англиканство – в Англии, пресвитерианство – в Шотландии. В данном случае делается акцент на историческом, культурном значении христианских конфессий, которые внесли свой вклад в формирование европейской цивилизации и идентичности. Это необходимо для того, чтобы закрепить христианские корни европейской идентичности, обеспечивающие ей целостность и преемственность.

По сути, все этапы стратегии «умной силы» тесно взаимосвязаны и работают на интеграцию европейского общества. По мере ее реализации, ресурсы политического ислама на европейском пространстве будут постепенно сокращаться, он уже не будет иметь прежней поддержки в глазах мусульман, т.к. будет ассоциироваться с незаконной деятельностью, направленной не только против традиционных устоев европейского общества, но и основополагающих принципов самого ислама.

Данная стратегия носит общий характер и может не учитывать национальной специфики стран Западной Европы. Вместе с тем, она обозначает основные направления деятельности: дискредитацию политического ислама в глазах общественности, подъем национального самосознания, укрепление основ европейской идентичности, основанной на общем христианском наследии и формирование политики монокультурализма. При этом все тактические мероприятия должны содействовать укреплению друг друга. «Твердая сила» остается решающей в том, что касается противодействия

исламскому терроризму, в то время как «мягкая сила» больше ориентирована на умеренных исламистов, профилактику и предупреждение религиозно-политических конфликтов.

Вполне возможно, что уже слишком поздно для реализации данной стратегии сдерживания политического ислама, в то время как миграционный кризис и террористические акты в европейских странах лишь усугубляют ситуацию. Тем не менее, альтернатива может быть еще хуже. На сегодняшний день культурное и историческое значение традиционных христианских конфессий ослабляется эффектом секуляризации, а конфессиональная политика государств Западной Европы направлена больше на соблюдение принципов толерантности и плюрализма. Предоставив широкие права религиозным меньшинствам, государства зачастую не могут обеспечить должный уровень внутренней безопасности в случае их радикализации, т.к. это будет идти вразрез с провозглашенными принципами свободы мысли, совести и религии.

В борьбе с исламским терроризмом слишком слабая реакция может поощрить экстремистов, но и неверные силовые действия тоже могут нанести вред. Работа в данном направлении требует усилий внешней разведки и сотрудничества полицейских сил. Но, необходимо помнить, что при всех преимуществах «твердой силы» если ее применение воспринимается населением как несправедливое, то она подрывает «мягкую силу», направленную на «привлечение» мусульман и приводит к новым проявлениям терроризма. В этом смысле действия государства по обеспечению национальной безопасности должны носить легитимный характер в глазах общественности. Только тогда можно говорить об «умной силе» как эффективной стратегии.

List of references

1. Documents II of the Vatican Cathedral//Perev. A. Koval, Paoline Publishing house - M. 2004. Page 277-281.
2. Kostyrev A. G. «The reasonable force», public diplomacy and social networks as factors of international policy.//Policy. Political researches. – M of 2013. No. 2. Page 143-149.
3. Nai S. Joseph (Jr). Future of the power.//The lane with English V. N. Verchenko. – M of nuclear heating plant, 2014. Page 18-19.
4. Belsky V. Yu. Radicalization of modern Europe as threat to social progress.//Bulletin of Academy of an economic safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – M of 2015. No. 6. Page 8-12.
5. Belsky V. Yu. Terrorism as socio-political phenomenon: teoretiko-methodological analysis.//Bulletin of the Moscow university Ministry of Internal Affairs of Russia. – M of 2014. No. 9. Page 6-10.
6. Oleynik V. I. Radical Islam in the modern world: political aspect.//Bulletin of Academy of an economic safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – M of 2015. No. 6. Page 40-41.
7. Semantic translation of the Holy Koran into Russian//the Complex of a name of the King Fahd according to the edition of the Holy Koran – Medina, 2010 Sura 5:32, 2:195. Page 134, 35.
8. Whether the sharia court the provision of the law in the EU, the USA and Russia will become? [An electronic resource] - the access Mode: http://www.chaskor.ru/article/stanet_li_shariatskij_sud_normoj_zakona_v_es_ssha_i_rossii_28275 (date of the address: 26.01.2016.)
9. Terrorism as socially political phenomenon. Counteraction in modern conditions: the monograph / Under the editorship of V. Yu. Belsky, A. I. Satsuta. – M.: UNITY-DANA, 2015. Page 156-159.
10. Tsururyan S.A., Filimonov G. Yu. Multikulturalizm in the USA and Europe: political strategies in operation//Policy and society – M. 2012. No. 2. Page 62-71.
11. Chikharev I. A. «Smart power» in an arsenal of worldwide policy.//International processes. – M of 2011. T.9. No. 1 (25). Page 93-98.
12. Nossel S. «Smart Power»//Foreign Affairs. – New York. 2004. Volume 83, No. 2, pp.131-142.

Библиографический список

1. Документы II Ватиканского Собора // Перев. А. Коваль, Изд-во «Паолине» - М. 2004. С. 277-281.
2. Костырев А.Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики. // Полис. Политические исследования. – М. 2013. №2. С.143–149.
3. Най С. Джозеф (младший). Будущее власти. // Пер. с англ. В.Н. Верченко. – М. АСТ, 2014. С.18-19.
4. Бельский В.Ю. Радикализация современной Европы как угроза социальному прогрессу. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – М. 2015. №6. С.8-12.
5. Бельский В.Ю. Терроризм как социально-политическое явление: теоретико-методологический анализ. // Вестник Московского университета МВД России. – М. 2014. №9. С.6-10.
6. Олейник В.И. Радикальный ислам в современном мире: политический аспект. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – М. 2015. №6. С.40-41.
7. Смысловой перевод священного Корана на русский язык // Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана – Медина, 2010 г. Сура 5:32, 2:195. С.134, 35.
8. Станет ли шариатский суд нормой закона в ЕС, США и России? [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/stanet_li_shariatskij_sud_normoj_zakona_v_es_ssha_i_rossii_28275 (дата обращения: 26.01.2016.)
9. Терроризм как социально политическое явление. Противодействие в современных условиях: монография / Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С.156-159.
10. Цатурян С.А., Филимонов Г.Ю. Мультикультурализм в США и Европе: политтехнологии в действии // Политика и общество – М. 2012. № 2. С.62-71.
11. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики. // Международные процессы. – М. 2011. Т.9. №1 (25). С.93-98.
12. Nossel S. «Smart Power» // Foreign Affairs. – New York. 2004. Volume 83, No. 2, pp.131-142.

On countering terrorism (financial-legal and comparative-legal aspects)

О противодействии терроризму (финансово-правовой и сравнительно-правовой аспекты)

Vasilii Nikolaevich Galuzo,
candidate of law sciences, Chille old researcher at
the Institute of Education and Science

Василий Николаевич Галузо,
кандидат юридических наук, старший научный
сотрудник НИИ образования и науки
E-mail: vgrmn@yandex.ru

Nodari Darchoevich Eriashvili,
candidate of law sciences, doctor of economic
sciences, chief editor of «UNITY-DANA»

Нодари Дарчоевич Эриашвили,
кандидат юридических наук, доктор экономиче-
ских наук, главный редактор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА»
E-mail: nodari@unity-dana.ru

Научная специальность: 12.00.01 - Теория и история права и государства; история правовых учений

Annotation. The article drew attention not only to the imperfection of the international treaties on terrorism and its causes, but also made proposals for the improvement thereof.

Keywords: terrorism, an international Treaty, the United Nations, subject to international law, Russian Federation, financing of terrorism, counter-terrorism, counter-terrorism

Аннотация. В статье обращено внимание не только на несовершенство международных договоров о терроризме и о его причинах, но и высказаны предложения по совершенствованию таковых.

Ключевые слова: терроризм, международный договор, Организация Объединенных Наций, субъект международного права, Российская Федерация, финансирование терроризма, борьба с терроризмом, противодействие терроризму

Одной из причин существования долговечного спутника человечества – терроризма - является его устойчивое финансирование.

Но первоначально относительно определения понятия «терроризм» в юридической литературе?

Отсутствие вразумительного определения понятия «терроризм» (через существенные признаки) побудило А.В. Васильева и В.А. Гареева высказать следующее суждение: «Само понятие «терроризм» в наши дни настолько расплывчато, что существует около двухсот его определений» .

В.П. Емельянов, обращая внимание на фактическое отсутствие единообразного определения понятия «терроризм», отмечает, что «существует от 100 до 200 понятий терроризма, ни одно из них не признано классическим» .

На научность при определении понятия «терроризм» обращает внимание Д. Симеунович: «При определении терроризма необходимо избежать ошибки, связанной с попыткой выводить определение только эмпирически, то есть из практических знаний, или, наоборот, только на основании теоретических источ-

ников, таких, как уже существующие его определения. Наиболее качественные определения должны быть дедуктивными и объединять в себе сведения, полученные и из практики, и из теории» («Терроризм – это сложная форма организованного группового, а реже индивидуального или институционального политического насилия, отличающегося не только устрашающими силовыми, физическими и психологическими, но и высокотехнологичными методами политической борьбы, с помощью которых, как правило, в периоды политического и экономического кризиса, а реже в условиях достигнутой политической и экономической стабильности какого-либо общества, совершаются систематические попытки достижения «великих целей» болезненно-драматическим способом. Эти идеи не соответствуют текущим обстоятельствам, в первую очередь, ситуации в обществе и историческим возможностям тех, кто применяет терроризм как политическую стратегию. Социально опасные действия терроризма предполагают угрозу применения силы в рамках интенсивной пропагандисткой деятельности, злоупотребление Интернетом в террористических целях, похищения,

шантаж, психофизические издевательства, саботаж, диверсии, нападения смертников, индивидуальные и массовые политические убийства, при направленности реже на фактических потенциальных политических противников, а чаще на представителей системы и невинных жертв. Терроризм как форма индивидуального, нелегитимного, незаконного и неинституционального насилия всегда обращен против отдельных институтов какого-либо общества, то есть *in concretum* против государства».

По мнению Е.Д. Шелковникова, «терроризм – это преступная деятельность, выражающаяся в устрашении населения и органов власти с целью достижения преступных намерений», одной из криминологических характеристик которого является «глобализация, выход на международную арену».

В.Е. Эминов и С.В. Максимов приводят следующее определение понятия «терроризм»: «взрывы, поджоги, убийства и другие преступления, совершенные одиночками или группами лиц в целях дестабилизации социально-политической обстановки, устрашения населения и воздействия на политику органов государственной власти».

П.П. Бутков и А.И. Зайцев приводят несколько определений понятия «терроризм»: «терроризм – это не только комбинация различных видов насилия и преступления в интересах решения политических проблем. Он крайне опасное явление, угрожающее всему обществу и государственному порядку»; «Терроризм – нанесение масштабного ущерба людям и обществу, природным и техногенным объектам различными способами и средствами для устрашения, запугивания, поддержания постоянного страха у политических противников, с целью удовлетворения выдвигаемых требований. Терроризм развивается для достижения политических и некоторых других целей отдельных лиц, групп лиц, крупных группировок, сообществ, государств различных национальностей, инакомыслящих и инакововеряющих людей. Основная цель – устрашение политической системы и принуждение властей к принятию решений, направленных на выполнение требований террористов. Масштаб целей терроризма определяет вид, частоту (риск) и масштабы актов террора».

Ю.М. Антонян следующим образом определяет «смысл терроризма»: «в наведении страха как мощного способа покорения, обеспечения покорности и возможности управления, а также получения материальных благ. Вместе с тем он приносит огромное психологическое удовлетворение террористу, резко повышая его субъективное ощущение собственной значимости, особенности, исключительности; поэтому террористический акт может совершаться, образно говоря, ради себя самого. Даже при первом и поэтому неизбежно поверхностном подходе, тем не менее, становится ясно, что терроризм достаточно сильнее явление; со всей полно-

той представить себе его сущность и природу, все многогранные его проявления можно лишь при углубленном анализе общесоциальных и индивидуальных причин данного феномена, того таинственного и грозного, что сокрыто в человеческих тайниках».

Г.М. Вельяминов умозаключает следующее: «Терроризм – симптом тяжелой болезни общества. Раньше, когда карательные средства не были столь эффективны, как ныне, социальные «болезни» такого рода выходили наружу обычно целиком революционным путем. Терроризм – это вяло текущая болезнь. Гнойник весь не вскрывается, но язвы выступают то в одном, то в другом месте. Бороться с терроризмом локальными акциями – «око за око» - все равно что лечить язвы йодом. Нужно тотальное оздоровление всего социального организма. Но это вне забот торговой глобализации».

С.А. Кокорин в научном исследовании, предметом которого являются «особенности политики российского государства по противодействию современному терроризму на территории России», под терроризмом понимает «преступное деяние, направленное на самые важные права человека: право на жизнь, здоровье, свободу – и проявляющееся в особом цинизме и повышенной общественной безопасности».

Ю.В. Чуфаровский выделяет несколько видов терроризма: международный («терроризм, в который вовлечены граждане на территории более одной страны»); государственный («акты военной агрессии и другие противоправные факты применения насилия и произвола в отношении иностранных государств, внутренних политических противников»); внутренний (политический, сепаратистский, этнический, религиозный, уголовный).

По мнению С.Е. Метелева, терроризм «выступает как своеобразная форма ведения партизанской войны. Но в отличие от традиционной, в качестве «врага» рассматриваются не «солдаты противника», а мирное население. Сознательное и целенаправленное убийство мирного населения отличает терроризм от партизанской войны или диверсионной деятельности, то есть теракт – это убийство или угроза убийства мирного населения».

А.М. Бородин провел «методологическое и терминологическое разделение смысловых базовых категорий исследования – «террор» и «терроризм», которые в обыденной жизни употребляются как синонимы, а именно: если понятие террор относится к политическим силам, находящимся во власти и опирающимся на властные органы и силовые структуры, а потому объективно являющимся более сильной стороной в противостоянии или конфликте, то понятие терроризм относится к оппозиционным силам против правящих и привилегированных групп общества, а также всей системы управления и объективно являющимся стороной более слабой».

Авторы – единомышленники (В. Замковой и М. Ильчиков) выделяют следующие разновидности терроризма: революционный и контрреволюционный террор; субверсивный и репрессивный террор; физический и духовный террор; «селективный» и «слепой» террор; «провокационный» террор; «превентивный» террор; военный террор; криминальный террор .

А.И. Долгова обращала внимание на различие понятий «экстремизм» и «терроризм» («В литературе существуют многочисленные определения экстремизма и терроризма, даваемые философами, психологами, политологами, юристами. При этом часто встречается упоминание трактовки крайнего экстремизма ... как приверженности к крайним взглядам и действиям, совершение таких действий, подстрекательство к ним т.д., а также смешение террористических и экстремистских проявлений» .

В.П. Галицкому удалось сформулировать несколько «общих выводов»: «Экстремизм и терроризм – это всегда: 1. Противоправное деяние во всех государствах. 2. Политически, националистически, религиозно окрашенное социально-политическое явление противоправной направленности. 3. С научной и правовой точек зрения экстремизм – это производное от радикализма, терроризм – это производное от экстремизма, его крайнее агрессивное, воинствующее проявление. 4. Преследует единственную цель – захват существующей власти, изменение власти и построение «своего» государства на религиозной, националистической и др. идеологии. 5. Организованное действие, движение, имеющее свою идеологию: политическую (построение демократического, теократического, мононационального государства); националистическую ... ; религиозную 6. Метод достижения своей политической, националистической, религиозной и др. цели; метод нарушения системы управления в государстве и его дестабилизации; метод показа всем, что существующая власть и его правоохранительная система не в состоянии обеспечить порядок и спокойствие граждан, стабильность развития общества. 7. Протестное явление против существующей системы, ее идеологии; социально-экономической, национальной, религиозной, административно-правовой политики; государственного строительства» .

О.В. Нардина отмечает следующее: «и ученым, и законодателям трудно дать терроризму такое определение, которое бы полностью охватывало все аспекты данного явления. На наш взгляд, наиболее точным будет понятие, включающее признаки, присущие каждому террористическому акту. Анализ данных признаков позволил нам сформулировать следующее определение терроризма. Терроризм – это социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия либо угроз его применения,

посредством которого террористы стремятся достичь поставленных целей» .

По мнению В.Е. Петрищева, «терроризм – это систематическое, социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия либо угроз применения такового, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели» .

В.И. Василенко обращает внимание на «несовершенство определения понятия «терроризм» в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом» ... в этой формулировке смешаны цели, мотивы, методы, способы и результаты конкретных террористических акций» .

Д.А. Ольдеева первоначально определила «признаки терроризма» («1. Терроризм предполагает достижение определенной политической цели. 2. Во всех случаях терроризм связан с применением насилия либо угрозой использования такового, направленным на частичную или полную деморализацию объекта воздействия. 3. Объектом террористического воздействия выступает широкий круг общественных отношений, основным из которых является конституционный строй либо один из его элементов (территориальная целостность, порядок управления, экономическая мощь и т.д.), дополнительным объектом могут быть материальные объекты, некоторые категории граждан, определяемые по политическому, социальному, национальному, религиозному или иному принципу, либо заранее конкретно не определенные случайные люди»), а потом и само понятие «терроризм» («... умышленную противоправную общественно опасную деятельность как группы лиц, так и отдельных личностей, посягающую на широкий круг охраняемых Уголовным законом общественных отношений, основным из которых является конституционный строй, либо один из его элементов (территориальная целостность, порядок управления, экономика страны, экологическая сфера и т.д.) и направленную на достижение определенных политических целей посредством применения насилия (либо причинения смерти, вреда здоровью и т.д.) в отношении неопределенного круга лиц, уничтожения имущества либо угрозами совершения указанных действий»).

Проанализировав «существующие понятия терроризма», Д.С. Полянский предложил «более точное его определение»: «терроризм – это использование насилия для достижения политических целей, посредством принуждения государственных органов, отдельных граждан к совершению тех или иных действий в пользу террористов во избежание реализации последними угроз по отношению к определенным лицам и группам» .

С.У. Дикаев фокусирует внимание на «системе «терроризма», которая по его мнению состоит из трех подсистем (а следовало бы указать на четыре подсистемы. – Авт.): «социальная востребованность, искусственная масса, самосохранение и самопроизводство»)

В.В. Кафтан, исследовав «сущность и содержание современного терроризма», сформулировал несколько «положений, выносимых на защиту»: «1. Современный терроризм – это особым образом организованное насилие, вид социального противодействия, которое по военно-политическим целям, средствам, способам и результатам воздействия является одной из форм ведения войны и представляет собой антиобщественную деятельность крайне агрессивных организованных, идеологически подготовленных субъектов. Терроризм сегодня есть целостная система, где представлены экстремистские идеи и действия людей и соответствующие данной деятельности организации»; «Содержание современного терроризма представляет собой совокупность непримиримых духовных, политических взглядов, поддерживаемых определенными, в том числе и криминальными социально-экономическими структурами. Оно синтезирует социально-радикальные, экстремистские мировоззренческие позиции отдельных людей и организаций и включает в себя амбициозно-политические, духовно исключительные, фанатически-психологические компоненты, которые на организационном и личностном уровне направлены на дестабилизацию жизни социума» .

Авторы-единомышленники (Р.Я. Эммануилов и А.Э. Яшлавский) полагают следующее: «Терроризм в любых его проявлениях – и «религиозно окрашенный» терроризм в особенности – феномен крайне сложный, неоднородный, многомерный и многоуровневый» .

И.Ю. Сундиев отмечает три «основных компонента» современного терроризма: «международные финансовые институты (в их ведении – организация, координация и стратегия деятельности), собственно террористические организации (ударная сила) и средства массовой коммуникации (создание психо-эмоциональных условий деятельности террористических организаций, озвучивание «их» требований и обеспечение переговорного процесса с властями, поддержание действенного имиджа террористических структур, обеспечение связи и взаимодействия членов террористических организаций). Современные террористические организации имеют все признаки корпоративных структур, а низовые (исполнительские) звенья строятся по семейно-сетевому признаку» .

Приведенный перечень определений понятия «терроризм» позволяет нам лишь согласиться с высоким уровнем абстрактности этого понятия, не допускающим его определение через существенные признаки.

Каким же образом определяется понятие «терроризм» в международных договорах ?

Озаботившись распространением международного терроризма Комитет Министров Совета Европы рекомендовал «правительствам государств-членов руководствоваться следующими принципами: 1. В тех случаях, когда они получают просьбу об экстрадиции, касающейся преступлений, на которые распространяется Гаагская конвенция о подавлении незаконных захватов воздушных судов и Монреальская конвенция о подавлении незаконных актов против безопасности гражданской авиации, преступлений против дипломатических представителей и других лиц, находящихся под международной охраной, взятия заложников или любого террористического акта, они должны при применении международных соглашений или конвенций по этому вопросу, и, особенно, Европейской конвенции об экстрадиции, или при применении внутреннего права, учитывать особенно серьезный характер совершения этих актов, *inter alia*: когда они создают общую опасность для человеческой жизни, свободы или безопасности; когда они касаются невинных людей, не разделяющих мотивы, стоящие за этими актами; когда используются жестокие или ужасные средства для совершения этих актов. 2. Если оно отказывается в экстрадиции в случаях, упомянутых выше, и если его правила юрисдикции допускают это, то правительство государства, к которому обратились с просьбой, должно передать дело своим компетентным властям для уголовного разбирательства. Эти власти должны принимать свое решение таким же образом, как и в случае с любым обычным тяжким преступлением в соответствии с законами государства. 3. Правительства государств-членов, в которых такая юрисдикция отсутствует, должны рассмотреть возможность ее создания» .

Международно-правовые положения о терроризме имплементируются в законодательство субъектов международного права, в том числе и Российской Федерации . Правовой основой для этого являются положения статьи 15 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. .

Так, в Уголовном кодексе РФ (УК РФ) от 24 мая 1996 г. , введенном в действие с 1 января 1997 г. , имеется несколько составов преступления, фактически охватываемых родовым понятием «терроризм».

Так, в ст. 205 УК РФ «Террористический акт» закреплены следующие положения: «1. Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях - наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. 2. Те же деяния: а) совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) повлекшие по неосторож-

ности смерть человека; в) повлекшие причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, - наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет. 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они: а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ; б) повлекли умышленное причинение смерти человеку, - наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы. Примечание. Лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления».

В ст. 2051 «Содействие террористической деятельности» закреплены следующие положения: «1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма - наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового. 2. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, - наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо без такового. 3. Посоничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 настоящего Кодекса, - наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет. 4. Организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, или руководство его совершением, а равно организация финансирования терроризма - наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы. Примечания. 1. Под финансированием терроризма в настоящем Кодексе понимается предоставление или сбор средств либо

оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений. 1.1. Под пособничеством в настоящей статье понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы. 2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

В ст. 2052 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма» закреплены следующие положения: «1. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма - наказываются штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет. 2. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, - наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до одного миллиона рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового, либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет. Примечание. В настоящей статье под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании».

В ст. 2053 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности» закреп-

плены следующие положения: «Прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих, - наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы. Примечание. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно сообщило органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также мест его проведения и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

В ст. 2054 «Организация террористического сообщества и участие в нем» закреплены следующие положения: «1. Создание террористического сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями - наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы. 2. Участие в террористическом сообществе - наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в

размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового. Примечания. 1. Лицо, добровольно прекратившее участие в террористическом сообществе и сообщившее о его существовании, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не может признаваться добровольным прекращение участия в террористическом сообществе в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий. 2. Под поддержкой терроризма в настоящей статье, пункте «р» части первой статьи 63 и примечании к статье 205.2 настоящего Кодекса понимается оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению террористической деятельности».

В ст. 2055 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» закреплены следующие положения: «1. Организация деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, - наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы. 2. Участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, - наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового. Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не может признаваться добровольным прекращение участия в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий».

В Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» от 26 февраля 2006 г. под террориз-

мом предложено понимать: «терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

В Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» от 26 февраля 2006 г. дано разъяснение некоторых терминов: «терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»; «террористическая деятельность - деятельность, включающая в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности»; «террористический акт - совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»; «противодействие терроризму - деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по: а) преду-

преждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма); б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом); в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма» (ст. 3).

Каковы же причины жизнеспособности терроризма.

В первую очередь, речь идет о его финансировании, на что обращается внимание в международных договорах.

Так, в резолюции Совета Безопасности ООН «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» № 1373 (2001) (принята в г. Нью-Йорке 28 сентября 2001 г. на 4385-ом заседании Совета Безопасности ООН) на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г., ратифицирован Указом ВС СССР 20 августа 1945 г.) на все субъекты международного права возложена обязанность «предотвращать и пресекать финансирование террористических актов».

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, терроризм, как социальное явление, является неизбежным спутником человечества, ибо предопределен неравенством между людьми.

Во-вторых, терроризм представляет исключительно совокупность неправомерных действий.

В-третьих, определение понятия «терроризм» прерогатива международных организаций (например, ООН) в международных договорах.

В-четвертых, в уголовном законодательстве отдельных субъектов международного права, в том числе и в Российской Федерации, недопустимо не только использование термина «терроризм», но и определять его в качестве одного преступления.

В-пятых, в отношении терроризма на международном уровне и преступлений против интересов конкретного государства допустимо исключительно противодействие, а не борьба.

Controversial aspects of the sentencing sick addictions and the application to them of the deferment of serving the punishment

Дискуссионные аспекты назначения наказания больным наркоманий и применения к ним отсрочки отбывания наказания

Larisa Vladimirovna Gotchina,
doctor of Law Sciences, Assistant Professor
head of the chair of of criminal law
Saint Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia

Лариса Владимировна Готчина,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета
МВД России
E-mail:kafedry@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 –уголовное право, криминология; уголовно-исполнительное право

Annotation. The state policy in the area of drug trafficking and in the area of countermeasures to their illegal turnover is built on the principle of priority of the measures to prevent the drug-connected crimes. Voluntary treatment for drug addiction at a delay of criminal punishment showed very low prophylactic efficacy. Analyzed the practice confirms the need for compulsory treatment of drug addicts, even at low achieving remission.

Keywords: crime, liberalization narkotikapolitiska, drug addicts, the suspended sentence

Аннотация. Наблюдается либерализация уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков. Добровольность лечения от наркомании при отсрочке уголовного наказания показала очень низкую профилактическую эффективность. Проанализированная практика подтверждает необходимость принудительного лечения наркозависимых, даже при низких результатах достижения ремиссии.

Ключевые слова: преступление, либерализация наркозаконодательства, больной наркоманией, отсрочка наказания

Уровень российской преступности в сфере незаконного оборота наркотиков сохраняется. Его незначительные колебания объясняются латентностью, организационными реформами в правоохранительной сфере, изменениями законодательства, кадровой подготовкой сотрудников, выявляющих, раскрывающих, расследующих и профилирующих наркопреступления, политикой социальной защищенности сотрудников правоохранительных органов и государственной молодежной политикой.

В этой связи, преобладающая численность наркоманов сохраняется в молодежном возрасте, а первые пробы приобщения к наркоупотреблению – подростковым. Между тем, каждое употребление наркотика, кроме медицинского, всегда связано с преступлением. При выявленном факте это требует возбуждения уголовного дела, чаще всего, по статье 228 УК РФ за «Незаконные приобретение, хранение, перевозку ...», а в ряде иных случаев – по другим статьям.

Систематическое синтезирование новых наркотиков, появление потенциально опасных

психоактивных веществ, сохранение молодежной наркокультуры вынудило законодателя искать пути снижения уровня наркопреступности, используя институты уголовного права [8]. Одной из попыток в этом направлении явилось введение ст.ст. 82 и 72 УК РФ.

При реализации нормы, регламентирующей применение к осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233, отсрочки наказания до 5 лет и возможности последующего освобождения от него (часть 1 статьи 82 УК РФ), возникают вопросы у правоприменителей.

Норма статьи 82 УК РФ применяется только к осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые указанные преступления. Однако перечень указанных законодателем статей дискуссионен. Так, вызывает удивление включение в него деяния, предусмотренного статьей 233 УК РФ. Объективная сторона преступления, предусмотренного

тренного в ней, представлена двумя альтернативами: незаконной выдачей либо незаконной подделкой рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ. В первом случае деяние совершает специальный субъект, который наделен правом на выдачу таких документов. Возможны ли случаи, чтоб такое лицо было больным наркоманией? Теоретически, да, практически, - большие сомнения. То есть в этой части правоприменения норма мертвая.

Незаконная подделка рецептов или иных документов совершается общим субъектом преступления, и, чаще всего, с помощью компьютерной техники налажен массовый выпуск таких предметов преступления с целью их реализации для удовлетворения зачастую корыстного мотива.

Конечно, допустимы случаи, что такое лицо может быть признано больным наркоманией и изъявить желание добровольно пройти курс лечения от этой болезни, а также медико-социальную реабилитацию. При наличии таких обстоятельств суд на основании части 1 ст. 82 УК РФ может отсрочить наказание в виде лишения свободы. Обосновано ли решение законодателя в этом случае, когда лицо выполняет преступные действия, создающие условия для последующего незаконного сбыта наркотических средств или психотропных веществ? По нашему мнению, нет.

При введении ст. 82 УК РФ законодатель предполагал, что впервые оступившиеся и совершившие вышеназванные преступления больные наркоманией нуждаются в изъятии желания лечиться и пройти реабилитацию, тем самым получив возможность отсрочки наказания. Так ли это?

Нет, койка-места наркологической службы, предусмотренные на лечение наркомании, пустуют. То есть ожидаемой их наполненности, массового применения отсрочки наказания для преступников-наркоманов не произошло. Необходимо признать, что добровольность лечения даже перед угрозой уголовного наказания с перспективой реального срока его отбывания в местах лишения свободы показала очень низкую профилактическую эффективность. По всей видимости, на наркоманов сильнее действуют иные факторы, выбираются иные приоритетные альтернативы.

Для дискуссионного обсуждения предлагается также часть 3 статьи 82 УК РФ, по условиям которой «после прохождения курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации

и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания».

Руководители наркологических служб указывают, что, так как в настоящее время не определены эффективные средства и методы лечения наркомании, ремиссия наступает только у 10-20 % пациентов. Ее средняя длительность составляет 10-11 месяцев. Кроме того, в России по-прежнему отсутствует национальный стандарт социальной реабилитации.

Федеральным законом № 313-ФЗ от 25 ноября 2013 г. в УК РФ была введена статья 72 «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией», в соответствии с которой суд наряду с наказанием, не связанным с лишением свободы, может назначить больному наркоманией пройти курс лечения и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Так, в период с 24 мая по 31 декабря 2014 г. из 119 181 осужденного за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков к 3 423 применена вышеуказанная мера уголовно-правового воздействия; за первое полугодие 2015 г. – 294, при этом, за этот же период судом при назначении условного осуждения, в соответствии со статьей 73 УК РФ, за совершение тех же деяний возложена обязанность пройти лечение от наркомании 2 041 больному наркоманией[3]. Таким образом, в 2015 г. в большинстве случаев лечение от наркомании назначалось осужденным к лишению свободы. Это свидетельствует о несовершенстве статьи 72 УК РФ.

Однако в судебной практике имеются примеры, когда суд назначает статью 72 УК РФ больному наркоманией, осужденному к лишению свободы. Интерес представляет в этой связи постановление Президиума Челябинского областного суда от 15 июля 2015 г. по делу Ф., который осужден городским судом Челябинской области за незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотического средства в крупном размере по части 2 статьи 228 УК РФ к лишению свободы на срок 4 года со штрафом в размере 5000 рублей, без ограничения свободы.

В соответствии со статьей 73 УК РФ наказание в виде лишения свободы постановлено считать условно с испытательным сроком 3 года. Совместно с этим на основании статьи 72 УК РФ на Ф. возложена обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и соци-

альную реабилитацию. Данное положение было исключено из приговора в отношении Ф. постановлением Президиума.

24 июня 2014 г. районный суд г. Москвы гражданину Р. за совершение покушения на незаконный сбыт наркотических средств, квалифицировав деяние по части 3 статьи 30 части 1 статьи 228 УК РФ, назначил наказание в виде 4 лет 6 месяцев лишения свободы, с применением статьи 73 УК РФ, условно с испытательным сроком на 4 года и, в соответствии со статьей 72 УК РФ, возложил обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и социальную реабилитацию. В апелляционном порядке приговор в отношении Р. был изменен: исключено указание суда о прохождении курса лечения от наркомании и медицинской и социальной реабилитации.

Так, гражданке А., совершившей покушение на незаконный сбыт наркотического средства общей массой не менее 0,08 грамма, суд, квалифицировав ее действия по части 3 статьи 30 части 1 статьи 228 УК РФ, назначил наказание в виде 2-х лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима и возложил обязанность пройти курс лечения от наркомании. В апелляционном порядке приговор в отношении А. был изменен: исключено указание суда о назначении курса лечения от наркомании.

При выборочном изучении уголовных дел было установлено, что на осужденных, признанных больными наркоманией, возлагали обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию при назначении им основного наказания в виде лишения свободы в 9% случаях. Судебные решения были отменены в апелляционном порядке.

Однако полагаем, что судьи считают необходимым применять статью 72 УК РФ к больному наркоманией, осужденному к лишению свободы. Такое положение дел позволяет сформулировать вывод о необходимости внесения изменений в данную уголовно-правовую норму, а именно применять ее и при назначении наказания в виде лишения свободы.

Проанализированная практика назначения наказания больным наркоманией и применения к ним отсрочки отбывания наказания еще раз подтверждает необходимость совершенствования уголовного законодательства в этой сфере, а также принудительного лечения наркозависимых, даже при низких результатах достижения ремиссии.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон, 07.12.2011г., № 420-ФЗ // Российская газета. 09.12.2011. № 278.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон, 25.11.2013 г., № 313-ФЗ // Российская газета. 2013. № 6243.
3. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
4. Постановление Президиума Челябинского областного суда № 44у-69/2015 от 15.07.2015 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.
5. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-10147 от 28.07.2014 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.
6. Апелляционное определение Алтайского краевого суда № 22-6903/2013 22-30/2014 22-30/2014 (22-6903/2013) от 16.01.2014 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.
7. Малыгина А.А. Назначение наказания и мер медицинского характера лицу, признанному больным наркоманией: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08, СПб.: СПбУ МВД РФ, 2016. С. 84.
8. Иванцов С.В. Проблемы законодательной и правоприменительной деятельности в сфере регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ // Сборник «Вопросы права в третьем тысячелетии». М. 2003. С.186-188.

УДК 159.9.07 ББК 88.8

Parameters of an intuition and standardization of standard data for police officers

Параметры интуиции и стандартизация нормативных данных для сотрудников МВД

Pavel Evgenyevich Grigoriev

Doctor of Biological Sciences,
Head of Medical Physics and Informatics
Department Physical Technical Institute of V.I.
Vernadsky Crimean Federal University
E-mail: grigorievpe@cfuv.ru

Павел Евгеньевич Григорьев

доктор биологических наук, заведующий кафедрой медицинской физики и информатики Физико-технического института Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
E-mail: grigorievpe@cfuv.ru

Inna Vitalyevna Vasilyeva

Ph.D., associate professor, assistant professor of general and social psychology of Tyumen State University
E-mail: innavitalievnvasilieva@gmail.com

Инна Витальевна Васильева

доцент кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета кандидат психол. наук, доцент
E-mail: innavitalievnvasilieva@gmail.com

Sergey Vyacheslavovich Ivantsov

Doctor of Law, Professor
Professor of the Chair of Criminology of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia of V.Y. Kikot
E-mail: isv1970@mail.ru

Сергей Вячеславович Иванцов

доктор юридических наук, профессор профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: isv1970@mail.ru

Aleksandr Nikolaevich Ignatov

Doctor of Law, Senior Researcher
Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Александр Николаевич Игнатов

доктор юридических наук, старший научный сотрудник профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
E-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Annotation. The process creation and testing of the questionnaire intuition parameters, including five major and fifteen additional scales for the purpose of determining the operationalization of intuition, based on the prediction of a truly random events is described in article. Satisfactory data on indicators of reliability and uniformity, content validity were obtained. The features of the normative data for civilians and Interior Ministry personnel are discussed. The conclusion regarding the specificity in standards of intuition questionnaire in Interior Ministry personnel was made.

Keywords: intuition questionnaire, parameters of intuition, specifications of questionnaire for Interior Ministry personnel, psychometric justification

Аннотация. Описан создания и апробации опросника параметров интуиции, включающего пять основных и пятнадцать дополнительных шкал с целью операционализации определения интуиции, ориентированного на предсказание истинно случайных событий. Получены удовлетворительные данные по показателям надежности по однородности, содержательной валидности. Описаны особенности нормативных данных для гражданских лиц и сотрудников МВД. Сделан вывод относительно специфичности норм показателей интуиции у сотрудников МВД.

Ключевые слова: интуиция, параметры интуиции, нормативы опросника для сотрудников МВД, психометрическое обоснование

Характеристика онтологических и функциональных особенностей интуитивных явлений затрудняет организацию их психологической

оценки: неосознаваемость самого интуитивного процесса, осознание работы интуиции по-стфактум, негативное влияние вербализации на

эффективность интуиции, а также мнемические искажения, неизбежные в самоотчетах о ситуациях проявлений интуиции [7, 9].

Понимание интуиции как: «механизма переработки информации о физически нелокальных, лично и/или биологически значимых событиях, посредством совокупности психических процессов и воспроизведения в продуктах сознания, деятельности, поведения» [1, с.191] было нами операционализировано в авторском опроснике параметров интуиции.

Методика состоит из двадцати содержательных шкал, пять из которых основные и пятнадцать дополнительные. К основным шкалам относятся сила интуиции; точность и уверенность интуиции, временная направленность интуиции; интенциональность интуиции. К дополнительным – направленность на прошлое, настоящее, будущее; позитивное или негативное эмоциональное состояние как фактор интуиции; активация интуиции в обыденных или экстремальных, трудных ситуациях; самосубъектные и межличностные отношения как фактор интуиции; визуальная, аудиальная и кинестетическая модальности интуиции; измененные состояния сознания и уравновешенность как факторы интуиции. Конструкты опросника подобраны таким образом, что отражают включенность интуиции в разные формы активности субъекта, прежде всего, целенаправленной (деятельности, поведения, общения), при этом в различных структурно-функциональных аспектах. Опросник ориентирован на представления респондента об особенностях интуиции в структуре деятельности и поведении, в социально, лично и биологически (прежде всего – витально) значимых ситуациях.

Сила интуиции – это интегральное свойство, характеризующее частоту, выраженность и субъективную и объективную значимость проявлений интуиции. Точность интуиции описывается как уровень детализированности информации, полученной интуитивным путем, необходимой для принятия решения; характеристика уверенности в интуитивном решении, проявляющаяся на континууме от смутного, не рефлексированного ощущения до глубокой уверенности в том, как именно нужно поступать, какое принимать решение в той или иной ситуации, без рациональных на то оснований.

Произвольность интуиции – характеристика, выражающаяся в возможности по собственному желанию включать интуицию как способ принятия решения в ситуации дефицита информации и времени до исключительно спонтанного возникновения интуитивных подсказок, чье появление не контролируется.

Интенциональность интуиции – субъективное ощущение возможности влиять на ситуацию

путем «волеия» [6], ментальных или эмоциональных усилий и иных способов действия, сопрягая внутренний психический план с физической реальностью [8], что, по мнению субъекта, находит свое яркое и многократное подтверждение в личном опыте.

Временная направленность интуиции может быть реализована в отношении прошлого, настоящего и будущего. Наиболее ожидаемая реализация интуиции в отношении будущего времени, позволяющая в упреждающем порядке реагировать на события, которые еще не произошли, но произойдут в относительно отдаленном или значительно отдаленном будущем. Реализация интуиции относительно настоящего времени связана с реагированием на события самого ближайшего, непосредственного будущего или удаленных от непосредственного восприятия событий настоящего времени. Реализация интуиции относительно прошлого проявляется в знании относительно событий, которые уже произошли, и о которых у субъекта не могло быть информации, полученной от органов чувств рациональным путем.

Психометрическая проверка опросника проводилась на гражданской выборке из 70 человек. Спецификация опросника была разработана следующим образом: в качестве содержательных областей выступали параметры интуиции (сила, точность, временная направленность и интенциональность), а в качестве манифестаций – области профессиональной деятельности, направленность психического и физического состояния, обыденность или экстремальность ситуаций интуиции, самосубъектность отношений и межличностные отношения, доминирующие репрезентативные системы получения информации и уровень измененности состояний сознания, от ясного бодрствования до, трансовых состояний, сна. Наиболее «сильными» шкалами по вкладу в оценку целостного феномена интуиции, были позиционированы шкалы силы и точности интуиции, на них было отведено по 30% создаваемого стимульного материала; на шкалу временной направленности – 20%, и шкалы произвольности и интенциональности в силу более редкой представленности в выборке (вывод был сделан на основе ранее собранных нарративов, ссылок) – по 10 %. Для манифестаций распределение вклада было равномерным, по 20 %. Для первоначальной версии опросника, в целях психометрической проверки пунктов теста по показателям трудности и дискриминативности, было разработано 207 утверждений.

По результатам итем-анализа было оставлено 85 пунктов, отвечающих нормативным данным по показателям трудности и дискриминативности и в приближении к запланированному процентному распределению в спецификации:

сила интуиции – 29%, точность – 25%, временная направленность – 19 %, произвольность – 16%, интенциональность – 11%.

Шкала ответов частотная: почти никогда (0 баллов), редко (1), часто (2), почти всегда (3). Все вопросы прямые, то есть, чем больше баллов набирает испытуемый, тем выше показатель интуиции. Постфактум, помимо основных шкал, были выделены дополнительные шкалы, соответствующие манифестациям опросника.

Проверка валидности и надежности создаваемого опросника.

Надежность опросника параметров интуиции подтверждается тем, что все его шкалы коррелируют между собой, то есть являются гомогенными, коэффициент корреляции должен быть равен и выше 0,55 ($r \geq +0,55$).

Конструктивная валидность опросника обеспечивалась соответствием теоретического концепта и описываемых характеристик поведения в опроснике. Содержательная валидность опросника проверялась на основе связи шкал с показателями других валидных методик, отражающими близкие компоненты характеристик интуиции:

- Опросник Д. Кейрси;
- Опросник интуитивного стиля С. Эпстайна;
- Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко;
- Тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина;
- Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта;
- Шкала толерантности к неопределённости С. Баднера (версия Т.В. Корниловой);
- Шкала толерантности к неопределённости Д. МакЛейна (версия Е.Н. Осина);
- Методика оценки уровня интуиции (опросник Е.А. Науменко).

Показатель «Сила интуиции» прямо пропорционально связан со следующими характеристиками: N (Intuition – интуиция) – +0,39; F (Feeling – чувство) – +0,45; интуитивная способность – +0,61; использование интуиции – +0,56; интуитивный канал эмпатии – +0,54; интуитивность – +0,36. Таким образом, мы полагаем, что шкала «Сила интуиции» измеряет интуитивные способности.

Показатель «Точность интуиции, уверенность в интуиции» положительно связан со шкалами: интуитивная способность – +0,56; использование интуиции – +0,54; интуитивный канал эмпатии – +0,48; интуитивность – +0,42; понимание чужих эмоций – +0,52; управление чужими эмоциями – +0,55; межличностный эмоциональный интеллект – +0,59. Итак, полагаем, что шкала «Точность интуиции, уверенность в интуиции» измеряет то, насколько индивид уверен

в том, что чувствует, воспринимает, и насколько его чувствительность соответствует действительности.

Шкала «Произвольность интуиции» положительно связана с показателями: интуитивная способность – +0,50; использование интуиции – +0,50; интуитивный канал эмпатии – +0,45; понимание чужих эмоций – +0,51; управление чужими эмоциями – +0,37; межличностный эмоциональный интеллект – +0,51; интуитивность – +0,37. По полученным показателям можно сделать вывод, что анализ шкалы «Произвольность интуиции» показывает, насколько человек может включать в нужный момент интуицию.

Показатель «Интенциональность интуиции» позитивно коррелирует со шкалами: интуитивная способность – +0,56; использование интуиции – +0,49; интуитивный канал эмпатии – +0,46; понимание чужих эмоций – +0,51; управление чужими эмоциями – +0,55; межличностный эмоциональный интеллект – +0,57; понимание эмоций – +0,48; управление эмоциями – +0,37; интуитивность – +0,43. Из полученных данных видно, что эта шкала измеряет способность индивида произвольно направлять, использовать определенное время интуицию, в то же время управляя чужими эмоциями.

Показатель «Временная направленность интуиции» пересекается по смыслу со шкалами: интуитивная способность – +0,42; позитивный аффект – +0,43. Показатель «Позитивное эмоциональное/физическое состояние как фактор интуиции» связан со шкалами: интуитивная способность – +0,42; интуитивность – +0,45. Показатель «Самосубъектные отношения в структуре интуиции» связан со шкалами: интуитивная способность – +0,51; позитивный аффект – +0,5. Но с другими показателями у данных шкал значимых связей нет, что, возможно, указывает на инкрементный характер валидности данных шкал.

Шкала «Негативное эмоциональное/физическое состояние как фактор интуиции» коррелирует с показателями: S (Sensation – сенсорика) – +0,47; N (Intuition – интуиция) – +0,47; F (Feeling – чувство) – +0,36; интуитивная способность – +0,52; использование интуиции – +0,54; понимание эмоций внутриличностное – +0,41. Это указывает на значимый вклад данной шкалы в общую валидность методики, но требуются дополнительные процедуры проверки для связи именно с отрицательными эмоциональными состояниями.

Показатель «Активация интуиции в экстремальных и трудных ситуациях» связан со шкалами: S (Sensation – сенсорика) – +0,37; N (Intuition – интуиция) – +0,37; интуитивная способность – +0,59; использование интуиции – +0,6; интуитивный канал эмпатии – +0,56; толерантность к неопределённости – +0,36; межличностный

эмоциональный интеллект – +0,48; установки, способствующие эмпатии – +0,43; интуитивность – +0,4. Таким образом, мы полагаем, что шкала «Активация интуиции в экстремальных и трудных ситуациях» измеряет интуитивные способности в нестандартных опасных условиях.

Анализ показателей шкалы «Активация интуиции в повседневной жизни» через связь со шкалами: E (Extraversion – экстраверсия) – +0,36; I (Intimversion – интроверсия) – +0,36; S (Sensation – сенсорика) – +0,39; N (Intuition – интуиция) – +0,39; интуитивная способность – +0,6; использование интуиции – +0,56; интуитивный канал эмпатии – +0,53; идентификация в эмпатии – +0,36; межличностный эмоциональный интеллект – +0,54; отношение к неопределенным ситуациям – +0,36 позволяет сделать вывод, что данная шкала измеряет способность использовать интуицию в повседневной жизни.

Шкала «Межличностные отношения в структуре интуиции» связана с данными шкал: интуитивные способности – +0,54; использование интуиции – 0,48; интуитивный канал эмпатии – +0,48; установки, способствующие эмпатии – +0,37; идентификация в эмпатии – 0,45; понимание чужих эмоций – +0,67; управление чужими эмоциями – +0,55; межличностный эмоциональный интеллект – +0,69. По полученным данным видно, что шкала «Межличностные отношения в структуре интуиции» измеряет интуитивные возможности в межличностных отношениях.

Показатель «Аудиальная модальность интуиции» связан со следующими характеристиками: F (Feeling – чувствование) – +0,4; интуитивная способность – +0,4; использование интуиции – +0,42; интуитивность – +0,45; установки, способствующие эмпатии – +0,39. При рассмотрении показателя «Визуальная модальность интуиции» в связи со следующими характеристиками: интуитивная способность – +0,43; использование интуиции – +0,4; интуитивный канал эмпатии – +0,37; понимание чужих эмоций – +0,55; интуитивность – +0,38. Показатель «Кинестетическая модальность интуиции» связан со следующими характеристиками: понимание собственных эмоций – +0,39; интуитивность – +0,38. Шкала «ИСС (измененные состояния сознания)» связана с данными шкал: S (Sensation – сенсорика) – +0,39; N (Intuition – интуиция) – +0,39; интуитивная способность – +0,46; использование интуиции – +0,52; интуитивный канал эмпатии – +0,48. Анализ показателей шкалы «Уравновешенность как условие функционирования интуиции» через связь со шкалами: интуитивная способность – +0,47; использование интуиции – +0,45; рациональный канал эмпатии – +0,41; установки, способствующие эмпатии – +0,41; идентификация в эмпатии – +0,36; межличностный эмоциональный интеллект – +0,45;

понимание своих эмоций – +0,41. Показатель «Направленность интуиции на прошлое» связан со следующими характеристиками: понимание собственных эмоций – +0,41; управление своими эмоциями – +0,46; межличностный эмоциональный интеллект – +0,43; внутриличностный эмоциональный интеллект – +0,42; понимание эмоций – +0,46; позитивный аффект – +0,41. Показатель шкалы «Направленность интуиции на настоящее» связан со следующими характеристиками: S (Sensation – сенсорика) – +0,36; N (Intuition – интуиция) – +0,36; интуитивная способность – +0,51; использование интуиции – +0,4; интуитивный канал эмпатии – +0,6; понимание чужих эмоций – +0,6; понимание своих эмоций – +0,43; межличностный эмоциональный интеллект – +0,62; общий уровень эмоционального интеллекта – +0,53; понимание эмоций – +0,56; интуитивность – +0,45. Показатель «Интуиция в профессиональной деятельности» связана со следующими шкалами: E (Extraversion – экстраверсия) – +0,41; I (Intimversion – интроверсия) – +0,41; T (Thinking – логичность) – +0,37; F (Feeling – чувствование) – +0,38; интуитивная способность – +0,59; использование интуиции – +0,49; интуитивный канал эмпатии – +0,47; установки, способствующие эмпатии – +0,48; идентификация в эмпатии – +0,39; управление чужими эмоциями – +0,62; межличностный эмоциональный интеллект – +0,47; управление эмоциями – +0,37; позитивный аффект – +0,43.

По полученным данным видно, что шкалы соотносятся с интуитивными способностями в целом. Однако специфично в соответствии с их содержанием, валидность еще предстоит установить.

Шкала «Направленность интуиции на будущее» связана с показателями следующих характеристик: S (Sensation – сенсорика) – +0,37; N (Intuition – интуиция) – +0,37; использование интуиции – +0,52; интуитивная способность – +0,51; понимание чужих эмоций – +0,5; понимание своих эмоций – 0,44; межличностный эмоциональный интеллект – +0,55; понимание эмоций – +0,55; позитивный аффект – +0,4; отношение к неопределенным ситуациям – +0,36. Полученные данные позволяют нам сделать вывод, что показатель «Направленность интуиции на будущее» отражает проявление интуиции на картинах будущего.

Материалы и методы получения нормативных данных по опроснику.

Были сопоставлены результаты прохождения опросника мужчинами – сотрудниками МВД (возраст 19-45 лет, 218 человек) и аналогичными по возрасту гражданскими лицами (296 человек). Группа женщин в данном исследовании не рассматривалась ввиду нерепрезентативности выборки сотрудниц МВД, полученной на насто-

ящий момент. Тестирование для сотрудников МВД проводилось анонимно для снижения социальной тревожности.

Сначала результаты опросника по выборкам гражданских лиц и сотрудников были объединены в общий пул, и по ним была проведен перевод данных из сырых баллов по каждой шкале в z-шкалу стандартных отклонений (со средним арифметическим, равным нулю, и стандартным отклонением, равным единице). Таким образом, все без исключения данные были приведены к единому масштабу.

Далее, после проверки на нормальность распределения общей выборки по каждому из пун-

ктов опросника по критерию Шапиро-Уилка, который подтвердил отсутствие отличий, был применен критерий Стьюдента для независимых выборок с целью выявления значимости различий между результатами каждой группы по каждой из шкал, а сами результаты представлялись в виде среднего арифметического как точечной оценки и стандартной ошибки как интервальной оценки.

Результаты.

В таблице 1 представлены средние и стандартные отклонения для каждой шкалы опросника, а также указаны значения критерия Стьюдента и соответствующий уровень значимости.

Таблица 1. Результаты статистического анализа различий в уровнях значений шкал опросника представлений о своей интуиции у гражданских лиц и сотрудников МВД мужского пола.

Название опросника	шкалы	Значение у гражданских лиц-мужчин в единицах z-шкалы	Значения у сотрудников МВД – мужчин в единицах z-шкалы	Значения критерия Стьюдента и уровень значимости различий
Сила интуиции		0,13±0,88	-0,50±0,97	t=7,59, p<10 ⁻⁶
Точность интуиции, уверенность в интуиции		0,23±0,91	-0,42±0,94	t=7,86, p<10 ⁻⁶
Произвольность интуиции		0,24±0,97	-0,46±0,93	t=8,31, p<10 ⁻⁶
Интенция/психокинец		0,12±0,93	-0,48±0,91	t=7,40, p<10 ⁻⁶
Временная направленность интуиции		0,24±0,88	-0,57±0,89	t=10,33, p<10 ⁻⁶
Позитивное эмоциональное/физическое состояние как фактор интуиции		0,04±1,01	-0,52±0,88	t=6,67, p<10 ⁻⁶
Негативное эмоциональное/физическое состояние как фактор интуиции		0,03±0,84	-0,67±0,85	t=9,20, p<10 ⁻⁶
Активация интуиции в экстремальных и трудных ситуациях		0,15±0,96	-0,54±0,88	t=8,48, p<10 ⁻⁶
Активация интуиции в повседневной жизни		0,07±0,88	-0,44±0,89	t=6,40, p<10 ⁻⁶
Самосубъектные отношения в структуре интуиции		0,12±0,93	-0,48±0,95	t=7,09, p<10 ⁻⁶
Межличностные отношения в структуре интуиции		0,14±0,90	-0,61±0,88	t=9,44, p<10 ⁻⁶
Аудиальная модальность интуиции		0,04±0,88	-0,57±0,93	t=7,52, p<10 ⁻⁶
Визуальная модальность интуиции		0,22±0,82	-0,68±0,90	t=11,62, p<10 ⁻⁶
Кинестетическая модальность интуиции		0,12±0,99	-0,44±0,90	t=6,66, p<10 ⁻⁶
Измененные состояния сознания как фактор интуиции		0,05±0,85	-0,55±0,89	t=7,62, p<10 ⁻⁶
Уравновешенность как условие функционирования интуиции		0,17±0,97	-0,59±0,88	t=9,23, p<10 ⁻⁶

Направленность интуиции на прошлое	0,12±0,89	-0,59±0,97	t=8,37, p<10 ⁻⁶
Направленность интуиции на настоящее	0,14±0,91	-0,57±0,86	t=9,06, p<10 ⁻⁶
Направленность интуиции на будущее	0,18±0,90	-0,69±0,84	t=11,15, p<10 ⁻⁶
Интуиция в профессиональной деятельности	0,03±0,89	-0,37±0,96	t=4,75, p<10 ⁻⁵

Сравнительный анализ нормативных данных гражданских лиц и сотрудников МВД показал, что по всем параметрам интуиции показатели сотрудников МВД являются более низкими, из чего необходимо сделать следующие выводы:

1) особенности профессиональной деятельности сотрудников МВД, связанные с охраной правопорядка, поддержание социально нормативного поведения, требуют преимущественной ориентации на зафиксированные нормы закона, осознаваемые, рациональные правила; и отступление от одобряемого способа принятия решения в сторону иррационального способа вызывает у сотрудников напряжение, тревогу, страх быть признанным неполноценным, не соответствующим занимаемой должности, поэтому результаты внешнего самоотчета искажены этими факторами;

2) реальный уровень интуиции сотрудников МВД не является низким [2, 4, 5], поскольку данные получаемые по тестам объективного плана не меньше по уровню, чем у гражданских лиц [3], но методы субъективного самоотчета вносят искажения в результаты оценки интуиции, которые необходимо учитывать;

3) адекватная оценка интуиционных проявлений должна быть осуществлена только в соответствии с нормативами, полученными на профессиональных когортах.

Библиографический список

1. Васильева И.В., Григорьев П.Е. Интуиция: от противоречивости теоретических объяснений к методологии доказательного эмпириче-

ского исследования // Вестник ТюмГУ. Педагогика. Психология. – 2014. – № 9. – С. 189–195.

2. Васильева И.В., Григорьев П.Е., Иванов С.В., Игнатов А.Н. Особенности интуиции в предсказании опасности у сотрудников правоохранительных органов // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 237–240.

3. Григорьев П.Е., Васильева И.В. Зависимость эффективности предсказания аффективно окрашенных изображений от удовлетворенности базовых потребностей // Пространство и Время. – 2015. – № 3 (21). – С. 350–358.

4. Васильева И.В., Григорьев П.Е., Иванов С.В., Игнатов А.Н. Особенности интуиции у осужденных за насильственные преступления // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2(93). С. 108–114.

5. Григорьев П.Е., Васильева И.В., Игнатов А.Н. Индивидуально–психологические корреляты особенностей интуитивного предсказания опасных ситуаций сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД. – 2016. – № 1(31). – С. 196–201.

6. Калинин В.К. На путях построения теории воли // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10, № 2. – С. 46–55.

7. Пономарёв Я.А. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967.

8. Юнг К.Г. Об энергетике души / Пер с нем. В. Бакусева – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010.

9. Berry D., Broadbent D. Implicit learning in the control of complex systems // Complex problem solving / P. Frensch, J. Funke (Eds.). 1995. P. 131–150.

УДК 34 ББК 67

Criminal liability for crimes against the peace and security of mankind «The Nuremberg and Tokyo trials»

Уголовная ответственность за преступления против мира и безопасности
человечества «Нюрнбергский и Токийский процессы»

Mevlud Demuralovich Davitadze,
doctor of jurisprudence, professor
E-mail:md2063@mail.ru

Мевлуд Демуралович Давитадзе,
доктор юридических наук, профессор

Annotation. The paper deals with the development of international criminal law as a branch of public international law on the responsibility for the crimes against the peace and security of mankind. The Nuremberg and Tokyo trials.

Keywords: crimes against peace, war crimes, crimes against humanity, conspiracy, international criminal court, international criminal code

Аннотация. В работе рассматриваются развитие международного уголовного права как отрасли международного публичного права об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. Нюрнбергский и Токийский процессы.

Ключевые слова: преступления против мира, военные преступления, преступления против человечества, заговор, международный уголовный суд, международный уголовный кодекс

По международному уголовному праву как отрасли международного публичного права субъектами посягательств на международный правопорядок могут быть и государства, и физические лица. При этом ответственность государств, как это отметил еще в 50-х гг. А. Н. Трайнин, — не уголовная, а международно-правовая. Санкции, налагаемые ООН, — это не уголовные наказания, а такие международно-правовые меры воздействия, как эмбарго, бойкот, разрыв дипломатических отношений, реституция и т. д. Физические лица за международные преступления несут ответственность либо перед Международным трибуналом или Международным судом, либо перед национальным судом за предусмотренные во внутреннем уголовном законодательстве преступления¹.

Как уже отмечалось, впервые Международный суд по рассмотрению военных преступлений собрался в немецком городе Брей-захе в 1474 г., когда 27 судей Священной Римской Империи предъявили Петеру ван Хагенбеку обвинения в «попрании законов Божеских и человеческих» за то, что он позволил своим войскам насиловать, убивать и грабить, за это он был признан виновным и казнен.

Первые попытки создания Международного суда по рассмотрению фактов преступлений против мира и безопасности человечества были предприняты еще в начале XX века.

В 1920 г. уполномоченный бельгийского правительства Декан внес на рассмотрение комиссии юристов, образованной Лигой наций для разработки проекта организации Постоянной палаты международного

правосудия, проект резолюции о создании высшего суда международной юстиции по уголовным делам².

В 1922 г. во время конгресса Ассоциации международного права в Буэнос-Айресе профессор Беллот внес предложение о создании постоянного суда международной уголовной юстиции. Конгресс принял резолюцию о создании международного уголовного суда и поручил Беллоту представить к следующему конгрессу соответствующий проект положений.

В 1924 г. Беллот внес проект Положения³ на рассмотрение конгресса Ассоциации международного права, состоявшегося в Стокгольме. Согласно проекту Беллота, международный уголовный суд должен был рассматривать все дела о преступлениях, связанных с «нарушением законов и обычаев войны, общепринятых или содержащихся в сохраняющих силу международных конвенциях или договорах, заключенных между государствами, подданными или гражданами которых являются жалобщики и лица, ими обвиняемые». Кроме того, суд должен был рассматривать дела «в отношении всех преступников, совершивших преступления против законов человечества и требований общественной совести» (ст. 24 проекта).

Проект Беллота был передан Ассоциацией международного права для изучения специальной комиссии, образованной из представителей различных государств. Комиссия на основе проекта Беллота выработала свой проект Положения о международном уголовном суде, который был утвержден Конгрессом ассоциации международного права, состоявшимся в Вене в 1926 г. Круг преступлений, подсудных международному уголовно-

му суду, по сравнению с проектом Беллота был значительно расширен.

С предложениями о создании международного уголовного суда также выступили: в 1923 г. — испанский профессор Сальдана⁴, в 1924 г. — французский профессор Доннелье де Вабр⁵ и в 1925 г. — судья Калойани (институт Линкольна в Лондоне)⁶.

Международная ассоциация уголовного права на Конгрессе, проходившем в Брюсселе в июле 1926 г., также приняла решение о необходимости создания международного уголовного суда с тем, чтобы ему были подсудны дела об ответственности государств за совершенные ими несправедливые нападения и всякие нарушения международного права. Суд должен был определять в отношении виновного государства санкции и меры безопасности. Помимо дел о преступлениях, совершенных государствами, были признаны подсудными международному уголовному суду и дела в отношении отдельных лиц, обвиняемых в агрессии или в совершении других преступлений против международного права, которые содержат в себе угрозу всеобщему миру.

Конгресс поручил специальной комиссии разработать проект Положения о международном уголовном суде. Проект был составлен комиссией, и в январе 1928 г. одобрен Советом Международной ассоциации⁷, но Лига наций так его и не утвердила.

В 1934 г. в связи с убийством в Марселе югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту Лига наций снова была вынуждена вернуться к обсуждению вопроса об организации международного уголовного суда. Советом Лиги наций был образован комитет в составе представителей 11 государств, в том числе и Советского Союза, для разработки международной конвенции о борьбе с терроризмом. Комитет выработал проекты двух конвенций: конвенции о предупреждении и пресечении терроризма (что весьма актуально в наше время) и конвенции об учреждении международного уголовного суда⁸.

Конвенция по борьбе с терроризмом относилась к террористическим актам всякое умышленное действие, преследующее цель убийства глав государств или дипломатических ответственных должностных лиц государств; разрушение или повреждение государственного имущества или средств транспорта; действия, подвещающие опасности человеческие жизни и т. д.

Несколько раз была предпринята попытка разработать и проект международного уголовного кодекса. Так, на XXIII конференции Межпарламентского союза в Вашингтоне в 1925 г. были одобрены основные принципы международного уголовного кодекса. в 1927 г. был опубликован проект, составленный испанским профессором Сальдана, а в 1929 г. — проект, составленный американским профессором Левиттом. в 1935 г. был опубликован план международного уголовного кодекса, составленный профессором Пелла⁹. Проект Левитта появился в свет после состоявшегося в 1926 г. Брюссельского конгресса Ассоциации международного уголовного права.

В 1937 г. с проектом международного уголовного кодекса выступил Козентини — директор Американского института права и сравнительного законодательства¹⁰.

К сожалению, уголовное законодательство об ответственности за преступления против человечества, идея которой была выдвинута в 1926 г. на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации уголовного права, тогда не было реализовано.

Проблема об уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против мира и человечества, была особо поднята в период Второй мировой войны всеми мировыми державами того периода.

В частности, Советское правительство и другие страны добивались того, чтобы гитлеровские военные преступники понесли суровое наказание. в Декларации Советского правительства, оглашенной на Межсоюзной конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г., говорилось, что нельзя допустить, чтобы шайка вооруженных до зубов гитлеровских разбойников, возмнивших и объявивших себя высшей расой, безнаказанно громила города и села, опустошала земли, истребляла многие тысячи и сотни тысяч мирных людей во имя бредовой идеи господства гитлеровской банды над всем миром¹¹.

В Декларации о наказании за преступления, совершенные во время войны, от 13 января 1942 г. правительства стран, боровшихся против гитлеровской Германии, заявили о решимости в духе международной солидарности принять все меры к тому, чтобы военные преступники «были разысканы, переданы в руки правосудия и судимы и чтобы вынесенные приговоры были приведены в исполнение»¹².

Вопрос об уголовной и материальной ответственности немецко-фашистских захватчиков и их соучастников был поставлен и в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Чрезвычайная государственная комиссия проделала большую работу по установлению преступных фактов гитлеровских агрессоров, совершенных ими на территории СССР. Материалы Комиссии были приняты за основу при предъявлении на Нюрнбергском процессе обвинений гитлеровцам в совершении злодеяний на территории СССР.

Неотвратимость уголовной ответственности гитлеровцев за совершенные ими злодеяния нашла свое выражение и в совместных декларациях Советского Союза и других государств.

На Потсдамской конференции трех держав, состоявшейся в июле-августе 1945 г., было достигнуто соглашение о том, что военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, направленных на совершение зверств или военных преступлений, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, вли-

ятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций должны быть также арестованы и интернированы.

Переговоры между представителями Советского Союза, США, Англии и Франции завершились подписанием 8 августа 1945 г. в Лондоне соглашения «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси», на основании которого был учрежден Международный Военный Трибунал для суда над ними¹³.

Нюрнбергский процесс

В Лондонском соглашении в соответствии с Московской декларацией «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» от 30 октября 1943 г. указывалось: «Ничто в настоящем Соглашении не умаляет установленных Московской декларацией положений о возвращении военных преступников в страны, где ими были совершены преступления» (ст. 4); «Ничто в настоящем Соглашении не умаляет компетенции и не ограничивает прав национальных или оккупационных судов, которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками» (ст. 6).

Организация, компетенция и порядок деятельности Международного Военного Трибунала были определены Уставом, который «составлял неотъемлемую часть этого Соглашения»¹⁴ и Регламентом, принятым Трибуналом в соответствии со ст. 13 Устава¹⁵.

Нюрнбергский трибунал получил международный статус, поскольку в нем были представлены судьи четырех великих держав (СССР, США, Великобританией и Францией), действовавших в интересах всех Объединенных Наций, и должен был применять нормы Устава, а не национальное право какой-либо страны.

Ст. 6 Устава определила юрисдикцию Международного Военного Трибунала. Трибунал вправе был судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений:

- преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;
- военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны, к этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;
- преступления против человечества, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского

населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет¹⁶.

Регламент предусматривал также правовые гарантии для подсудимых. Международный Военный Трибунал самым скрупулезным образом относился к соблюдению всех процессуальных гарантий подсудимых. Материалы судебного следствия в этом смысле полностью опровергали всякие заявления определенных кругов, стремящихся оправдать преступления фашистов, поставить под сомнение объективность ведения процесса Международным Военным Трибуналом.

Значительное место в системе доказательств на Нюрнбергском процессе занимали показания свидетелей¹⁷. Основная масса свидетелей сообщала объективные факты, помогавшие Трибуналу осуществить правосудие. Именно такими были показания узников гитлеровских «лагерей смерти», на себе испытавших фашистскую политику террора, и показания граждан, оказавшихся на территории, оккупированной гитлеровскими войсками. Так, француженка Мари Клод Вайян Кутюрье рассказала об истреблении многих тысяч людей в нацистском лагере Равенсбрюк; академик Орбели и протоиерей Ломакин сообщили суду факты о зверской политике гитлеровцев в Ленинграде и Ленинградской области¹⁸.

Но как бы ни были важны эти и многие другие показания свидетелей, важнейшее место в системе доказательств на Нюрнбергском процессе занимали документы. в распоряжение Трибунала обвинители четырех держав предоставили многочисленные документальные доказательства, в числе которых были официальные правительственные материалы: ноты, сообщения, доклады, отчеты, письма, донесения, телеграммы, тексты законов и постановлений, инструкции, приказы, директивы, протоколы, договоры и соглашения, различные декларации, отражавшие как внутреннюю, так и внешнюю политику и деятельность гитлеровского государства. На каждом документе, как правило, были подписи подсудимых. Документальными доказательствами являлись личные письма и заявления, дневники и мемуары, которые подтверждали обоснованность предъявленных обвинений. в качестве доказательств сыграли свою роль записи публичных выступлений руководителей гитлеровской Германии в рейхстаге, на съездах нацистской партии, записи их бесед, газетные статьи, книги, документальные кинофильмы и фотографии.

В распоряжении обвинителей оказались многие тысячи важнейших документов, послуживших фундаментом для ведения процесса и являвшихся основой приговора Международного Военного Трибунала.

Слушание дела началось 20 ноября 1945 г.²⁰ Суду были преданы: Геринг — рейхсмаршал, ближайший помощник Гитлера, организатор и руководитель штур-

мовых отрядов (СА); Гесс — заместитель Гитлера по фашистской партии; Риббентроп — министр иностранных дел; Лей — один из видных руководителей фашистской партии, возглавлявший «Германский трудовой фронт»; Кей-тель — фельдмаршал, начальник верховного командования вооруженных сил Германии (ОКБ); Кальтенбруннер — начальник главного имперского управления безопасности и начальник полиции безопасности и СД; Розенберг — имперский министр по делам оккупированных восточных территорий с 1941 по 1945 г., «идеолог» фашизма и активный проповедник «расовой теории»; Франк — имперский министр юстиции, генерал-губернатор Польши; Фрик — имперский министр внутренних дел, протектор Богемии и Моравии в 1943-1944 гг.; Штрейхер — один из организаторов фашистской партии, гаулейтер Франконии, «идеолог» антисемитизма; Функ — имперский министр экономики, президент имперского банка и генеральный уполномоченный по военной экономике; Шахт — президент имперского банка в 1933-1943 гг., имперский министр экономики, основной советник Гитлера по вопросам экономики и финансов; Густав Крупп — крупнейший промышленный магнат, директор и совладелец заводов Круппа, организатор перевооружения германской армии; Дениц — главнокомандующий военно-морскими силами Германии в 1943-1945 гг., преемник Гитлера на посту главы государства с 1 мая 1945 г.; Редер — главнокомандующий военно-морскими силами Германии в 1935-1943 гг.; Ширах — организатор и руководитель гитлеровской молодежной организации «Гитлерю-генд» в 1933-1940 гг., имперский наместник Вены с 1940 г.; За-укель — генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы; Йодль — начальник штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил (ОКБ); Папен — один из организаторов захвата власти гитлеровцами в 1933 г., посланник в Вене в 1934-1935 гг., посол Турции в 1939-1944 гг.; Зейс-Инкварт — видный руководитель фашистской партии, организатор захвата Австрии, имперский уполномоченный по оккупированным Нидерландам в 1940-1945 гг.; Шпеер — имперский министр вооружения и всей военной промышленности; Нейрат — министр иностранных дел в 1932-1933 гг., протектор Богемии и Моравии; Фриче — начальник отдела внутренней прессы министерства пропаганды; Борман — заместитель Гитлера по руководству фашистской партией и др.²⁰

Лей еще до начала процесса покончил жизнь самоубийством. Крупп был врачебной комиссией признан неизлечимо больным и неспособным участвовать в процессе, в связи с чем дело о нем было Трибуналом приостановлено. Дело скрывшегося Бормана рассматривалось Трибуналом заочно (согласно ст. 12 Устава).

Обвинительный акт содержал также требование о признании преступными следующих групп и организаций гитлеровской Германии: 1) имперского кабинета министров; 2) руководящего состава фашистской партии; 3) охранных отрядов фашистской партии (СС), включая службу безопасности (СД); 4) государствен-

ной тайной полиции (гестапо); 5) штурмовых отрядов фашистской партии (СА); 6) генерального штаба и верховного командования германских вооруженных сил (ОКБ).

Всего состоялось 403 открытых судебных заседания Международного Военного Трибунала. Судом было допрошено 116 свидетелей и 19 подсудимых. Трибунал рассмотрел также большое количество письменных свидетельских показаний. Только по делам о преступных организациях был допрошен уполномоченными Трибунала 101 свидетель и рассмотрены 1809 письменных свидетельских показаний и 38 тыс. письменных заявлений, подписанных 155 тыс. человек²¹.

Всеми доказательствами были неопровержимо установлены чудовищные преступления, совершенные подсудимыми против мира, законов и обычаев войны и против человечества. Этими доказательствами была достоверно раскрыта картина потрясающих, неслыханных, планомерно совершавшихся злодеяний: порабощение народов, истребление целых национальностей, разграбление и разрушение экономики оккупированных стран, уничтожение памятников культуры, применение рабского труда, создание нечеловеческих условий в концентрационных лагерях и превращение их в «фабрики смерти», истребление и истязание военнопленных, убийства заложников и других кровавых преступлений. Был также полностью установлен преступный характер групп и организаций гитлеровской Германии, перечисленных в обвинительном акте.

1 октября 1946 г. был оглашен приговор Нюрнбергского военного трибунала. 12 главных военных преступников (Геринг, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Заукель, Йодль, Зейс-Инкварт и Борман) были приговорены к смертной казни через повешение, трое преступников (Функ, Гесс и Редер) — к пожизненному заключению и четыре преступника (Дениц, Ширах, Шпеер и Нейрат) — к тюремному заключению на срок от десяти до двадцати лет²².

Трибунал признал преступными следующие организации: СС, гестапо, СД и руководящий состав нацистской партии.

Токийский процесс

3 сентября 1945 г. закончилась Вторая мировая война на Дальнем Востоке и Тихом океане.

После разгрома империалистической Японии в декабре 1945 г. на совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве было достигнуто соглашение, к которому присоединился и Китай, об организации и компетенции Дальневосточной комиссии и Союзного совета для Японии.

Постановлением Дальневосточной комиссии разрешались вопросы ареста, суда и наказания японских военных преступников. После переговоров между соответствующими правительствами главнокомандующий союзных держав утвердил 19 января 1946 г. Устав Международного трибунала для Дальнего Востока²³.

За годы Второй мировой войны японские милитаристы, как и их союзники в Европе, германские

фашисты, совершили ужасные преступления против народов. Глумление над общепризнанными нормами международного права, регулирующими поведение воюющих, стало правилом японских милитаристов.

Поэтому с полным основанием в Потсдамской декларации преследовалась не только цель превращения Японии в миролюбивое, демократическое и независимое государство, но одновременно ставился также вопрос о строгом наказании японских военных преступников.

«Мы не стремимся, — гласил п. 10 декларации, — к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание. Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманывал японский народ и вовлек его на путь завоевания мирового господства, ибо мы считаем, что мир, безопасность и справедливость невозможны, пока не будет изгнан из мира безответственный милитаризм»²⁴.

После окончания войны народы, пострадавшие от японской агрессии и ставшие жертвами тяжких преступлений, совершенных японской военной кликой, решительно потребовали в соответствии с Потсдамской декларацией суда над главными японскими военными преступниками.

С этой целью был создан Международный трибунал на Дальнем Востоке «для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников».

Суду Токийского трибунала были преданы 28 бывших руководящих государственных деятелей Японии: Тодзио (премьер-министр с декабря 1941 до июля 1944 г.); Хиранума (премьер-министр в 1939 г., министр без портфеля до 1941 г., председатель Тайного совета в 1945 г.); Хирота (премьер-министр и министр иностранных дел в 1936-1937 гг., советник при кабинете министров по 1945 г.); Койсо (премьер-министр с июля 1944 до апреля 1945 г.); Араки (военный министр в 1931-1934 гг., советник при кабинете министров); Доихара (видный разведчик, занимавший высшие командные должности); Итагаки (военный министр в 1938-1939 гг., командующий японской армией в Корее в 1941-1945 гг.); Умедзу (командующий японской Квантунской армией в 1939-1944 гг., начальник генерального штаба по 1945 г.); Хата (военный министр в 1939-1940 гг., командующий экспедиционными войсками в Центральном Китае в 1940-1944 гг.); Ки-мура (член Высшего военного совета с 1943 г., командующий японской армией в Бирме по 1945 г.); Мацуи (член высшего военного совета, председатель общества «по развитию Великой Восточной Азии», советник «Ассоциации помощи трону»); Минами (член тайного совета, председатель общества «Великая Япония»); Муто (занимавший высшие военные должности в японских оккупационных войсках на Суматре и Филиппинах); Сато (начальник бюро военных дел военного министерства); Нагано (начальник главного морского штаба, советник императора по военно-морским делам); Ока (помощник военно-морского министра, командующий военно-морской базой

в Корее); Симада (член Высшего военного совета и начальник главного морского штаба); Мацуока (министр иностранных дел с июля 1940 г. по июль 1941 г.); Осима (посол Японии в Берлине); Сиратори (советник министерства иностранных дел); Сигемицу (министр иностранных дел в 1943-1945 гг. и одновременно с 1944 г. до апреля 1945 г. министр по делам «Великой Восточной Азии»); Того (министр иностранных дел и министр колоний в 1941-1942 гг., министр по делам «Великой Восточной Азии»); Кайя (министр финансов); Судзуки (председатель планового комитета при кабинете министров и министр без портфеля, один из руководителей «Ассоциации помощи трону»); Хосино (вице-премьер-министр); Хасимото (идеолог японского империализма и агрессии, организатор фашистского движения молодежи и «Ассоциации помощи трону»); Окава (один из авторов японской расистской «теории», организатор мукденской провокации в 1931 г.); Кидо Кеичи (лорд-хранитель печати и главный тайный советник императора)²⁵.

Трибунал вынес обвинительный приговор в отношении 25 подсудимых — лидеров правящей клики империалистической Японии²⁶. Трибунал приговорил к смертной казни через повешение: Тодзио, Итагаки, Хирота, Мацуи, Доихара, Кимура и Муто; Того — к 20 годам и Сигемицу — к 7 годам лишения свободы. Остальные 16 подсудимых были приговорены к пожизненному заключению²⁷.

Несмотря на ряд недостатков, приговор Токийского трибунала представляет собой акт исторического значения. Приговор решительно осудил японскую агрессию во всех ее видах, безоговорочно признав факт агрессии Японии против Советского Союза. Трибунал доказал, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась в течение периода с 1928 по 1945 г., она была одним из элементов японской национальной политики и ее целью был захват советских территорий на Дальнем Востоке.

Бесспорным достоинством приговора является то, что в нем вновь провозглашается, что «агрессивная война считалась преступлением в международном праве задолго до подписания Потсдамской декларации»²⁸.

Трибунал выразил полное согласие со всеми положениями и обоснованиями Нюрнбергского трибунала по вопросам уголовной ответственности за агрессию и с признанием того, что официальное положение и действия по приказу правительства или своего начальства не освобождают от ответственности.

«Ввиду того, что Устав данного Трибунала, — говорилось в приговоре, — совпадает во всех своих основных чертах с Уставом Нюрнбергского трибунала, данный Трибунал предпочитает заявить о своем безоговорочном присоединении к положениям Нюрнбергского трибунала, имеющим отношение к данному делу»²⁹.

В целом Токийский процесс, как и Нюрнбергский, осудивший не только подсудимых, но и агрессию как тягчайшее преступление со стороны немецко-фашистской Германии и милитаристской Японии,

имел и имеет огромное историческое значение. Это приговор над агрессией и агрессорами должен послужить серьезным предупреждением всем поджигателям новой войны³⁰.

Устав Нюрнбергского трибунала относит к преступлениям против мира «участие в общем плане или заговоре, направленном к осуществлению» любой формы агрессии.

Заговор представляет собой наиболее опасную форму соучастия в подготовке и совершении преступлений. и это вполне понятно: заговор не простое соучастие нескольких преступников, А преступная организация, специально созданная для совершения преступлений с подробно разработанным планом действий, с распределением ролей и функций, с системой подчинения единому руководящему центру. Сам факт существования такой организации представляет собой серьезную общественную опасность, которая возрастает в больших масштабах, если участники ее/его являются членами правительства, А заговорщики выходят на международную арену и преступления становятся орудием политики целого государства.

Заговор, цель которого совершение преступления против мира и военных преступлений, отличается от заговора в понимании национального уголовного права, прежде всего, составом заговорщиков (субъектом), представляющих руководящее ядро государства или даже нескольких государств.

Своеобразие такого заговора отражается и на особенностях системы преступных действий (клик) международных преступников: заговорщики связаны единством преступной цели и плана и взаимно осведомлены об общем направлении действий по планированию и осуществлению агрессии и военных преступлений, выполняемых в течение длительного времени, иногда годами. Специфичны и масштабы этой системы, подчиняющей преступной цели всю государственную машину, с ее экономическими, политическими и военными рычагами.

Используя свою политическую власть, клика гитлеровских заговорщиков опиралась в осуществлении своих преступных замыслов на широкую сеть созданных ею преступных организаций: гестапо, фашистскую партию, СС, СА и др. Базой преступной клики японских агрессоров служила целая сеть учреждений и организаций, включая организацию «Ассоциация помощи трону»^{31, 26}.

Разумеется, такой заговор существенно отличается от уголовной шайки воров или грабителей, сговорившихся о совместном совершении налета на какую-нибудь лавку, учреждение, организацию или частную квартиру. Когда управление государством захватывается кликой заговорщиков, то весь государственный аппарат мобилизуется на службу ее преступным целям.

Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов в полной мере учитывают особенности заговора. Так, в последнем абзаце ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала говорится, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении

или в осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение любых из вышеуказанных преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана.

Отсюда следует, что в преступном сообществе, А в особенности в разветвленном и многочисленном, отдельные участники выполняют такие преступные акты, которые не только охватывают заранее составленный преступный заговор, но и конкретно могут оставаться неизвестными ряду членов сообщества. Тем не менее, поскольку эти преступления вытекают из единого для всего сообщества преступного плана, за них несут ответственность и те участники, которые лично не совершали этих преступных актов.

Рассматриваемое положение нашло отражение в обвинительном заключении по делу «главных немецких военных преступников, в котором говорится, что все обвиняемые совместно с другими лицами в течение нескольких лет, предшествовавших 8 мая 1945 г., являлись руководителями, организаторами, подстрекателями и соучастниками создания и осуществления общего плана или заговора для совершения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечества, как они определены в Уставе данного Трибунала, и в соответствии с положениями Устава несут индивидуальную ответственность за эти преступные действия.

Не менее отчетливо это положение сформулировано и в обвинительном заключении по делу главных японских военных преступников: каждому из обвиняемых предъявлялось обвинение в том, что он был одним из лиц, ответственных за все действия и упущения различных правительств, членом которых он состоял, А также различных гражданских, военных и морских организаций, в которых он занимал ответственные должности.

В обвинительном заключении по делу главных немецких военных преступников была дана следующая формулировка обвинения в общем плане или заговоре: Общий план или заговор включал совершение преступлений против мира, выразившееся в том, что подсудимые планировали, готовили и вели агрессивные войны, которые были также войнами, нарушающими международные договоры, соглашения и обязательства.

Заговор как международное преступление, зарождающаяся и складывающаяся внутри отдельных агрессивных государств, может в ряде случаев перерастать государственные рамки и представлять собой орудие преступной политики правящих кругов не только одного изолированного государства, но и целой его группы.

Например, в обвинительном заключении по делу главных японских военных преступников говорилось, что обвиняемые составили заговор, к которому присоединились правители других агрессивных стран: нацистской Германии и фашистской Италии. Основной его целью было установление господства агрессивных стран над остальным миром и эксплуатация его и с

этой целью совершение или поощрение преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечества.

Нет никакого сомнения в том, что немецкие и японские военные преступники, состоя в преступном заговоре, действовали во всех случаях организованно и сознательно, вполне понимая характер своих действий и отдавая себе отчет в их последствиях. Они действовали преднамеренно, поставив перед собой вполне определенную преступную цель, настойчиво добиваясь ее достижения. Все мероприятия заговорщиков были заранее запланированы, тщательно разработаны и последовательно осуществлялись.

Ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала предусматривает, что руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана³².

В настоящее время важным инструментом в деле борьбы с преступлениями против мира и безопасности человечества является Международный уголовный суд³³.

К сожалению, и в наши дни в мире не исключены факты заговоров отдельных лидеров и высших должностных лиц против других государств, способствующие нарушению прав человека и поощряющие сепаратистские движения, в результате чего совершаются действия, содержащие элементы преступления против мира и безопасности человечества.

1. См.: Курс уголовного права. Т. 5. Особенная часть. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. - С. 347
2. См.: Weber H. Internationale Strafgerichtsbarkeit. — Berlin-Bonn-Dummer, 1934. - S. 155-163.
3. См.: Weber H. Op. Cit. - S. 134-144.
4. Recueil des cours. De I Academie de droit international. 1925. Vol. 10. — Paris, 1927.
5. Там же, 1924. Vol. 1, № 3-4. - P. 175.
6. Там же, 1925. Vol. 2, № 4. - P. 298.
7. Там же, 1928, Vol. 5, № 3. - P. 293.
8. См.: Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. — М.: Юриздат, 1937. — С. 179-189.
9. Revue internationale de droit penal, 1935, № 4. - P. 366-369.

10. F. Consentin.i. Gode penal international, en 1314 articles. Dresse sur la base comparative des projets et textes recents des cods penaux. — Paris, 1937.

11. См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. — Т. 1. - М.: Госполитиздат, 1946. - С. 164.

12. Там же. С. 322.

13. См.: Нюрнбергский процесс... Т. 1. — С. 63-65.

14. Там же. С. 66-73.

15. Там же. С. 74-78.

16. Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. — М., 1967. — С. 186-187.

17. См.: Розенблит С. Я. Показания свидетелей и подсудимых в международном уголовном процессе. — М.: Юриздат, 1948. — С. 96.

18. См.: Нюрнбергский процесс... Т. 4. - 1959. - С. 394-416; Т. 3. - 1958. -С. 87-592, 593-598.

19. Там же. Т. 1.С. 77..

20. См.: Ромашкин П. С. Указ. соч. . С.192-193.

21. Там же. С. 194.

22. Там же. С. 199-200.См.: Приговор Токийского трибунала. - М., 1948. - С. 1219-1292.

23. См.: Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. — Изд-во АН СССР, 1950. — С. 221-225.

24. См.: Приговор Токийского трибунала. — М., 1946. — С. 4.

25. См.: Ромашкин П. С. Указ. соч. . С.219-220.

26. См.: Приговор Токийского трибунала. - М., 1948. - С. 1219-1292.

27. См.: Ромашкин П. С. Указ. соч. . С.220-221.

28. См.: Приговор Токийского трибунала. - М., 1948. - С.28.

29. Там же.

30. Более подробно см.: Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников; Раппопорт М. Я. Международно-правовые вопросы над главными японскими преступниками войны // Ученые записки ЛГУ. — Серия юридических наук, 1948. — Вып. 1

31. Ромашкин П. С. Указ. соч.. — М., 1967. — С. 228.

32. Ромашкин П. С. Указ. соч.. — М., 1967. — С. 229-231..

33. Международнóдный уголовнóвый сóд (англ. International Criminal Court, ICC или ICCT; фр. Cour pénale internationale; сокращённо — МУС) — первый постоянный международный орган уголовной юстиции, в компетенцию которого входит преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления преступления против человечество. Учреждён на основе Римского статута, принятого в 1998 году. Официально начал свою работу с 1 июля 2002 года.

Historical preconditions of formation of criminal liability for the use of violence against a police officer

Исторические предпосылки становления уголовной ответственности за применение насилия в отношении сотрудника полиции

Denis Evgenyevich Drozdov,
adjunct Professor of criminology
Moscow University of the MIA of Russia named
after V. J. Kikot
E-mail: xaab@mail.ru

Денис Евгеньевич Дроздов,
адъюнкт кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: xaab@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 – уголовное право, криминология; уголовно-исполнительное право

Annotation. The work is devoted to problems of development of criminal law establishing responsibility for crimes related to violence against an official law enforcement agency. Based on a retrospective analysis of the criminal law of monuments, statistics formulated proposals for improving the existing penal laws.

Keywords: criminal liability; an official law enforcement agency; violence, the representative of the authorities, the performance of official duties

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за совершение преступлений, связанных с применением насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа. На основе ретроспективного анализа памятников уголовного права, статистических данных сформулированы предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, должностное лицо правоохранительного органа, насилие, представитель власти, исполнение служебных обязанностей

На каждом историческом этапе развития общественных отношений задачи противодействия преступности возлагаются на различные институты, которые в процессе эволюции трансформируются в специализированные органы. Предпосылки возникновения и нормативного закрепления ответственности за то или иное преступное поведение, в том числе и за применение насилия в отношении должностного лица, исполняющего функции противодействия преступности, содержатся еще в Русской Правде [1, 2]. Статьей 19 краткой редакции Русской Правды предусмотрена ответственность за убийство огнищанина – старшего дружинника, боярина - «Аще убьют огнищанина в обиду, то плати за не 80 гривен убици, а людем не надобе». Именно дружина исполняла главную роль в поддержании княжеской власти. Для ужесточения наказания, установлен запрет на помощь убийце в уплате

штрафа общиной. Статьей 21 установлены дополнительные гарантии защиты огнищанина, разрешающие убить его убийцу без суда. Пространная редакция Русской Правды устанавливает «наряду с традиционной 40-гривенной вирой двойную 80-гривенную ставку, которой охраняется жизнь управителей княжеского феодального хозяйства» [3, С.58-59].

Именно они и выполняли одни из первых функции по противодействию преступности. Однако ни в Судебнике 1497, ни 1550 годов упоминаний об ответственности за применение насилия в отношении должностного лица, исполняющего функции противодействия преступности, не содержится, что обусловлено применением предписаний Русской Правды, которая сохранила свое действие. Однако комментарий к статье 4 Судебника выделяет должностное лицо – недельщика, получившего свое название из-

за сменяемости по неделям, в обязанности которого входили такие функции как вызов сторон в суд, арест и пытка обвиняемых и т.д. [4, С. 29, 63]

Статьей 21 Соборного уложения 1649 года устанавливалась ответственность в виде смертной казни, в том числе за применение насилия (побивати) в отношении должностного лица, исполняющего полицейские функции. В первых памятниках уголовного права зародились тенденции дополнительных гарантии в виде назначения максимального либо наиболее тяжелого наказания. Данный этап развития государственности характеризуется отсутствием вплоть до XVIII века специализированных полицейских органов в России, поэтому используется терминология – должностное лицо, исполняющее функции противодействия преступности [5, С. 89].

Начиная с Артикула воинского 1715 года применение насилия в отношении должностного лица, исполняющего функции противодействия преступности, трактуется в форме сопротивления. Указанные в главе 23 артикулы 204, 205 содержат нормы, связанные с оказанием сопротивления представителям власти. Комментарий к артикулу № 204 расценивает сопротивление представителю власти «как выступление против существующего порядка» [6, С. 4].

Первым масштабным документом, регламентирующим деятельность полиции, стал Устав благочиния или полицейский от 08 апреля 1782 года, статьей 271 которого предусмотрена ответственность за сопротивление «должности действием или словом». Лица, оказавшие сопротивление, предавались суду. Развитие уголовно – правового законодательства было продолжено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года, четвертый раздел которого «О преступлениях и проступках против порядка управления» содержал ряд глав, среди которых наибольший интерес представляет глава 2 «Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности». Содержащейся в ней статьей 291 предусматривалась ответственность за сопротивление законным действиям чинов-

ника, совершенным с использованием оружия и применением насилия. В качестве альтернативных видов наказания выступали каторжные работы, ссылка в Сибирь, лишение свободы. В диспозиции статьи 292 было закреплено «если сопротивляющийся постановлению власти законной или чиновнику в отправлении им должности не был вооружен, однако же дозволил себе побои или иное явное действиями насилие», то такое лицо могло быть подвергнуто наказанию в виде заключения в тюрьме максимальным сроком до двух лет» [6, С. 242, 383].

Уголовное уложение от 22 марта 1903 года стало последним законодательным актом Российской империи, устанавливающим ответственность за применение насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа. Статьей 142 предусмотрена уголовная ответственность за сопротивление, связанное с применением насилия либо угрозой его применения «виновный в сопротивлении, посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы, служащему или содействовавшему ему частному лицу, с целью противодействовать обнародованию или приведению в действие закона, обязательного постановления или законного распоряжения власти или выполнения законного по службе действия». Частью второй статьи предусмотрены квалифицирующие признаки преступления (причинение телесных повреждений и применение оружия, групповой характер совершения преступления). В комментарии о понятии лиц, которым оказали сопротивление указано, что к их числу относятся и полицейские – «полицейскому, делающему какие - либо распоряжения для охраны порядка». Очередной этап эволюции законодательства об ответственности за применение насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа связан с изданием инструкции Народного Комиссариата Юстиции от 19 декабря 1917 года, положения которой детализированы в постановлении Кассационного отдела ВЦИК РСФСР от 06 октября 1918 года «О подсудности революционных трибуналов». Применение насилия или угроза его применения в отношении представителей власти не независимо от оснований ква-

лифицировалось как контрреволюционная деятельность [7, С.254-256].

Первым кодифицированным нормативным актом советской власти стал уголовный кодекс РСФСР 1922 года. Статьей 86 была установлена ответственность за применение насилия, в том числе и в отношении должностного лица правоохранительного органа «сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженные с убийством, нанесением увечий или насилием над личностью представителя власти». При отсутствии смягчающих обстоятельств за преступление предусмотрена ответственность в виде смертной казни.

Уголовный кодекс 1926 года изменил меру наказания за данное преступление, установив нижний предел в виде лишения свободы на срок не ниже одного года.

В новом виде диспозиция части 1 статьи 73 Уголовного кодекса РСФСР (с изменениями на 01 декабря 1938 года) предусматривала ответственность за «сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженное с насилием над личностью представителя власти».

Очередным этапом развития уголовного права советского государства стал этап введения в действие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. Ст. 191 была установлена уголовная ответственность за сопротивление представителю власти или представителю обществу, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, совершенное с насилием или угрозой его применения. Максимальное наказание за данное преступление не более трех лет. Частью 2 статьи 191 была предусмотрена ответственность за сопротивление работнику милиции или народному дружиннику, совершенное с применением насилия или угрозой его совершения при условии, что они несут службу по охране общественного порядка. Единственным видом наказания за данное преступление является лишение свободы на срок от

года до 5 лет. Статья 191 УК РСФСР 1960 года является специальной нормой по отношению к статье 191 УК РСФСР. Если же насилие применялось к работнику милиции в иных случаях (за исключением несения службы по охране общественного порядка) уголовная ответственность по ст.191 УК РСФСР 1960 года не применялась [8, С. 269].

Частью 2 статьи 191.4. УК РСФСР, которая была введена в действие Федеральным законом от 18.05.95 № 79-ФЗ устанавливалась ответственность за сопротивление сотруднику органа внутренних дел, сопряженное с насилием или угрозой применения насилия, а равно принуждение к выполнению явно незаконных действий путем насилия или угрозы применения насилия. Максимальным наказанием за данное преступление являлось лишение свободы на срок от трех до пяти лет.

Статьей 318 Уголовного кодекса РФ 1996 года предусмотрена ответственность за применение насилия в отношении представителя власти. По конструкции статья разделена на две части. Частью 1 статьи 318 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за применение насилия не опасного для жизни и здоровья либо угрозу его применения. Квалифицирующим признаком части 2 статьи 318 УК РФ является совершение преступления с применением насилия «опасного для жизни или здоровья».

Вряд ли можно согласиться с мнением Ларина В.Ю. о том, что законодательство, регулирующее уголовно – правовой статус сотрудников органов внутренних дел XIX-XX века носило бессистемный характер [9, С.13]. В первых памятниках права и на протяжении всего развития норм уголовного права прослеживается тенденция повышенной ответственности за совершение преступлений в отношении должностных лиц правоохранительных органов.

На основе анализа памятников уголовного права предлагается классификация должностных лиц государственных органов, исполняющих функции по противодействию преступности в исторической перспективе:

- постоянно действующие должностные лица не специализированных органов власти, исполняющие функции противо-

действия преступности (огнищанин, губной староста);

- временные должностные лица не специализированных органов власти, исполняющие функции противодействия преступности (недельщик);

- должностные лица полиции, исполняющие функции противодействия преступности и иные полицейские функции (специализированные полицейские органы);

- должностные лица милиции, исполняющие функции противодействия преступности и иные функции (специализированные органы милиции);

- должностные лица правоохранительных органов, исполняющие функции противодействия преступности и иные функции (сотрудник ФСБ РФ, СК РФ, УФСИН РФ и т.д.).

Конечно, статья 318 УК РФ далека от совершенства. Можно согласиться с мнением Кузьмина А.В. о необходимости дифференциации уголовной ответственности за данный вид преступления. Выделение самостоятельных квалифицирующих признаков – таких, как применение насилия группой лиц, с использованием оружия, и предложенная им конструкция ст.318 УК РФ является, несомненно, более совершенной [10, С.179].

Количество преступлений, связанных с применением насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов за пятнадцать лет выросло более чем в два раза. Их подавляющее число совершается в отношении сотрудников полиции в связи с исполнением служебных обязанностей. Только в 3 из 202 изученных уголовных дел, возбужденных в Калужской области, в 2014-2015 годах по ст.318 УК РФ в качестве потерпевших не фигурировали сотрудники органов внутренних дел.

Напрашивается естественный вывод о введении специальной нормы, предусматривающей ответственность за применение

насилия в отношении сотрудника органа внутренних дел, а статистические данные и неконтролируемый рост данного вида преступлений являются убедительным доказательством необходимости изменения уголовного законодательства.

Библиографический список

1. *Иванцов С.В.* Ответственность за создание преступной организации по уголовному законодательству республики Беларусь. диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Юридический институт МВД России. - Москва, 2001.

2. *Иванцов С.В.* Правовое предупреждение создания преступных организаций (преступных сообществ) в республике Беларусь: монография /М-во внутренних дел Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Московский ун-т МВД России. Москва.

3. *Чистяков О.И.*, Российское законодательство X-XX. Том 1 Законодательство древней Руси, Москва, Юридическая литература, 1984.

4. *Чистяков О.И.* Российское законодательство X-XX. Том 2 Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства, Москва, Юридическая литература, 1984.

5. *Чистяков О.И.* Российское законодательство X-XX. Том 3 Акты Земских соборов, Москва, Юридическая литература, 1984.

6. *Кудин В.А.* От полиции Российской империи к полиции российской Федерации: два века истории, Вестник Санкт – Петербургского университета МВД России, №2 (50) 2011.

7. *Таганцев Н.С.* Уголовное уложение 22 марта 1903 года, Санкт – Петербург, 1904.

8. *Северин Ю.Д.* Комментарий к уголовному кодексу РСФСР, Москва, Юридическая литература, 1980 г.

9. *Ларин В.Ю.* Историческое развитие уголовно – правового статуса сотрудника органа внутренних дел с XI до XX века, Юридическая наука, №1, 2014.

10. *Кузьмин А.В.* Уголовно правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Ставрополь 2015 г

Legal and tactical features of producing of persons for identification on voice and speech

Правовые и тактические особенности предъявления лиц для опознания по голосу и речи

Elena Vitalievna Egorova,
candidate of legal sciences, associate professor,
associate professor of department judicial of faculty
of right NRU «Higher school of economy
E-mail:459-43-70@mail.ru

Елена Витальевна Егорова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент ка-
федры судебной власти факультета права На-
ционального исследовательского университета
Высшая школа экономики

Annotation. In this article on the basis of analysis of positive experience and critical comprehension of the errors assumed at producing of persons for identification on voice and features of speech in the process of the pre-trial hearing on criminal cases, and also taking into account the features of current уголовно-процессуального законодательства, the complex of the recommendations sent to further to perfection of legal, organizational and tactical frameworks of the indicated inquisitional action is offered.

Keywords: inquisitional actions, producing for identification, criminalistics authentication, estimation of proofs

Аннотация. В данной статье на основе анализа положительного опыта и критического осмысления ошибок, допускаемых при предъявлении лиц для опознания по голосу и особенностям речи в процессе предварительного расследования по уголовным делам, а также с учетом особенностей действующего уголовно-процессуального законодательства, предлагается комплекс рекомендаций, направленных на дальнейшее совершенствованию правовых, организационных и тактических основ указанного следственного действия.

Ключевые слова: следственные действия, предъявление для опознания, криминалистическая идентификация, оценка доказательств

Анализ следственной практики показывает, что нередко очевидцы преступления воспринимают не только признаки внешности нападавших и других участников произошедшего события, но и запоминают их голос и особенности речи, по которым в дальнейшем могут опознать соответствующих лиц. В частности, Г.И. Кочаров выделяет *три типичных варианта*¹:

1. когда человек, голос которого допрашиваемый слышал в связи с событием преступления, допрашиваемому до этого события известен не был;

2. когда допрашиваемый утверждает, что он знаком с человеком, голос которого он слышал в связи с событием преступления и называет его установочные данные, но названное допрашиваемым лицо отрицает это знакомство;

3. когда допрашиваемый заявляет, что человек, голос которого он слышал в связи с событием преступления, ему хорошо знаком, но фамилию и имя его он не знает, или называет неправильно, или иначе, чем ее называет человек, о котором показывает допрашиваемый.

Кроме того, опознание человека по признакам голоса и речи необходимо проводить и в тех случаях, когда внешность разыскиваемого лица изменена и не могут быть использованы по тем или иным причинам другие физические особенности².

Многие ученые предлагают тактические рекомендации по проведению этого вида следственного действия. Тем не менее, предлагаемые тактические приемы не всегда совершенны, а иногда и противоречивы. Особое значение для разработки тактических правил предъявления для опознания по признакам голоса и речи имеют вопросы, касающиеся особенностей восприятия, запоминания и воспроизведения этих признаков, а также их классификации. Поэтому при проведении предъявления для опознания по признакам голоса и речи целесообразно придерживаться ряда правил.

Прежде всего, опознающий должен быть подробно допрошен об обстоятельствах, при которых он слышал устную речь опознаваемого, и ее характерных особенностях.

З.Г. Самошина совершенно верно, на наш взгляд, отмечает, что «возможность описания признаков реально существует и основывается на наличии таких звуковых признаков, которые относительно однозначно воспринимаются людьми с нормальным слухом. Эти признаки могут быть классифицированы и использованы в тактическом плане ... для получения от опознающего информации о воспринятом голосе»³.

Учитывая, что описание признаков голоса и речи, как правило, представляет серьезные трудности для опознающего, криминалистами предпринимались неоднократные попытки свести их в определенную систему, классифицировать по тем или иным основаниям⁴.

Однако сопоставление предлагаемых в юридической литературе характеристик голоса и речи показывает, что эта задача остается до конца не решенной, строго определенной системы классификации признаков голоса и речи пока не существует. Нередко одни и те же признаки различные авторы относят то к голосу, то к речи, тембр голоса смешивают с его высотой, в некоторых случаях применяют певческую терминологию.

Безусловно, без четкой классификации признаков голоса и речи человека практически невозможно помочь опознающему выразить словесно тот мысленный образ, который у него сохранился, а в некоторых случаях восстановить его в памяти.

В связи с тем, что человек, как правило, не в состоянии в силу своих физических качеств оценить достаточно полно и правильно звукофонетические особенности голоса и речи, т.к. он воспринимает их в комплексе и большее влияние на восприятие оказывают тембр, интонация сообщения, эмоциональное состояние, а также контекст сообщения, оценка признаков этой категории, полагаем, должна проводиться по специальной шкале, основанной на общежитейских понятиях признаков голоса и речи, которые представляется возможным определенным образом сгруппировать.

В результате анализа специальной литературы⁵ представилось возможным свести в одну систему большинство признаков, характеризующих голос и речь, а затем классифицировать применительно к проблемам предъявления для опознания людей, разделив их, как это принято в криминалистике, на общие и частные.

К общим признакам относятся:

- Общий тип голоса: мужской; женский; юношеский; старческий.
- Национальные, географические и социально-общественные признаки: акцент; местный говор (диалекты, провинциализмы; акание и т.д.); устойчивое своеобразие в произношении отдельных звуков; особенности построения фразы; жаргонные слова и выражения; наличие или отсутствие нормативности в построении фразы; влияние иностранных языков; профессионализмы.
- Лексические признаки (подбор слов и словосочетаний, используемых в речи).
- Стилистические признаки: употребление метафор; характерные стилистические ошибки; краткость или пространственность; логическая последовательность; использование различных грамматических конструкций; употребление слов-паразитов.
- Грамматические признаки: типичные конструкции построения предложений; грамматические ошибки и оговорки.

К частным следует отнести фонетико-смысловые признаки, а также патологические недостатки, которые могут быть вызваны дефектами голосового аппарата, в том числе: картавость; шепелявость; заикание; другие де-

фекты произношения; хрипота; осиплость; косноязычие; проглатывание отдельных звуков; искажение звуков; присвистывание; одышка во время произношения.

Поскольку фонетико-смысловые признаки воспринимаются субъективно и далеко не всегда поддаются точному определению, в числе таких признаков следует указывать лишь отдельные, наиболее яркие (громкий, тихий, дрожащий и т.д.).

Предъявление для опознания по признакам голоса и речи, как правило, проводится в двух смежных комнатах при открытой двери между ними либо в одной, но разделенной на две части занавеской при условии, чтобы в каждой части комнаты было отчетливо слышно все, происходящее в другой, но не было видно, кто там находится⁶. В одной из них размещаются опознающий и четверо понятых, где следователь разъясняет им их права и обязанности. Затем следователь и двое понятых переходят в соседнюю комнату. Туда же приглашаются опознаваемый и еще двое заранее подобранных лиц (статистов), признаки голоса и речи которых должны быть сходны как по общим признакам (полу, возрасту, национальности, географическим и социально-общественным особенностям), так и по частным, о которых опознающий дал показания на допросе.

Учитывая, что по записям в протоколе трудно судить о схожести голосов лиц, предъявляемых для опознания, в качестве дополнительного средства фиксации целесообразно применять звукозапись.

В соответствии с ч. 4 ст. 193 УПК России перед началом опознания опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц. В связи с этим опознаваемый предупреждается о том, что его будут опознавать.

Однако некоторые ученые считают, что для получения более объективных результатов опознаваемый не должен предупреждаться о проведении его опознания по голосу и особенностям речи, так как может их изменить усилием воли.

Например, А.Р. Ратинов пишет, что при опознании по признакам голоса и речи обязательно должна быть учтена и нейтрализована возможность сознательного искажения голоса и речи в момент опознания. Опознаваемому нельзя сообщать, что его в этот момент прослушивают⁷.

И.Е. Быховский считает: для того, чтобы предотвратить возможность со стороны опознаваемого изменить голос и особенности речи, необходимо принять меры, исключающие осведомленность опознаваемого о предстоящем следственном действии⁸.

Аналогичной точки зрения придерживаются А.В. Дулов, П.Д. Нестеренко⁹, М.В. Салтевский¹⁰, Н.Н. Гапанович¹¹.

А.А. Леви¹² и С.Ф. Шумилин¹³ отмечают, что следователь, предупреждая предъявляемых для опознания о проведении опознания, не должен говорить, что оно будет осуществлено по устной речи, а затем предлагает опознаваемому занять любое место среди статистов.

Ранее З.Г. Самошина также указывала, что опознание человека по признакам голоса и речи должно проводиться в такой обстановке, при которой опознаваемый не мог бы умышленно изменить свой голос и особенности речи, и

что опознаваемый о предстоящем опознании не должен предупреждаться¹⁴. Позже, после проведения ряда экспериментов, З.Г. Самошина отмечала: «наблюдение за попытками опознаваемого изменить свой голос показали, что такое изменение трудно поддерживать длительное время, свыше нескольких фраз; голос меняется, утомляются голосовые связки; изменения голоса не проходят незамеченными для наблюдателя, они связаны с интенсивными физическими усилиями, ибо люди, как правило, несвободно владеют голосовым аппаратом, а голос, особенно длительная речь, становится неестественным. Поэтому приходится признать, что опасность умышленного искажения голоса и речи является несколько преувеличенной, хотя, несомненно, правильно подчеркивалась необходимость ее учета»¹⁵.

Совсем иную позицию в этом вопросе занимают В.И. Комиссаров и В.Г. Власенко.

По мнению В.И. Комиссарова, опознаваемый, в соответствии с требованиями УПК оповещается о проведении опознания и ему предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц. Основным же тактическим правилом опознания по признакам голоса и речи является создание таких условий, при которых бы опознаваемый не знал о том, что его будут опознавать. В связи с этим опознание по признакам голоса и речи недопустимо¹⁶.

В.Г. Власенко в такой ситуации ссылается на нарушение процессуального порядка, так как опознаваемый не знает, что идет процесс опознания, и ему не предоставляется возможность выбора очередности говорить¹⁷.

Наиболее обоснованной нам представляется точка зрения Р.С. Белкина, который отмечал, что голос и речь, в силу динамического стереотипа, не могут быть изменены на длительное время, поэтому следователь, обнаружив стремление опознаваемого изменить голос, должен продолжать беседу с ним чтобы проявились признаки его голоса и речи¹⁸.

Этого же мнения придерживается А.Я. Гинзбург, который считает, что в некоторых случаях опознаваемый усилием воли «может на непродолжительное время» изменить голос и речь, но «вмешательство воли связывает свободу движений, разговора, и, в конце концов, достигнутые временно изменения исчезают»¹⁹.

Попытки опознаваемого изменить голос и речь в процессе его предъявления должны быть пресечены постановкой новых вопросов, которые необходимо формулировать таким образом, чтобы при ответе опознаваемый думал, прежде всего, о смысле и содержании вопроса, а не о том, как строить предложение, с какой интонацией и с каким акцентом говорить. Это не позволит опознаваемому длительное время преодолевать выработанный динамический стереотип голоса и речи, если он специально его искажает.

Предложив опознаваемому возможность самому избрать очередность прослушивания его голоса и речи, следователь начинает в определенной последовательности беседовать с предъявляемыми лицами. При этом содержание беседы должно быть заранее продумано. По возможности она должна включать слова и выражения, которые произносил опознаваемый в то время, когда его слышал

опознающий²⁰. Более того, Е.Е. Подлогин отмечал: «Необходимо стремиться, чтобы предъявляемые говорили на одну и ту же тему и, по возможности, одними и теми же словами»²¹.

Объем текста беседы, вопросы, задаваемые следователем предъявляемым, определяются в каждом конкретном случае проводимого опознания индивидуально. Однако необходимо добиваться, чтобы речь каждого предъявляемого звучала достаточно продолжительное время. Вопросы, задаваемые опознаваемому и другим предъявляемым совместно с ним лицам, должны быть такими, чтобы ответ на них не был односложным, т.к. результаты опознания во многом зависят от того, какое количество слов будет произнесено предъявляемыми для опознания лицами. Для большей достоверности и объективности опознания А.А. Леви²² и Н.Н. Гапанович²³ предлагают двукратно повторить беседу с каждым из предъявляемых лиц и в разной последовательности.

При этом беседа должна проводиться таким образом, чтобы опознающий по характеру вопросов и ответов не мог догадаться, кто является опознаваемым. Так, по мнению И.Е. Быховского, «эти вопросы не должны касаться существа дела, ибо в противном случае опознающий может опознать лицо не по голосу и особенностям речи, а исходя из смысла его ответов»²⁴.

После этого следователь предлагает опознающему сообщить, опознал ли он кого-либо по голосу, если да, то кого по счету в порядке очередности прослушивания. Затем все участники предъявления для опознания собираются в одной комнате и опознающий поясняет, по каким признакам он опознал голос и речь того или иного лица, когда и при каких обстоятельствах он слышал их прежде. По предложению следователя опознанный называет свою фамилию. Однако если следователь намерен в дальнейшем провести предъявление опознание по признакам внешности, то опознающему входить в помещение, где располагаются опознаваемые, нельзя.

Если опознающий заявляет о том, что не опознал никого из предъявляемых ему лиц, чьи голоса и речь он слышал, необходимо выяснить, на чем основан вывод опознающего. Здесь возможны два основных варианта:

- а) опознающий плохо помнит голос и речь человека, слышанные им ранее, и поэтому затрудняется или не может выделить их из числа предъявляемых;
- б) опознающий хорошо помнит голос и особенности речи человека, воспринятые им ранее, но среди предъявленных ему нет того человека, чьи голоса и речь он слышал ранее.

Принципиальное различие этих ответов в процессе доказывания очевидно. В тех случаях, когда опознающий заявляет, что среди предъявленных ему нет того голоса и речи, которые подлежат опознанию, следователь должен уточнить, в чем опознающий видит различия и есть ли сходство в отдельных признаках между предъявленными ему голосами нескольких лиц и особенностями голоса и речи, воспринятыми им ранее.

Убеждены, что возможность предъявления лица для опознания по голосу и особенностям речи должна быть непосредственно закреплена в законе. Тем более что сло-

жившаяся практика предъявления лиц для опознания по голосу и особенностям речи признается на сегодняшний день и судебными инстанциями. Так, например, Верховный Суд Российской Федерации в апелляционном определении от 2 августа 2016 г. № 31-АПУ16-4сп на жалобы адвоката Назарова С.А. в защиту интересов осужденных Орудина П.П. и Орудиной Т.Н. отмечает следующее: «Доводы жалоб о том, что протоколы опознания по голосу Орудиной Т.Н. потерпевшей И. и свидетелем Ш. являются недопустимыми доказательствами, не основаны на материалах дела и законе».

Положения ст. 193 УПК РФ, на которые имеется ссылка в жалобе, не запрещают возможность опознания лица по голосу, который имеет индивидуальные признаки, позволяющие различить конкретных лиц по голосу.

Опознание по голосу проведено с соблюдением требований ст. 193 УПК РФ.

Перед началом следственного действия свидетель Ш. была допрошена и пояснила, по каким признакам она сможет опознать голос женщины, позвонившей ей с абонентского номера И.

Признанная потерпевшей мать погибшей И. на допросе также пояснила, что ее дочь и она разговаривали с Орудиной Т.Н. по телефону, она знает ее голос и сможет уверенно опознать ее по голосу.

Условия опознания были сходными с условиями, при которых свидетель и потерпевшая слышали голос лица в ходе телефонного разговора. Свидетелю и потерпевшей были предъявлены для опознания записанные на флеш-карты образцы голосов, которые воспроизведены с помощью ноутбука, после чего они объяснили по каким признакам опознали голос на одной из флеш-карт.

При таких данных председательствующий не имел оснований для признания протоколов опознания недопустимыми доказательствами и обоснованно удовлетворил ходатайство государственного обвинителя об оглашении в присутствии присяжных заседателей протоколов опознания по голосу, а ходатайство стороны защиты о признании указанных протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами, заявленное после их оглашения, оставил без удовлетворения».

В связи с изложенным представляется, что часть 5 ст. 193 УПК РФ целесообразно дополнить следующим положением: «Опознание лица может быть также произведено по голосу. Для этого голос опознаваемого лица или его аудиозапись предъявляется для прослушивания вместе с голосами или аудиозаписями других лиц, не имеющих резких акустических различий с голосом опознаваемого лица. Общее число голосов или аудиозаписей должно быть не менее трех».

1. Кочаров Г.И. Опознание на предварительном следствии. М., 1955. С. 8-9.

2. Леонтьев А.А., Шахнерович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977. С. 9.

3. Самошина З.Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976. С. 68-69.

4. Кочаров Г.И. Опознание на предварительном следствии. М., 1955. С. 34; Терзиев Н.В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности. М., 1956. С. 91-94; Самошина З.Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976. С. 67-68; Рагинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 261; Гапанович Н.Н. Опознание в следственной и судебной практике (тактика). Минск, 1978. С. 40-43; Подголин Е.Е. Опознание по особенностям голоса и речи // Соц. законность. 1979. №9. С. 33

5. См. также: Лентьев А.А., Шахнерович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977. С. 9-19; Коблякова Г.Н. О некоторых вопросах аудиторского изучения голоса и речи говорящего // Экспертная практика и новые методы исследования. № 20. М., 1981. С. 16-24 и др.

6. См., например: Криминалистика: Учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 276; Руководство по расследованию преступлений: Учебное пособие / Рук. авт. колл. А.В. Гриненко. М., 2002. С. 533 и др.

7. Рагинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 261.

8. Бурданова В.С., Быховский И.Е. Предъявление для опознания на предварительном следствии. М., 1975. С. 58.

9. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 183-186.

10. Салтвский М.В. Современные проблемы собирания доказательственной информации техническими средствами // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. Киев, 1980. С. 9.

11. Гапанович Н.Н. Опознание в следственной и судебной практике (тактика). Минск., 1978. С. 53-54.

12. Справочная книга криминалиста / Рук. авт. колл. Н.А. Селиванов. М., 2001. С. 160.

13. Руководство по расследованию преступлений: Учебное пособие / Рук. авт. колл. А.В. Гриненко. М., 2002. С. 533.

14. Криминалистика. М., 1971. С. 394-395.

15. Самошина З.Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976. С. 76-77.

16. Комиссаров В.И. Правомерность и обоснованность предъявления для опознания // Соц. законность. 1978. № 2. С. 59.

17. Власенко В.Г. Предъявление для познания живых лиц по голосу // Теория и практика криминалистической и судебной экспертизы. Саратов, 1978. Вып. 3. С. 81.

18. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 156-157.

19. Гинзбург А.Я. Тактика предъявления для опознания. М., 1971. С. 34.

20. См., например: Гапанович Н.Н. Опознание в следственной и судебной практике (тактика). Минск, 1978. С. 53.

21. Подлогин Е. Опознание по особенностям голоса и речи // Соц. законность. 1979. №9. С. 34.

22. Справочная книга криминалиста / Рук. авт. колл. Н.А. Селиванов. М., 2001. С. 160.

23. Гапанович Н.Н. Опознание в следственной и судебной практике (тактика). Минск., 1978. С. 53.

24. Бурданова В.С., Быховский И.Е. Предъявление для опознания на предварительном следствии. М., 1975. С. 59.

General provisions of forensic methods

Общие положения криминалистической методики

Vage Gurgenovitch Yengibaryan,
doctor of Law, Associated professor ,
associated professor of the chamber of Criminal
Procedure and Criminalistics of
Yerevan State University
E-mail: vahe777@yahoo.com

Vare Гургенович Енгибарян,
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ереванского государственного университета

Annotation. In the science of forensics it is still debatable an issue of the definition and content of forensic methods, which is currently being examined in various scientific and practical meanings. The article analyzes the theoretical approaches of different authors on the structure and role of forensic methods, in particular in the context of general provisions of forensic methods. On this basis, that the structure of forensic methods as the final section of the science of Criminalistics, is presented as a system including both the general provisions of forensic investigation methods of separate categories of crimes, as well as private forensic methods.

Keywords: science, theoretical provisions, structure, content, investigation, criminalistics, method

Аннотация. В науке криминалистики до сих пор остается дискуссионным вопрос определения и содержания криминалистической методики, которая в настоящее время рассматривается в разных научно-практических значениях. В статье анализируются теоретические подходы разных авторов о структуры и роли криминалистической методики, в частности в контексте изучения общих положений криминалистической методики. На этой основе представляется, что структура криминалистической методики, как заключительного раздела науки криминалистики, представляется как единая система, включающей как общие положения криминалистической методики и методик расследования отдельных категорий преступлений, а также частные криминалистические методики.

Ключевые слова: наука, теоретические положения, структура, содержание, расследование, криминалистика, методика

Криминалистическая методика в настоящее время рассматривается в трех значениях: во – первых, как практическая деятельность по расследованию преступлений; во – вторых, как часть (раздел) науки криминалистики; в – третьих, как комплекс рекомендаций по организации и осуществлению расследования отдельных видов (групп) преступлений. Так, по мнению И.Ф. Герасимова методика расследования отдельных видов и групп преступлений является структурной частью криминалистики, в которой на основе общих принципиальных положений рассматриваются методы и средства, применяемые в раскрытии и расследовании конкретных видов и групп преступлений с учетом их криминалистической характеристики и типичных следственных ситуаций .

Р.С. Белкин под криминалистической методикой предложил понимать систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации, осуществлению расследования и предотвращению отдельных видов преступлений . Аналогичную позицию высказывают и некоторые другие авторы (В.П. Бахин, Н.Г. Шурухнов и т.п.) . Например, В.П. Лавров полагает, что криминалистическая методика (или методика расследования отдельных видов преступлений) – это четвертый раздел науки, представляю-

щей собой систему научных положений и рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения преступлений определенного вида .

Близкими по содержанию к позиции Р.С. Белкина приводят понятия криминалистической методики и другие ученые. Например, Е.П. Ищенко и А.А. Топоркова определяют криминалистическую методику расследования как систему научных положений и разрабатываемых на их основе практических рекомендаций, базирующихся на изучении закономерностей криминальной и следственной деятельности, которые оптимизируют организацию и осуществление расследования отдельных видов преступлений .

И.А. Возгрин полагает, что методика расследования отдельных видов преступлений, или криминалистическая методика, как заключительный раздел криминалистики, изучает закономерности организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в целях выработки в соответствии с требованиями процессуального закона научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному проведению дознания и следствия . Данную точку зрения разделяют Н.М. Букаев и В.В. Яровенко .

Н.П. Яблоков криминалистическую методику расследования отдельных видов преступлений определяет

как заключительную часть криминалистики, представляющую собой систему научных положений и разработанных на этой основе общих методик расследования групп преступлений и частных методик расследования отдельных их видов .

Принципиальные различия в приведенных определениях заключительного раздела криминалистики сводятся к следующему: разные названия заключительного раздела, использования при конструировании рассматриваемого понятия таких категорий как «организация», «рекомендации», «раскрытие», «предупреждение» и другие.

Представляется возможным разделить позицию А.В. Шмониной, согласно которой криминалистическая методика, как заключительный раздел науки криминалистики, представляет собой информационную модель научно обоснованных положений и разработанных на их основе криминалистических рекомендаций по организации и осуществлению расследования определенной категории преступлений .

На современном этапе развития науки система криминалистической методики состоит из системы научных положений (общих положений) и системы частных методик расследования (методик расследования преступлений).

Общие положения криминалистической методики по существу представляют собой методологическую часть заключительного раздела криминалистики, описывающую и объясняющую структуру криминалистической методики, ее логической организации, средства разработки принципов, рекомендаций по организации и осуществлению расследования преступлений. Методологические знания заключительного раздела выступают в форме предписаний, в которых фиксируется содержание и последовательность исследовательского процесса, так и описание преобразованных объектов криминалистической методики. В обоих случаях основной функцией данного вида методологического знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания какого – либо объекта криминалистической методики.

Система общих положений (научных или концептуальных положений) криминалистической методики охватывает фундаментальные вопросы заключительного раздела науки криминалистики о его содержании и практическом значении, а также является теоретической базой частных криминалистических методик.

Согласно предложенному А.В. Шмониным подходу, частную криминалистическую методику следует определить как информационную модель научно обоснованных криминалистических рекомендаций по организации и осуществлению расследования определенной категории преступлений .

Давая краткую характеристику частным криминалистическим методикам, следует обращать внимание на следующие обстоятельства.

1. Частные криминалистические методики (методики расследования отдельных видов, разновидностей или групп преступлений) являются конечным «продуктом» криминалистической науки, поступающим на вооружение следственной практики, в содержании которых на основе положений и выводов общей и частных криминалистических теорий комплексуются криминалистические рекомендации по организации и осуществлению расследования преступлений.

2. В отличие от общих положений криминалистической методики частные криминалистические методики – это типизированные модели методических (научно – практических) рекомендаций по организации и осуществлению расследования конкретной групп преступлений.

3. Частная криминалистическая методика – это информационная модель определенных элементов, взаимосвязанных и взаимоопределяющих. Эта модель, как и любая другая, обладает определенной структурой, т.е. взаимообусловленным расположением её элементов.

4. Криминалистическая модель выступает как комплекс рекомендаций типизированного вида, т.е. отражающих типичные для расследования определенной группы преступлений. По мнению Р.С. Белкина, основаниями для создания таких комплексов служат:

- комплексный характер задач, решаемых в процессе расследования;
- необходимость разработки комплекса действий, предпринимаемых для решения этих задач;
- комплексное участие в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений в пределах своей компетенции, кроме следователя, работников органов дознания, экспертных учреждений и иных специалистов, представителей общественности;
- реально существующие связи и зависимости между рекомендациями .

Следовательно, наряду с криминалистическими рекомендациями, частная криминалистическая методика содержит и их обоснование в виде определенных научных или эмпирических положений, к которым относятся: характеристика типичных следственных ситуаций; типичные для данной категории уголовных дел следственных версий; перечень, последовательности и другие тактические аспекты процессуальных и иных действий (мероприятий) и/или их комплексов (алгоритмы расследования).

Как уже отмечалось, исторически криминалистическая методика, как раздел науки, подразделялась на общие положения и частные методики . В то же время еще в конце 20–х, 30 х г.г. прошлого века ученые выделяли общие положения (общие условия, общие замечания) расследования отдельных категорий преступлений (общеуголовного характера, хозяйственных и должностных). К данной проблеме после долгого перерыва вернулись в конце 70–х годов XX века, когда предложено было некоторыми

учеными отказаться от двухчастой структуры криминалистической методики, дифференцировав ее на: 1) общие вопросы методики расследования преступлений; 2) общие вопросы методики расследования укрупненных групп преступлений; 3) конкретные частные методики расследования преступлений данного рода .

Несмотря на то, что исследования проблем криминалистической методики как заключительного раздела науки и методик расследования отдельных категорий преступлений свидетельствовали о необходимости пересмотреть существующую систему данного раздела, тем не менее, данный вопрос до конца 90 – х годов XX века обстоятельно не прорабатывался. Так, В.П. Бахин предложил следующую структуру криминалистических методик: основные (общие положения) методики; видовые и внутривидовые методики; вневидовые и групповые методики .

И.А. Возгрин, развивая свои идеи дифференциации методик расследования отдельных категорий преступлений , предложил по своему предназначению или уровню общности методических рекомендаций все методики расследования преступлений подразделять на:

общую криминалистическую методику как научно обоснованную теоретическую модель, представляющую собой описание и объяснение понятия и содержания частных криминалистических методик безотносительно к видам расследуемых преступлений, исследующую лишь основополагающие принципы их разработки и реализации, а также задачи, которые должны решаться с их помощью, структуру комплексов криминалистических методических рекомендаций и другие исходные положения, предназначенные лицам, разрабатывающим отдельные методики;

групповые методики расследования преступлений (комплексы методических рекомендаций по расследованию отдельных групп преступлений, объединенных общностью существенных их признаков, например, преступления в сфере компьютерной информации, половые преступления, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и др.);

частные методики расследования преступлений (методические рекомендации по расследованию отдельных видов преступлений, например, убийств и его разновидностей и т. д.) .

Кроме прочих классификаций И.А. Возгрин отдельно предлагает деление методик по охватываемым видам преступлений на единичные и комплексные. К первым относятся методики расследования конкретных видов преступлений. Комплексными

автор называет методики расследования двух и более преступлений. Общие (групповые) и частные методики расследования преступлений выделяет Ю.П. Гармаев, понимая под общей (групповой) методикой комплекс научно обоснованных рекомендаций по расследованию группы (нескольких групп) преступлений, выделенных по уголовно – правовому или криминалистическому основанию, отражающий наиболее общие закономерности подготовки, совершения и сокрытия этих преступлений, средств и приемов их расследования, являющийся основой для разработки и применения методик меньшей степени общности – частных криминалистических методик .

Как справедливо заметил А.В. Шмонин в настоящее время процесс создания частных криминалистических методик настоятельно требует конструирования такой общей модели, служащей теоретической основой разработки методик расследования отдельных категорий преступлений, на базе разработанных современных научных положений криминалистики в целом и общих положений криминалистической методики в частности. В связи с этим, как надо полагать, ученые предлагают включить в систему криминалистической методики или в классификацию методик расследования преступлений – общую методику.

Полагаем, что следует иметь в виду не общую методику расследования преступлений, так как таковой попросту быть не может, а общие положения методик расследования определенной категории преступных деяний. Такие положения не являются частной криминалистической методикой (моделью расследования преступлений), а являются частью заключительного раздела науки криминалистики, служащей научной основой формирования методик расследования конкретной общности деяний (видовые, межвидовые, групповые и т.п.), образующих конкретную категорию преступлений. В то же время сами общие положения методик расследования отдельных категорий преступлений должны развиваться на базе научных положений криминалистики, преломленных (интерпритированных) в общих положениях криминалистической методики как заключительного раздела науки криминалистики.

Таким образом, структура криминалистической методики, как заключительного раздела науки криминалистики, может быть представлена, как единство трех частей:

1. общие положения криминалистической методики;
2. общие положения методик расследования отдельных категорий преступлений;
3. частные криминалистические методики.

УДК 343.1 ББК 67

Questions implementation of the principle of the language in criminal proceedings

Вопросы реализации принципа языка в уголовном судопроизводстве

Nurdin Nazarbekovich Zhoroev,
Post-graduate student of the Moscow University
of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: joroev-nurdin@mail.ru

Нурдин Назарбекович Жороев,
адъюнкт факультета подготовки научно-
педагогических и научных кадров Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Annotation. This article deals with the questions implementation of the principle of the language in criminal proceedings.

Keywords: criminal process, the language of the criminal proceedings, language principle, judicial decisions, inadmissible evidence, interpreter, guarantees of implementation of the principle of the language of criminal proceedings, guarantees of participants in criminal proceedings

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы реализации принципа языка в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, язык уголовного судопроизводства, принцип языка, судебные решения, недопустимые доказательства, переводчик, гарантии реализации принципа языка уголовного судопроизводства, гарантии участникам уголовного судопроизводства

Российское законодательство обеспечивает право пользоваться родным языком или другим языком, которым они владеют, не только обвиняемому и подозреваемому, но и всем участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу (ч. 2 ст. 18 УПК РФ). УПК РФ конкретизирует это право в нормах, посвященных процессуальному статусу отдельных участников: подозреваемого (п. 6, 7 ч. 4 ст. 46), обвиняемого (п. 6, 7 ч. 4 ст. 47), потерпевшего (п. 5, 6 ч. 2 ст. 42), гражданского истца (п. 5, 6 ч. 4 ст. 44), гражданского ответчика (п. 5 ч. 2 ст. 54), свидетеля (п. 2, 3 ч. 4 ст. 56).

Данное положение не применяется к лицам, ведущим производство по уголовному делу, а также к присяжным заседателям. Согласно п. 2 ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» эти участники обязаны владеть языком судопроизводства, поскольку недостаточное знание ими этого языка не позволит надлежаще выполнить возложенные на них процессуальные функции.

Понятие «лицо, недостаточно владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу», как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике [11].

Суд, следователь, дознаватель, разъясняя сторонам их права и обязанности и создавая необходимые условия для исполнения ими процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 1 ст. 11 и ч. 3 ст. 15 УПК РФ), должны удостовериться в том, что уровень владения участником уголовного судопроизводства языком, на котором оно ведется, со всей очевидностью является достаточным для реализации этим участником его прав и обязанностей [12].

Установление того, владеет ли участник уголовного судопроизводства языком, на котором ведется судопроизводство, в достаточной для реализации своих прав степени, требует оценки фактических обстоятельств. При этом могут учитываться язык, который для участника уголовного судопроизводства является родным, его место рождения и жительства, длительность проживания на территории Российской Федерации, получение образования в образовательном учреждении, преподавание в котором ведется на соответствующем языке, место и характер работы, язык общения с родственниками, знакомыми, коллегами и другие обстоятельства.

В Постановлении ЕСПЧ от 24 сентября 2002 г. по делу «Кускани против Соединенного Королевства» [5], в котором заявитель не мог следить за разбирательством из-за недостаточного знания английского языка, Европейский суд по правам человека подверг критике английские суды за то, что они положились на заявление адвоката о том, что знание заявителем английского языка

достаточно для понимания разбирательства. Суд указал, что рассматривавший дело судья должен был удостовериться в том, что отсутствие переводчика не воспрепятствует заявителю в полном понимании разбирательства, и установил нарушение с учетом уклонения судьи от собственной оценки потребности заявителя в средствах перевода.

Право участников уголовного судопроизводства пользоваться родным языком или другим языком, которым они владеют, должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Нарушением данного положения явилось возвращение осужденному В. его кассационной жалобы для пересоставления в связи с тем, что она изложена на башкирском языке, установление срока для устранения недостатков, а впоследствии в связи с несоблюдением указанного срока - признание кассационной жалобы неподанной. Впоследствии судебное решение отменено, уголовное дело возвращено в суд первой инстанции для рассмотрения вопроса о восстановлении срока на обжалование приговора [13].

Реализация участником права на пользование родным языком не должна нарушать права и свободы других лиц, а равно препятствовать разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки. Поэтому «органы предварительного расследования и суд своими мотивированными решениями вправе отклонить ходатайство об обеспечении тому или иному участнику судопроизводства помощи переводчика, если материалами дела будет подтверждаться, что такое ходатайство явилось результатом злоупотребления правом» [10].

Если подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, участие защитника является обязательным (п. 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

Если лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, не владеет языком судопроизводства, это обстоятельство в процессуальной литературе расценивается как указывающее на сложность расследования как по причинам организационного характера, так и вследствие дополнительного срока, необходимого на подготовку письменных переводов [4].

Если подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, не допускается производство дознания в сокращенной форме (п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, разъясняется и обеспечивается право бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном УПК РФ.

Российское законодательство безусловно освобождает участников уголовного судопроизводства от расходов на участие переводчика. Процессуальные издержки, связанные с участием в уголовном деле переводчика, возмещаются за счет средств федерального бюджета (ч. 3 ст. 132 УПК РФ). Взыскание указанных сумм с участников уголовного судопроизводства в доход государства в регрессном порядке не допускается.

Перевод должен поручаться переводчику - лицу, отвечающему установленным в ч. 1 и 6 ст. 59 УПК РФ требованиям. Поэтому нарушением положения ч. 2 ст. 18 УПК явилось осуществление перевода последнего слова подсудимого с его родного языка (ингушского) на язык судопроизводства (русский) секретарем судебного заседания вместо предоставления подсудимому переводчика [8].

Если в соответствии с УПК РФ процессуальные документы подлежат обязательному вручению участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника уголовного судопроизводства или на язык, которым он владеет (ч. 3 ст. 18 УПК РФ).

Нарушением данного положения признано вручение осужденному И., недостаточно владеющему русским языком, копии кассационной жалобы его защитника адвоката Х. лишь на русском языке, без перевода на родной язык И. в связи с изложенным уголовное дело было снято с кассационного рассмотрения и возвращено в суд первой инстанции для устранения указанных препятствий его рассмотрения судом кассационной инстанции [6].

При этом положение ч. 3 ст. 18 УПК РФ не возлагает на органы предварительного расследования и суд обязанности вручать участникам уголовного судопроизводства, включая обвиняемого, все процессуальные документы по делу в переводе с языка судопроизводства на избранный им язык [9]. Такая обязанность предусмотрена лишь в отношении тех процессуальных документов, которые подлежат обязательному вручению соответствующему участнику. Например, обвиняемому должны вручаться копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 8 ст. 172), обвинительного заключения (ч. 2 ст. 222), обвинительного акта (ч. 3 ст. 226), обвинительного постановления (ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ), а также некоторых других процессуальных актов.

При этом российское законодательство предоставляет больший объем гарантий участникам судопроизводства, нежели предусмотрен Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Во-первых, УПК РФ предусматривает не только устный, но и письменный перевод документов, подлежащих обязательному вручению участникам уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 18 УПК РФ).

Во-вторых, отечественное законодательство прямо указывает, какие именно процессуальные документы подлежат обязательному письменному переводу. Установление перечня таких документов вместо введения критерия для их отбора должностным лицом или государственным органом, ведущим уголовное судопроизводство, представляется предпочтительным. Предоставление следователю, дознавателю, суду полномочий самим определять, какие материалы уголовного дела отвечают критерию, установленному ЕСПЧ (т.е. какие материалы позволяют обвиняемому знать, в чем он обвиняется, и защищаться от этого обвинения), могло бы повлечь многочисленные ошибки и нарушение права обвиняемого на защиту [1]. Не случайно по окончании предварительного расследования обвиняемый и его защитник знакомятся с материалами уголовного дела в полном объеме, независимо от числа обвиняемых по данному делу, от того, во всех ли преступлениях обвиняется лицо, от усмотрения следователя, дознавателя (п. 12 ч. 4 ст. 47, ч. 1 ст. 217 УПК РФ). Такое правовое регулирование наиболее эффективно обеспечивает права обвиняемого.

Последствия нарушения принципа языка уголовного судопроизводства, связаны с тем, что доказательства, подлежат признанию недопустимым.

С.В. Матвеев, анализируя такой компонент допустимости показаний, как надлежащая процедура их оформления, приводит интересный пример нарушения требований уголовно-процессуального закона следователем, выразившегося в том, что переводчик не был предупрежден об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод, обвиняемому не было разъяснено право заявить отвод переводчику, им не была подписана каждая страница протокола допроса [7].

Нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика относится к числу безусловных оснований к отмене приговора, постановления, определения

в апелляционном порядке. При установлении такого нарушения судебное решение подлежит отмене в любом случае (п. 2 ст. 389.15, ч. 1 ст. 389.17, п. 5 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). Если указанное существенное нарушение уголовно-процессуального закона повлияло на исход дела, то оно является основанием отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке и в порядке надзора (ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ).

Так, Д. в ходе судебного заседания заявил о том, что нуждается в услугах переводчика с родного языка, в связи с чем суд, выслушав мнение участников процесса, отложил рассмотрение ходатайства следователя о продлении срока содержания Д. под стражей для обеспечения участия переводчика в судебном заседании. В этот же день следователем вынесено постановление о назначении Д. переводчика с таджикского языка. Впоследствии судом с участием переводчика судебное заседание было продолжено. Однако права обвиняемому повторно не разъяснялись; лицо, возбудившее ходатайство, не выступало с его обоснованием; представленные в обоснование ходатайства письменные материалы не исследовались. Тем самым было нарушено гарантированное УПК РФ право обвиняемого Д. пользоваться услугами переводчика. Постановление суда в апелляционном порядке отменено, а материалы по ходатайству следователя направлены на новое судебное разбирательство ввиду несоблюдения требований уголовно-процессуального закона, влекущих нарушение процессуальных прав обвиняемого [3].

Проведение судебного разбирательства по рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания А. под стражей в отсутствие переводчика, в то время как при производстве предварительного расследования переводчик участвовал, также признано нарушением права обвиняемого А. давать показания и объясняться на родном языке и пользоваться услугами переводчика. Постановление суда о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого А. признано незаконным и необоснованным ввиду нарушения его процессуальных прав, дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе [2]

Таким образом, действующее законодательство содержит значительный объем гарантий,

направленных на обеспечение принципа языка уголовного судопроизводства.

В то же время представляется необходимым наряду с установлением перечня документов, подлежащих обязательному переводу (ч. 3 ст. 18 УПК РФ), предоставить суду, прокурору, следователю, дознавателю право вынести определение, постановление о переводе и других процессуальных документов, если они признают это необходимым для обеспечения прав того или иного участника. Это послужит дополнительной гарантией прав обвиняемого и других участников уголовного судопроизводства, а также будет направлено на реализацию правовой позиции ЕСПЧ о необходимости перевода тех материалов дела, которые позволяют участнику отстаивать свои интересы.

list of references

1. Alekseeva E.S. Realizacija principa jazyka grazhdanskogo sudoproizvodstva: voprosy teorii i praktiki // Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process. 2014. № 6. S. 9-13.
2. Apelljacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 03.06.2013 po delu № 10-4093/13 // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
3. Apelljacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 04.03.2013 po delu № 10-498/13 // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
4. Gir'ko S.I. Nekotorye problemy dosudebnogo proizvodstva, osushhestvlyajemogo organami milicii // Zhurnal rossijskogo prava. 2008. №3.
5. Informacija o postanovlenii ESPCh ot 24.09.2002 po delu «Kuskani (Cuscani) protiv Soedinennogo Korolevstva» (zhaloba № 32771/96) // Bjulleten' Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. 2003. № 2.
6. Kassacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 19.09.2012 № 22-12444 // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
7. Matveev S.V. Poluchenie informacii ot nesovershennoletnih, ee ocenka i ispol'zovanie v ugovovno-processual'nom dokazyvanii: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2003. S. 222.
8. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 09.02.2011 № 26-D10-10 // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
9. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.01.2003 № 12-O // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
10. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20.06.2006 № 219-O // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
11. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.06.2012 № 1064-O // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
12. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.04.2013 № 545-O // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
13. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda Respubliki Bashkortostan ot 28.03.2012 po delu № 44-u-263\12 // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
8. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20.06.2006 № 219-O // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
9. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.06.2012 № 1064-O // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
10. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.04.2013 № 545-O // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.
11. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda Respubliki Bashkortostan ot 28.03.2012 po delu № 44-u-263\12 // Dokument opublikovan ne byl. SPS Garant.

Список литературы

1. Алексеева Е.С. Реализация принципа языка гражданского судопроизводства: вопросы теории и практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 9-13.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 03.06.2013 по делу № 10-4093/13 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.03.2013 по делу № 10-498/13 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
4. Гирько С.И. Некоторые проблемы досудебного производства, осуществляемого органами милиции // Журнал российского права. 2008. №3.
5. Информация о постановлении ЕСПЧ от 24.09.2002 по делу «Кускани (Cuscani) против Соединенного Королевства» (жалоба № 32771/96) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2003. № 2.
6. Кассационное определение Московского городского суда от 19.09.2012 № 22-12444 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
7. Матвеев С.В. Получение информации от несовершеннолетних, ее оценка и использование в уголовно-процессуальном доказывании: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 222.
8. Определение Верховного Суда РФ от 09.02.2011 № 26-Д10-10 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2003 № 12-О // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 219-О // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1064-О // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2013 № 545-О // Документ опубликован не был. СПС Гарант.
13. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 28.03.2012 по делу № 44-у-263\12 // Документ опубликован не был. СПС Гарант.

To the question of minimizing the consequences of crimes in the field of domestic relations

К вопросу минимизации последствий преступлений в сфере бытовых отношений

Olga Nikolaevna Ivasyuk

PhD, candidate of jurisprudence,
senior lecturer Department of criminology
Moscow University Russian Interior Ministry
named V.Y. Kikot
E-mail: ivasuk-o@mail.ru

Ольга Николаевна Ивасюк

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: ivasuk-o@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 –уголовное право, криминология; уголовно-исполнительное право

Annotation. The article focuses on some of the issues to minimize the social impact of household crime-related issues to combat manifestations of domestic violence.

Keywords: domestic violence, prevention, minimization of social impact, crime prevention, restoration of rights, protection, protection of individual rights, the prevention of crimes

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам минимизации социальных последствий бытовой преступности, связанным с проблемами противодействия проявлениям семейно-бытового насилия.

Ключевые слова: бытовое насилие, профилактика, минимизация социальных последствий, предупреждение преступлений, восстановление прав, защита, охрана прав личности, предупреждение преступлений

В последние годы в нашей стране бытовое насилие является наиболее распространенной формой агрессии. Согласно статистике, более 40% тяжких насильственных преступлений совершается в семьях. Жертвы бытовых конфликтов составляют наиболее многочисленную группу среди погибших и пострадавших от преступлений. Согласно изучению материалов уголовных дел, 14,3% насильственных преступлений в семье были совершены с особой жестокостью, более 8% - с применением издевательств, и 1,5% - с применением пыток. Каждое шестое (16,5%) преступление совершено в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии [6, С.419].

Современное влияние преступности на общество может носить не только опасный, но и непрерывный характер, т.к. новые преступления потребуют новых материальных затрат, повлекут дальнейшее ослабление нравственности, ухудшение психологического состояния населения т.д. Социальные последствия преступности в бытовой сфере находят выражение и в том, что отдельные виды бытовых преступлений способны порождать другие категории правонарушений. Таким образом, бытовые преступления причиняют физический, моральный, матери-

альный ущерб отдельным гражданам, а также влекут социально-экономические и психологические последствия для общества в целом [4, С.37].

Социальные последствия бытовой преступности - это реальный вред, причиняемый преступностью данного вида общественным отношениям, выражающийся в совокупности причинно связанных с преступным поведением прямых и косвенных, непосредственных и опосредствованных негативных изменений (ущерб, урон, потери, убытки и т. п.), которым, в конечном счете, подвергаются социальные (экономические, нравственные, правовые и др.) ценности, а также совокупность экономических и иных издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и социальной профилактикой преступлений.

В настоящее время борьба с бытовым насилием ведется в основном уголовно-правовыми средствами, но их применение не может его предотвратить, обеспечить социальную реабилитацию семьи и ее сохранение. К тому же выявление фактов насилия в семье в целях использования в борьбе с ними уголовно-правовых средств, как уже указывалось, находится на низком уровне. Зависимые члены семьи, опасаясь потери кор-

мильца, скрывают эти факты, неохотно идут на контакт с правоохранительными органами [8, С.241-243].

Классическое уголовное право является строго публичной отраслью права: уголовное преследование в классической модели осуществляется независимо от того, желает ли потерпевший привлечения виновного к уголовной ответственности. В последнее время наблюдается отход от данной модели, предполагающий признание более активной роли потерпевшего в уголовном судопроизводстве, а также большую диспозитивность уголовно-правовых отношений. Появляются такие концептуальные альтернативы традиционной репрессивной уголовной политике, как «восстановительное правосудие» и уголовно-правовая медиация (посредничество). Их смысл заключается в смещении акцентов с наказания преступника на восстановление нарушенных преступлением общественных отношений [2, С.134-139].

Существует мнение, что применение уголовного закона не годится для борьбы с бытовыми преступлениями. Авторы такой позиции предпочитают стратегию примирения и посредничества и содействуют внедрению модели социального благоденствия и терапии, не прибегая к помощи правоохранительной системы.

В качестве аргументов такой позиции приводятся следующие:

- уголовное правосудие делает ставку на наказание, а не на реабилитацию;

- система уголовного правосудия редко предусматривает программы поддержки и лечения, которые способствуют отказу впредь совершать бытовое преступление, поэтому высока вероятность рецидива;

- меры уголовной ответственности, применяемые к лицу, совершившему бытовое преступление, могут повлиять на дальнейшую судьбу не только самого правонарушителя, но и членов его семьи;

- признание насилия в семье преступлением может причинить вред жертве (например, в традиционных обществах и в среде национальных меньшинств, которые предпочитают процедуру посредничества, криминализация может привести к изоляции жертвы в семье и обществе).

Если традиционное карательное правосудие изолирует от общества человека, нарушившего закон, то восстановительное, наоборот, стремится укрепить, восстановить его социальные связи. В центре восстановительного правосудия не абстрактный закон, который был нарушен, а вполне конкретная жертва, которой должен быть возмещен урон. Цель восстановительного правосудия – сделать так, чтобы жертва преступления могла простить преступника. А преступник должен сделать так, чтобы его простило не

абстрактное государство, а вполне конкретные люди, которым он принес зло. Восстановительное правосудие дает возможность правонарушителю осознать свою вину перед пострадавшим (а не перед чиновником), самостоятельно (в рамках имеющихся у него возможностей) возместить нанесенный ущерб, изменить свое поведение.

Кроме того, не исключаются и конструктивные (не приводящие к дезинтеграции) меры общественного воздействия. Примирение полезно и выгодно не только обвиняемой и потерпевшей сторонам, но и обществу в целом, поскольку оно ведет к восстановлению нормальных отношений между людьми, предотвращению эскалации насилия и жестокости; сокращению затрат правосудия; сокращению «тюремного населения», повышению роли общественности в работе с правонарушителями, совершенствованию работы судебной системы. Особенно важно прохождение процедуры примирения и заглаживания ущерба для несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступления в бытовой сфере [3, С.153-156].

Если в предупреждении бытовых преступлений и минимизации их последствий брать за основу данную стратегию, то правоприменители получают новый способ воздействия на бытовых преступников (в виде возложения персональной ответственности в соответствии с примирительным договором). Данный способ особенно ценен в тех случаях, когда наказание в виде лишения свободы нецелесообразно, а безнаказанность вредна.

Другой подход, напротив, основан на защитной роли закона. Физическое и психическое насилие является преступлением независимо от того, кто является жертвой. Насилие в семье требует к себе такого же серьезного отношения, как и другие насильственные преступления, особенно с учетом их социальных последствий. Сторонники данного подхода приводят свои аргументы:

- уголовное преследование лиц, совершивших насильственные преступления в бытовой сфере, показывает, что общество осуждает поведение правонарушителя, а жертва имеет право на защиту со стороны государства, при этом интересы потерпевшего ценятся больше, чем забота о сохранении семьи;

- страх перед уголовным наказанием в некоторых случаях удерживает отдельных правонарушителей от совершения бытового преступления;

- посредничество не является эффективным методом, поскольку оно преуменьшает опасность насилия (цель метода заключается в том, чтобы восстановить отношения между жертвой и обидчиком и сохранить семью, а посредниче-

ство снимает с правонарушителя ответственность за насилие, создавая условия, в которых жертва рассматривается как лицо, разделяющее ответственность за направленное против нее насилие).

Профилактика любых бытовых преступлений, помимо прочего, должна быть направлена на обеспечение неотвратимости наказания за совершенные деяния. Наказание должно удерживать от преступлений не только тех, кто уже понес ответственность и не совершит нового деяния, но и тех, кто склонен к совершению уголовно наказуемого посягательства [5, С.352-355].

Преступник должен хорошо усвоить и твердо знать, что риск, на который он идет, столь велик, наказание столь сурово, что он может больше потерять, чем выиграть от совершения преступления. Идея наказания состоит в том, что оно как конкретное выражение неодобрения нарушающего порядок поступка поможет формировать и усиливать правовую дисциплину. В данном случае должны сочетаться индивидуальная профилактика и общая превенция. На наш взгляд, борьба с бытовыми преступлениями, особенно с насильственными, и минимизация их социальных последствий нуждается в специальных подходах, учитывающих характер бытовых отношений между людьми, которые связаны друг с другом в эмоциональном и финансовом смысле [7, С.121-124].

Современная охранно-защитная концепция профилактики бытовых преступлений и минимизации их последствий предполагает переход от административно-карательных мер к всеобщей медико-психологической, психолого-педагогической и социально-правовой помощи и поддержке семьям и детям группы социального риска. Международный опыт показывает, что реализация превентивных мер и программ имеет определенные общие тенденции и принципы:

- профессионализация воспитательно-профилактической и охранно-защитной деятельности, введение и подготовка специальных кадров социальных работников, социальных педагогов, социальных реабилитаторов, практических психологов, специализирующихся на практической работе по коррекции отклоняющегося поведения в семейно-бытовой сфере;
- создание сети специальных превентивных служб и структур, призванных осуществлять социальную и социально-психологическую помощь семье, детям, юношеству, женщинам, пострадавшим от семейного насилия (психологические службы и консультации, центры доверия, досуговые и реабилитационные центры, социальные приюты для детей и подростков, попавших в критическую ситуацию);
- признание семьи как ведущего института социализации детей и подростков, осуществление специальных мер социально-правовой, социально-педаго-

гической и медико-психологической помощи семье и, в первую очередь, семьям, не справляющимся самостоятельно с задачами воспитания [1, С.67].

В соответствии с этими принципами необходима реорганизация деятельности отечественных социальных институтов, осуществляющих воспитательно-профилактическую работу, которая предполагает, во-первых, существенное сужение сферы деятельности специальных органов ранней профилактики (инспекций и комиссий по делам несовершеннолетних, правоохранительных органов); во-вторых, разработку и внедрение в широкую практику органов образования, здравоохранения реабилитационных программ, а также создание системы служб социальной, социально-психологической и социально-педагогической помощи пострадавшим от бытовых преступлений.

Библиографический список

1. *Иванцов С.В., Ивасюк О.Н., Калашников И.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних: Учебно-методическое пособие. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
2. *Иванцов С.В., Калашников И.В.* Организованность как криминологическая особенность преступности несовершеннолетних. Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4.
3. *Ивасюк О.Н.* Криминологические особенности семейно-бытовых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015, № 7.
4. *Ивасюк О.Н.* Преступность в сфере бытовых отношений: социальные последствия и их минимизация: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Московский университет МВД Российской Федерации. – Москва, 2008.
5. *Ивасюк О.Н.* Проблемы профилактики семейно-бытовых преступлений Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 352-355.
6. *Ивасюк О.Н.* Роль жертвы в механизме совершения насильственных бытовых преступлений // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1(29).
7. *Ивасюк О.Н.* Роль органов внутренних дел в предупреждении бытовой преступности и минимизации ее социальных последствий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 121-124.
8. *Ивасюк О.Н.* Семейное насилие в механизме детерминации преступного поведения несовершеннолетних. Российский криминологический взгляд. 2013. № 3(35).

Polygraph Poligrafovich

Полиграф Полиграфович

Nikita Aleksandrovich Kolokolov,
the judge of the Supreme Court of the Russian Federation (in resignation), the doctor of jurisprudence (Moscow)

Никита Александрович Колоколов,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук (г. Москва)

Annotation. Contradictory jurisprudence of application of «polygraph» is analyzed.

Keywords: proof, proofs, polygraph, conclusion of the polygraphologist

Аннотация. Анализируется противоречивая судебная практика применения «полиграфа».

Ключевые слова: доказывание, доказательства, полиграф, заключение полиграфолога

Вопрос о том, как отделить в показаниях правду ото лжи, во все времена был в центре внимания специалистов в сфере доказывания. Истории известны различные приемы, позволяющие с той или иной степенью вероятности сделать вывод о достоверности сказанного участником процесса, однако ни один из них не гарантировал 100% надежности.

В середине прошлого века появился полиграф (именуемый тогда «детектором лжи») – многоканальный осциллограф, осуществляющий одновременную запись различных функций организма при его комплексном исследовании. Вскоре, впрочем, выяснилось, что и он не застрахован от ошибок. Несмотря на это полиграфами обзавелись практически все региональные подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность. Правда, информация, получаемая с помощью данного чуда техники, долгое время носила статус оперативной. Затем появились умельцы, трансформирующие ее в конкретные доказательства – заключения психофизиологических экспертиз, достоверность которых с недавних пор признается судами различных уровней.

По приговору Забайкальского краевого суда от 14 июля 2010 года Шеломенцев, и др. осуждены к различным срокам лишения свободы. Данное уголовное дело ничем не примечательно, за исключением, пожалуй, одного - Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в своем кассационном определении от 8 февраля 2011 года сослалась на заключение, составленное на основе результатов психофизиологической экспертизы, как доказательство, указав при этом следующее.

Осужденный Шеломенцев, оспаривая «заключение психофизиологической экспертизы, просил таковую провести повторно». Он также утверждает, что его обвинение основано на «противоречивых показаниях Р. и детектора лжи».

«В своей жалобе Шеломенцев оспаривает заключение психофизиологической экспертизы, подтверждаю-

щее его участие в совершенных бандой преступлениях, включая нападения на водителей П. и А.

Указанные доводы являются необоснованными.

Как следует из материалов дела, психофизиологическая экспертиза осуществлялась на основе постановления следователя Янченко Е.М. квалифицированным и опытным экспертом, которым являлся заведующий лабораторией специальных психофизиологических исследований Сибирской академии права, экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент Яковлев Д.Ю., имеющий свидетельство на право опроса граждан с использованием полиграфа и общий стаж экспертной работы 15 лет.

Психофизиологическая экспертиза в отношении Шеломенцева проводилась в соответствии с Методическими рекомендациями по проведению психофизиологических исследований с использованием полиграфа (т. 15 л.д. 9-63).

Оснований не доверять выводам эксперта у судебной коллегии не имеется.

Выводы суда о виновности Шеломенцева в преступлениях основаны не только на заключении эксперта, но являются результатом исследования в судебном заседании совокупности доказательств, достаточных для постановления обвинительного приговора».

«Вывод суда о причинении Румянцевым совместно с Шеломенцевым тяжкого вреда здоровью потерпевшего П. основан на следующих, исследованных в судебном заседании и изложенных в приговоре доказательствах, включая:

- заключение психофизиологической экспертизы, согласно которой у Румянцева выявлены реакции, свидетельствующие о том, что он вступал в сговор с Шеломенцевым на совершение нападения на Петрякова...»

«Оценив исследованные доказательства в их совокупности, суд признал достоверными показания Шеломенцева о том, что он и Румянцев договорились о совершении разбойного нападения на водителя, поскольку они согласуются с заключениями психофизиологических экспертиз, подтверждающих со-

гласованность, целенаправленность действий подсудимых».

Мнения юристов относительно возможности использования результатов психофизиологических экспертиз, а равно допустимости их назначения и проведения, как говорится, разделились. Как видим, данное обстоятельство не мешает судам формировать прецедентную практику, в обязательном характере которой мы несколько не сомневаемся. Поскольку понятийно-категориальный аппарат, обслуживающий понятие «психофизиологическая экспертиза», пока не сложился, автор умышленно сохранили формулировки, предложенные авторами кассационного определения, тем более, что докладчик по делу – судья Верховного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор О.Н. Ведерникова, председательствовал в процессе известный российский процессуалист – судья Верховного Суда РФ А.С. Червоткин.

История развития института доказательств насчитывает не одно тысячелетие. Время от времени, некоторые из них становятся модными. Например, «царица доказательств» - признание обвиняемым своей вины. Обоюдострый характер информации, заключенной в данном доказательстве, общеизвестен. Перечень жертв самоубийства как добровольного, так и вынужденного весьма значителен, чтобы его можно было бы игнорировать.

Анализ современных уголовных дел свидетельствует, что в тех случаях, когда речь идет о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, доказывание превращается в игру «первое слово – дорожке второго». Порой описательно-мотивировочная часть приговора – на половину рассуждения на тему, когда подсудимый, говорил правду, а когда нет.

Внедрение в систему доказательств выводов психофизиологических экспертиз означает укрепление доверия к показаниям, «освященным» не пыткой, как это было в недавнем прошлом, а мнением неких узких специалистов.

Вместе с тем, введение таковых в процесс неизбежно чревато угрозой целого комплекса ошибок, до сих пор неведомых нашему уголовному процессу. Ошибиться может, как сам эксперт, так и его «машина», совершенство методик, используемых при проведении психофизиологических экспертиз, пока лишь гипотеза. Исторический опыт свидетельствует, что порой проходят многие десятилетия, пока несовершенство некоторых из них становится очевидным. Да общее правило никто нем отменял: чем сложнее, тем ненадежней.

Наличие психофизиологической экспертизы не исключает ее дополнительный и повторные варианты. Как оценивать результаты психофизиологических экспертиз, если на одни и те же

вопросы даны разные ответы? Опыта таких оценок в России нет.

Анализ перечисленных и многих других проблем, возникновение которых обусловлено признанием института психофизиологической экспертизы, достоин отдельной статьи. Хотелось бы услышать мнение как сторонников «Полиграфа Полиграфовича», так и его противников.

Впрочем, практика известна и другой подход к решению проблемы.

По приговору Приволжского окружного военного суда от 17 июня 2011 года военнослужащий Хайлов и гражданка Филимонова признаны виновными в убийстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору и сопряженном с разбоем; в разбое, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением предмета, используемого в качестве оружия, а также с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей.

В кассационных жалобах осужденные и их защитники заявили о необоснованности приговора, ссылаясь на противоречия в его описательно-мотивировочной части. Суть позиций осужденных на этапе кассации заключалась в перекладывании вины друг на друга:

- Хайлов убийство не планировал и не совершал, а является лишь невольным свидетелем преступления, потерпевшую убила Филимонова;

- Филимонова – убийство совершил Хайлов.

Военная коллегия, отменяя приговор Верховного Суда РФ, указала следующее.

Вывод суда о том, что убийство совершено в результате совместных заранее согласованных действий Хайлова и Филимоновой, основан на показаниях обоих осужденных, данные ими при допросах в качестве подозреваемых, результаты проверки их показаний на месте, заключения судебно-медицинской, ситуационных, психофизиологических экспертиз и других экспертиз.

Все эти доказательства, за исключением первоначальных показаний обоих осужденных, от которых они отказались в ходе предварительного следствия, судом кассационной инстанции квалифицированы как «косвенные и производными от этих показаний» (выделено нами - Н. Колоколов).

Алгоритм рассуждений Военной коллегии Верховного Суда РФ:

Из заключения судебно-медицинского эксперта следует, что на шее потерпевшей имелась лишь одиночная прижизненная горизонтальная незамкнутая странгуляционная борозда. Это может свидетельствовать о том, что положение ремня на шее потерпевшей в период лишения ее жизни оставалось неизменным, а примененное затягивающее усилие было непрерывным.

При таких обстоятельствах суду надлежало проверить с привлечением эксперта возможность сохранения ремня неподвижным на шее потерпевшей и причинение ей одиночной странгуляционной борозды при передаче одного конца ремня из рук Хайлова в руки Филимоновой.

Из заключения эксперта, проводившего ситуационную экспертизу, видно, что механизм удушения Коротун частично соответствует показаниям Хайлова от 30 апреля, 4 и 6 мая 2010 года, в том числе при проверке показаний на месте, о том, что он накинул ремень на шею потерпевшей сзади, а спереди затянул его, сомкнув концы крест-накрест, а также показаниям Филимоновой на дополнительном допросе и следственном эксперименте от 13 и 14 октября 2010 года, соответственно, о том, что она видела, как Хайлов стоит на коленях на водительском сидении, повернувшись лицом к заднему сидению и душит Коротун, скрестив ремень на ее горле.

При этом эксперт указал на несоответствие механизма удушения Коротун показаниям Хайлова о том, что он затем стал душить Коротун вдвоем с Филимоновой, нагнув голову потерпевшей вперед между передними сидениями.

Об указанном в дополнительном заключении эксперта возможном механизме удушения Коротун в результате совместных и согласованных действий Хайлова и Филимоновой, который суд признал соответствующим действительности, никто из осужденных никогда не показывал и не демонстрировал на следственном эксперименте. В каком положении должна была находиться голова потерпевшей при таких обстоятельствах, эксперт не уточнил.

Суд признал правдивыми показания Хайлова и Филимоновой о механизме причинения смерти Коротун, данные ими при допросах в качестве подозреваемых.

Согласно этим показаниям Хайлова, он вначале один затягивал ремень на шее потерпевшей около 4-5 минут и лишь затем к нему присоединилась Филимонова. Филимонова же показала, что она села на переднее сидение и совместно с Хайловым стала затягивать ремень на шее Коротун спустя примерно 6 минут после того, как Хайлов начал ее душить.

Из заключения судебно-медицинского эксперта следует, что процесс наступления смерти при удушении происходит в несколько этапов, общая продолжительность которых составляет до 4,5 минут.

При таких обстоятельствах суду, надлежало выяснить, оставалась ли живой Коротун к тому моменту, когда, согласно версии обвинения, Хайлов передал один из концов ремня Филимоновой. Однако этого сделано не было.

Делая вывод о причастности обоих осужденных к убийству Коротун и признавая достоверными показания свидетеля Круглова (брат Филимоновой) о том, что он знает о совершенном убийстве со слов Хайлова и Филимоновой, суд сослался на заключения «психофизиологических экспертиз», в ходе которых правдивость сообщаемых Кругловым и Филимоновой сведений проверялась с помощью технического средства - полиграфа.

Однако экспертом не представлено и судом не установлено научно-обоснованное подтверждение надежности и достоверности результатов подобных исследований, которые позволяли бы признать их доказательством по уголовному делу в соответствии с требованиями ст. 74 и 80 УПК РФ.

Таким образом, вывод суда первой инстанции о совершении Хайловым и Филимоновой инкриминированных им деяний основан на доказательствах, достоверность которых не была должным образом проверена, а имеющиеся в них противоречия не были устранены либо оценены. То есть, данный вывод не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом, в связи с чем приговор подлежит отмене с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство, в ходе которого суду надлежит тщательно исследовать все обстоятельства убийства Коротун, оценить в совокупности представленные сторонами доказательства и дать содеянному надлежащую юридическую оценку.

Результат психофизиологической экспертизы - комплекс сведений о состоянии допрашиваемого лица. Само по себе наличие данной информации процессу доказывания не мешает, однако и не позволяет его субъектам сделать категоричный вывод о достоверности сказанного испытуемым. В текущий момент времени полиграф - мода, поиск очередного «философского камня». Практика свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев назначение психофизиологической экспертизы ходом расследования не обусловлено, ее выводы бесполезны. Выход экспертов за пределы их компетенции заставляет задуматься об их порядочности.

The constitutional concept of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: the relevance of the study and realization

Конституционная концепция обеспечения прав и свобод человека и гражданина в РФ: актуальность изучения и воплощения

Marina Viktorovna Konoplyanikova,
candidate of Science, the teacher of chair of the
governmental and civil-law disciplines of the Mos-
cow regional branch of the Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
name V.Y. Kikotya
E-mail: Konoplyanikova-m@mail.ru

Марина Викторовна Конопляникова,
кандидат педагогических наук, преподаватель
кафедры государственных и гражданско-
правовых дисциплин Московского областного
филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: Konoplyanikova-m@mail.ru

Annotation. The article demonstrated the urgency of further research of the constitutional concept of the rights and freedoms of man and citizen interest in her Russian society, proposed construct a mechanism to ensure the rights and freedoms of man and citizen, revealed the role of guarantees for pravorealizatsii constitutional provisions on the rights and freedoms of man and citizen, addressed the issue of real / fictitious nature of the second chapter of the Constitution. In conclusion, a reasonable conclusion is the need for further promotion of the Russian Federation by way of practical implementation of constitutional provisions enshrining the rights and freedoms, there is a need to increase the level of legal awareness and legal culture of the citizens of Russia.

Keywords: Constitution, the constitutional concept of the rights and freedoms of individuals, human rights, real and fictitious constitution guarantees the rights and freedoms of man and citizen, the mechanism for ensuring human rights and freedoms

Аннотация. В статье показана актуальность дальнейших исследований конституционной концепции прав и свобод человека и гражданина, интерес к ней российского социума, предложен конструкт механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина, выявлена роль гарантий для правореализации конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина, рассмотрен вопрос о реальности/фиктивности второй главы Конституции РФ. В заключении делается обоснованный вывод о необходимости дальнейшего продвижения РФ по пути практического воплощения конституционных норм, закрепляющих права и свободы, отмечается потребность в повышении уровня правосознания и правовой культуры граждан России.

Ключевые слова: Конституция, конституционная концепция прав и свобод человека и гражданина, права человека, реальные и фиктивные конституции, гарантии прав и свобод человека и гражданина, механизм обеспечения прав и свобод

Вопросы признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина в России сохранили большую общественную значимость, что актуализирует дальнейшее осмысление данной проблематики. И хотя степень разработанности этой темы в трудах конституционалистов и представителей других юридических наук весьма высока, изменение социально-политического контекста возобновляет необходимость ее дальнейшего изучения.

В отдельные исторические периоды проблема обеспечения прав и свобод человека оставалась для нашего государства второстепенной:

напротив, оно старалось подчинить интересы личности, ее права и свободы интересам государства (что соответствующим образом отражалось даже в особенностях их нормативного закрепления: так, в Конституции РСФСР 1937 года раздел о правах и свободах был в числе последних глав – 11 глава). Принятие Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. Декларации прав и свобод человека [1], а затем документа аналогичного содержания – «Декларации прав и свобод человека и гражданина» Верховным Советом РСФСР [2] 22 ноября 1991 г. и провозглашение в Конституции РФ 1993

года прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью многие сочли ознаменованием нового этапа развития страны. Однако распространённые в это время надежды, в чем-то даже граничащие с правовым идеализмом, о постепенном и поступательном воплощении в РФ лучших мировых стандартов в области охраны и защиты прав человека во многом не оправдались.

Так, тревогу российской общественности в контексте возможного умаления продекларированных основным законом страны конституционных прав вызвали два законопроекта: Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [3] и Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [4], названных в публицистике «пакетом Яровой», а также принятый в 2015 году Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [5], который дал «Конституционному суду РФ право признавать невозможным исполнение в России решений международных судов, если они нарушают принцип верховенства российской Конституции» [6].

Общественные дискуссии по вопросам закрепления и реального воплощения в жизнь конституционной концепции прав и свобод человека и гражданина не позволяют говорить о том, что данная тема безразлична российскому социуму. Обоснованность этих дискуссий подтверждается рядом исследований: так, профессор Р.Х. Макуев, анализируя степень эмпирического проявления признаков правового государства в современном российском государстве, отмечает, в числе прочих недостатков, недостаточную надёжность гарантий обеспечения защиты прав и свобод конкретного человека [7, с.11-12]. Таким образом, несмотря на формальное закрепление концепции прав человека в позитивном праве, она во многом является сугубо теоретической конструкцией, к реальному воплощению которой российские граждане относятся скептически.

По нашему мнению, в настоящее время ситуация с соблюдением прав человека в России далека от тех стандартов, на которые можно

было бы рассчитывать, исходя из уровня развития страны.

Среди причин этого положения можно, в первую очередь, указать несовершенный характер целого ряда экономических и политических гарантий прав и свобод человека и гражданина, несмотря на наличие правовых гарантий данного правового института в Основном законе страны. Конституция Российской Федерации, в первой своей главе «Основы конституционного строя» закрепляет, что «...человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства...» [8]. С этой точки зрения, Конституция нашей страны вполне демократична, поскольку целью функционирования всех государственных и общественных институтов и структур, согласно данному документу, является человек, его права и свободы. Можно было бы вполне согласиться с апологетами основного закона нашей страны, считающими Конституцию РФ легитимной основой государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, построенной на демократических принципах, общеобязательных для всех органов государственной власти, если бы не давние дискуссии в среде ученых-конституционалистов о недостатках конституции, включая её фиктивность.

Так, д.ю.н, проф. Е.А. Лукьянова отмечает: «Чрезвычайно ярким примером фиктивности Конституции является практика реализации закрепленных в ней основных прав и свобод граждан в совокупности с системой их гарантий, широко освещенная в юридической литературе» [9]. Ей вторит Е. Лукашева, полагающая, что самые удачные с теоретической точки зрения положения Конституции можно оценить в свете их практического применения как самые уязвимые [9].

Мы также полагаем, что глава вторая Конституции России, именуемая «Права и свободы человека и гражданина» может считаться удачной теоретической конструкцией как благодаря тому, что в ней оказался закреплён принцип неотчуждаемости прав и их принадлежности каждому от рождения (фактически воплощена концепция естественных прав), а не принцип октроированности (т.е. дарованности) прав человеку и гражданину государством или высшим лицом в нем, так и благодаря тому, что естественной составной частью системы внутригосударственного права признаются общепризнанные принципы и нормы международного права в области прав человека, включая положения «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года [10, 16] и других международных документов.

Вместе с тем, считаем, что многие исследователи, говоря об удачности теоретической конструкции, по-видимому, рассматривают этот вопрос с позитивистской позиции, сторонники которой полагают, что существует особая юридическая нормативность, для наличия которой достаточно формулирования некоего правила должного (или возможного – если мы говорим о правах) поведения и существование зафиксированных в НПА способов принудить к исполнению этого предписания. Поэтому, если рассматривать вопрос о фиктивности конституционной концепции с данной позиции, которую можно считать узконормативной, то можно отметить, что права и свободы человека и гражданина как институт конституционного права в виде нормативно закрепленных предписаний, закрепляющих общую и равную для всех меру возможного поведения и свободы, необходимой для удовлетворения потребностей самореализации человека, его существования и развития, – сформулированы, они должны реализовываться, и нарушения этих норм должны влечь юридическую ответственность, поэтому вполне могут считаться реальными, и с узконормативной точки зрения говорить о фиктивности Конституции и ее положений о правах и свободах нельзя.

Однако, говоря о реальности (а не фиктивности) прав и свобод человека и гражданина, следует помнить о тех факторах, условиях и средствах, которые делают эти права и свободы действительными, то есть как раз и обеспечивают реальность их существования, т.е. о совокупности общих и специальных гарантий прав. По верному замечанию Л.Д. Воеводина, понятием «гарантии» охватывается вся совокупность объективных и субъективных факторов, которые направлены на реализацию и защиту прав и свобод, на устранение возможных причин и препятствий их неполного или ненадлежащего осуществления и защиту прав от нарушений [11, с. 37]. Во многом из-за неудовлетворительно состояния идеологических (духовных), экономических (материальных) и ряда иных гарантий этого мы можем говорить о декларативном характере прописанных в Конституции прав, что приводит к проблемам с правореализацией института прав человека, несмотря на прописанные в Конституции РФ юридические (правовые) гарантии.

Не будучи утопистами, мы, безусловно, осознаем, что, создав даже систему общих и специальных гарантий, просто ожидать, когда они себя проявят автоматически, было бы наивно. Жизненные реалии хорошо описаны В.Н. Карташовым, который указывал, что «диалектика развития правовой системы предполагает одновременное функционирование в любом обществе не только юридических ценностей, со-

ставляющих его (общества) правовую культуру, но и существование определенных негативных юридических процессов и состояний (неправды, пробелов в праве, юридического нигилизма, противоправного поведения и других юридических патологий)» [12, с. 101]. Солидаризуясь с позицией данного ученого применительно к правам человека, мы можем отметить, что любой стране мира недостаточно заявить о правовом характере своего государства и закрепить в Основном законе страны совокупность личных, политических, социально-экономических и других прав человека и гражданина и их правовых гарантий. Конституционное провозглашение прав и свобод высшей ценностью в реальной жизни еще не означает их эффективного осуществления: требуется действенный, реально функционирующий механизм их реализации, обеспечения охраны и защиты с позиций гарантий прав личности. Происходящие преобразования в нашем государстве и обществе, связанные с идеями демократизации общества, личной свободы, повышения степени защищенности прав личности должны повлечь за собой создание эффективно функционирующего механизма по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Государство должно создать механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина, включая систему охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также механизм правореализации положений главы второй Конституции РФ. Несмотря на то, что единого понимания упомянутого термина не существует, и разные ученые дают различные семантические трактовки данной дефиниции, мы считаем, что правореализация в социальном устройстве имеет важное значение. В настоящее время права человека и гражданина интенсивно изучаются с самых разных позиций. Однако одной из самых сложных и часто трудноразрешимых во всей проблематике прав человека до сих пор остается проблема их осуществления, т.е. перевода установленных в законодательстве норм-стандартов в реально действующий механизм их применения.

Формулируя определение механизма обеспечения прав и свобод граждан, С.В. Рыбак считает, что это «сложная целостная социальная система, определенным образом организованных правовых средств и действий с целью создания наиболее благоприятных условий для реализации прав и свобод граждан, органически связанная с внешней средой и подразделяющаяся на различные части (элементы), каждая из которых выполняет свои особые задачи по осуществлению общих функций охраны и защиты прав и свобод граждан» [13, с. 14-16].

А.С. Мордовец определяет социально-юридический механизм обеспечения прав человека «как систему международных и национально-государственных средств, правил и процедур, гарантирующих уважение и условия достойного существования личности, соблюдение, охрану и защиту всех ее прав» [14, с. 85]. В структуру данного механизма автор включает: общественные нормы; правомерную деятельность субъектов прав человека и гражданина; гласность; общественное мнение; гарантии (общие, специальные, юридические, организационные); процедуры; ответственность; контроль [14, с. 8].

По всей видимости, справедлива позиция Н.В. Макарейко, который обоснованно определяет механизм (в широком смысле) в качестве комплексного и многоуровневого конструкта, где можно выделить институциональный (субъектный), технологический и инструментальный элементы [15]. Данный ученый описывает уровни (элементы этого механизма следующим образом. Институциональный (субъектный) уровень представляет собой систему субъектов (государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, негосударственных субъектов). Технологический уровень составляют различные виды юридической деятельности, осуществляемой субъектами: правотворческой, правоприменительной (лицензионно-разрешительной, удостоверительной, контрольно-надзорной, юрисдикционной), правоинтерпретационной, правосистематизирующей деятельности. Инструментальный уровень представляет собой набор правовых средств, применяемых субъектами в процессе различных видов юридической деятельности в процессе государственно-правового воздействия, где соединены субъектные, технологические и инструментальные подсистемы [15].

Несмотря на то, что Н.В. Макарейко исследовал вопрос о механизме применительно к другой теме, полагаем, что применение предложенного им конструкта вполне допустимо и в вопросе создания механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Однако, как нам видится, даже идеально отлаженный механизм вряд ли будет эффективно функционировать без высокоразвитого политического и правового сознания российского социума.

Только надлежащие правовые взгляды и убеждения, установки, мотивы и цели поведения самого человека могут сделать этот механизм реально функционирующим, без должных представлений о праве и политике и о тех образцах правомерного поведения, которым надлежит следовать, мы по-прежнему будем говорить о «механизмах», гарантиях и других правовых явлениях и конструктах в области прав человека, но они не будут воплощены в реальность. У

многих практикующих юристов, выработавших свои взгляды под влиянием социологической и исторической школ права, есть концепция, которая представляется весьма спорной и в чем-то неоднозначной: если население не чувствует своих прав, то никакие красивые тексты о правах и свободах не имеют существенного значения [17]. Не будучи полностью согласны с этой концепцией, мы не можем не отметить наличия рационального зерна в таких рассуждениях. Однако мы решительно отвергаем позицию, согласно которой «все эти игры в права и свободы, законы и суды - до поры до времени, до момента новых кардинальных потрясений. Прививка в виде правовой культуры способна только расшатать российский социальный уклад и социокультура под воздействием чужеродных вирусов либо погибнет (и тексты тоже будут обречены вместе с практикой), либо уклад (социокультура) начнет активно и мощно защищаться из последних сил и начнет резко отторгать не свойственные ей вирусы. А концепция прав и свобод человека, разделения властей... не свойственны господствующей русской социокультуре в том виде и так, как они сформулированы в Конституции. Соответственно, будет приниматься новая Конституция, значительно более соответствующая русской социокультуре» [16]. Напротив, мы полагаем, что никаких принципиальных противоречий с цивилизационной матрицей народов, населяющих территорию нашей страны, во второй главе Конституции РФ не содержится, социум вполне воспитаем при должных целенаправленных усилиях со стороны государства и гражданского общества. Отказываться же от конституционной концепции не стоит, но следует сосредоточить усилия не только в направлении конструирования и оптимального воплощения в жизнь механизма обеспечения прав и свобод (хотя это тоже очень важное направление работы), но, прежде всего, в области повышения уровня правосознания и правовой культуры до профессионального уровня, постепенно изменяя политическую и правовую психологию, непосредственно определяющую поведение людей. Полагаем, что здесь вполне могли бы помочь концептуальные наработки ученых, в том числе и социологов, и юристов-практиков.

В этой связи, как представляется, можно констатировать, что дальнейшее изучение концепции прав и свобод и механизмов ее реализации в нашей стране должно быть продолжено, мы вынуждены говорить о том, что и в настоящее время наша страна значительно отстает от воплощения в жизнь данной концепции на уровне лучших европейских образцов. Вместе с тем, по верной мысли Р.Х. Макуева, надежная защита государством прав и свобод конкретного человека, должна осуществляться не в ущерб конститу-

ционным основам национальной безопасности общества [7, с.11-12]. Таким образом, в условиях современных реалий, в период обострения международно-политической обстановки необходимо найти и обеспечить точный баланс между соблюдением прав и свобод РФ, сохранением государственных гарантий защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина и принятием НПА, гарантирующих защиту государственного строя РФ и национальную безопасность, но не умаляющих систему конституционно закрепленных и гарантированных основным законом прав и свобод человека и гражданина. Это весьма непростая задача, поскольку соблазн свертывания системы прав и свобод и её гарантий, уже сложившейся в нашем государстве, хотя и весьма несовершенной, может оказаться велик. Однако уже пройденный нашим государством путь в области закрепления и практической реализации конституционной концепции прав и свобод человека и гражданина не может рассматриваться как ошибочный и должен стать магистральным направлением развития нашей страны.

Библиографический список

1. Декларация прав и свобод человека // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. Ст. 1083.
2. Постановление Верховного Совета РФ от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
3. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.07.2016
4. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.07.2016
5. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.12.2015
6. Вердикты КС РФ получили приоритет над решениями ЕСПЧ [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/12/15/pravo-anons.html> (дата обращения: 14.09.2016)
7. Макуев Р.Х. Теоретический анализ признаков правового государства и перспектив его построения в Российской Федерации // Современное общество и право. 2016. № 3 (24). С. 11-12.
8. Конституция Российской Федерации 1993 года. Ст. 2. // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.
9. Лукьянова Е.А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://cmza.ru/stati/nekotoryie-problemyi-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii.html> (дата обращения: 14.09.2016)
10. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. М.: Международные отношения, 1989. С. 178.
11. Юридический статус человека и гражданина в России: Учебное пособие / Под ред. Л.Д. Воеводина. М., 1997. С. 37.
12. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие: В 2 т. Ярославль, 2006. Т. 2. С. 101.
13. Рыбак С.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения прав и свобод гражданина. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград. 1999. С. 14-16.
14. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 85.
15. Макарейко Н.В. Механизм правового обеспечения экономической безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. Выпуск № 1 (8) Научная библиотека КиберЛенинка: [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pravovogo-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti#ixzz4M1qV21Sj> (дата обращения: 14.09.2016).
16. Иванцов С.В. Источники первичного права Европейского союза // Образование. Наука. Научные кадры. 2014 №3 С.84-87.
17. Фиктивные положения во 2 главе Конституции [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=290657> (дата обращения: 14.09.2016).

УДК 34 ББК 67

Ensure the security of victims and witnesses is an important condition for improving solved crimes

Реальное обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей – важное условие повышения раскрываемости преступлений

Vadim Nikolaevich Makhov,

doctor of legal sciences, Professor, honoured lawyer of Russian Federation, Professor of criminal law, criminal procedure and Criminalistics institute of juridical Institute (RUDN)

E-mail: ugovnoe_pravo@list.ru

Вадим Николаевич, Махов,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, Заслуженный юрист РФ

Annotation. In an article in order to improve the detection of crimes justified the adoption of measures to prevent the possibility of threats to the victim, prosecution witnesses. In particular, it is proposed to withdraw from the CCP rule on the direction of the accused, together with the indictment help with information about the place of residence of the victim and witnesses.

Keywords: uncovering crimes, victims, witnesses, security, death threats, the use of violence. Ensure the security of victims and witnesses is an important condition for improving the detection of crimes

Аннотация. В статье в целях повышения раскрываемости преступлений обосновывается необходимость принятия мер, предупреждающих возможность угроз потерпевшему, свидетелям обвинения. В частности, предлагается изъять из УПК РФ норму о направлении обвиняемому вместе с обвинительным заключением справку с данными о месте жительства потерпевшего и свидетелей обвинения.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, потерпевший, свидетели обвинения, обеспечение безопасности, угрозы убийством, применение насилия

Большинство следователей и дознавателей работают в низовых подразделениях органов расследования, т.е. в районных, городских отделах. Расследуют они, как правило, уголовные дела о раскрытых преступлениях, т.е. по которым установлено лицо, совершившее преступление, признавшее полностью или частично свою вину. Обычно - это дела, совершенные в условиях очевидности и не представляющие большой общественной опасности. Но и работа по таким делам требует много времени. У следователей не остается времени, чтобы взяться за расследование преступлений, требующих раскрытия; это трудоемкие дела, требующие не только большого времени, отвлечения от расследования уголовных дел с «лицом», но и умения, творческого подхода, эффективной помощи сотрудников органов дознания, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность. Приведенные условия действуют слабо, потому дела о нераскрытых преступлениях в подавляющем большинстве через несколько месяцев после возбуждения уголовного дела приостанавливаются за неустановлением лица, совершившего преступление; по истечении срока давности прекращаются вопреки ч.3 ст.78 УК РФ, запрещающей прекращение уголовного дела по указанному основанию, если не установлено лицо, совершившее преступление. Несмотря на такое

«ослабление» к концу 2014 года в органах расследования МВД РФ осталось нераскрытыми 10 163 075 тыс. преступлений прошлых лет, из них в 2014 году раскрыто только 54,1 тыс.; это меньше, чем в предыдущем году. Понимая, что противодействие лицам, совершившим преступления, крайне слабо; они, оставаясь на свободе, совершают новые, порой более тяжкие преступления. В основном, по этой причине рост преступности отмечен в 2014 и в 2015 годах.

Приостанавливаются, а затем и прекращаются уголовные дела, как правило, в отношении наиболее опасных для общества преступников, тех, кто оказывает намеренно, порой при помощи родственников и своих сообщников противодействие органам предварительного расследования. Одним из основных способов такого противодействия является выявление данных о потерпевших, свидетелях обвинения, а затем «обработка» их путем подкупа, а чаще путем угроз жизни, здоровью с тем, чтобы они отказались давать показания, которые изобличают их (лиц, совершивших преступления). Если подкуп, угрозы не действуют, известны случаи (а еще больше остаются неустановленными), когда потерпевших, свидетелей обвинения убивают. Случаев угроз, расправ с потерпевшими и свидетелями станет меньше, если значительно улучшить работу по раскрытию преступлений.

Одним из важных условий, способствующих раскрытию преступлений, является новая концепция обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей. В настоящее время меры по обеспечению безопасности начинают приниматься только при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противозаконными действиями (ч.3 ст.11 УПК РФ).

Опыт работы правоохранительных органов зарубежных государств, в частности США, свидетельствует о том, что меры по обеспечению безопасности потерпевших (жертв преступлений) и других свидетелей обвинения нужно принимать раньше поступления угроз; нужны меры, предупреждающие появление таких угроз. В частности, такой концепцией объясняется то, что в уголовном процессе зарубежных стран отсутствует институт потерпевшего. Потерпевший не является участником уголовного процесса; он – главный свидетель обвинения, сведения о котором строго хранятся в тайне от обвиняемого и его защитника.

В США свидетеля обвинения, в основном, в целях обеспечения его безопасности и возможности дать им правдивые показания до судебного разбирательства уголовного дела суд вправе подвергнуть такого свидетеля аресту сроком до одного месяца. Такой арест отнюдь не способ давления на свидетеля, чтобы заставить его дать угодные обвинению показания, а вынужденный способ защиты основного свидетеля обвинения. Очевидно, что условия изоляции такого свидетеля значительно комфортнее, нежели подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей.

Автор данной статьи изучил ряд уголовных дел о нераскрытых преступлениях, находящихся в производстве следователей. И хотя эти дела еще не были приостановлены, работа по ним уже не велась. По сути, они были раскрыты, но свидетели обвинения отказались давать показания против участников преступных группировок. Лица, подозреваемые в совершении тяжких преступления, не без оснований полагали, что органы предварительного расследования не сумеют обеспечить их безопасность.

Пример: В Москве ночью на пустыре членами организованной преступной группировки был убит предприниматель Алешин. Он возвращался на такси домой из аэропорта. Таксист обнаружил, что его преследуют на другом такси. Преследователи вынудили Алешина выйти из машины и потребовали крупную сумму денег, которую, как они установили по своим каналам, должен везти он с напарником. Но деньги днем раньше намеченного срока (в целях безопасности) увез напарник Алешина. За участие в срыве

операции и был убит Алешин. Быстро прибыли оперативники; им удалось установить таксиста, который вез Алешина, а через него и таксиста, который по требованию преступников осуществлял преследование. Последний, полагая, что его сочтут сообщником убийства, рассказал оперативникам о преследовании, обстоятельствах убийства и указал адрес дома, к которому отвез участников убийства. Они были опознаны таксистом и задержаны. Но для их ареста не было достаточных доказательств, в частности, потому, что оба таксиста отказались от своих показаний, заявив, что согласны отбыть наказание за отказ от дачи показаний, нежели быть убитыми. Оперативники установили, что убийцы – члены организованной преступной группировки, а за истечением срока нахождения дела в органе дознания передали дело по подследственности следователю в одну из райпрокуратур г.Москвы. Случилось все это в 90-х годах прошлого столетия. Конечно же, такое уголовное дело о тяжком преступлении не по силам было довести до суда даже опытному следователю районного звена. Для раскрытия подобных преступлений нужны следственно-оперативные группы, в которых еще до поступления угроз должна повседневно вестись работа по обеспечению безопасности свидетелей обвинения.

В связи с изложенным обращаем внимание на безразличное отношение к обеспечению безопасности потерпевших и свидетелей обвинения, которые содержатся в отдельных нормах УПК РФ.

Отдавая должное достоинствам содержанию части 9 ст.166 УПК РФ, обратим внимание на то, что в ч.4 ст.220 УПК РФ записано: «к обвинительному заключению прилагается список лиц со стороны обвинения и защиты с указанием их места жительства (или) места нахождения».

К обвинительному заключению прилагается также справка, в которой, согласно ч.5 ст.220 УПК РФ, в частности, указывается, и принятие при необходимости мер по обеспечению прав потерпевшего.

В ч.2 ст.222 УПК РФ прямо записано, что после подписания прокурором обвинительного заключения копия его с приложениями вручается обвиняемому. Содержащиеся в приложениях сведения о потерпевшем, свидетелях обвинения вручаются обвиняемому также вместе с обвинительным актом (п.9 ч.1 ст.225 УПК РФ) и обвинительным постановлением (ч.10 ст.226-7 УПК РФ).

Возникает вопрос: зачем обвиняемому представляются сведения о месте жительства потерпевшего, свидетелей обвинения, о мерах по обеспечению прав потерпевшего. Непредставление этих сведений обвиняемому не нарушает его права на защиту. Потерпевший и свидетель

являются незаменимыми участниками уголовного судопроизводства, обеспечивающие процесс доказывания; они не подлежат отводу. По нашему мнению, приведенные нормы УПК РФ нарушают право потерпевшего и свидетелей обвинения на неприкосновенность личной жизни. Согласно ч.1 ст.23 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Предоставление стороной обвинения обвиняемому указанных выше сведений о личной жизни потерпевших и свидетелей провоцирует обвиняемого, его родственников, близких лиц на противозаконные действия в отношении потерпевших и свидетелей, о которых сказано в ч.3 ст.11 УПК РФ.

Обвиняемым, прежде всего тем, которые не признают вину в совершенном преступлении, «грозит» длительный срок лишения свободы; они невольно приходят к мысли использовать сведения о потерпевшем и свидетелях обвинения в целях «развала» в суде доказательств обвинения путем подкупа или же угрожая убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества. Известны случаи, когда угрозы эти были реализованы, поскольку реальных средств обеспечения безопасности было принято недостаточно или же когда эти средства не применялись.

Сведения о месте жительства потерпевших и свидетелей нужны не обвиняемому, а суду в целях обеспечения вызова указанных лиц для участия в судебном разбирательстве уголовного дела. Поэтому справка о списке лиц, подлежащих вызову в суд, должна направляться в суд вместе с уголовным делом. Соответствующие изменения предлагается внести в ч.2 ст.226, п.9 ч.1 ст.225, ч.9 ст.226-7 УПК РФ.

Но данные о месте жительства (нахождении) потерпевшего, свидетелей обвиняемый может узнать раньше, при ознакомлении с материалами уголовного дела после окончания предварительного расследования. Среди образцов процессуальных документов, которые ныне утратили силу закона, но используются на практике следователями, дознавателями, есть образцы протокола допроса потерпевшего (приложение 13,24), протокола допроса свидетеля (приложение 26). В указанные протоколы подлежат занесению данные о дате рождения, месте рождения, месте жительства и (или) регистрации, образовании,

семейном положении, составе семьи, месте работы или учебы, телефон, наличие судимости. Эти данные важны для следователя, дознавателя, прокурора, суда, в частности, для вызова на допрос, производства других следственных действий. Но столь подробные сведения о личности потерпевшего, свидетеля должны быть недоступными для обвиняемого. В противном случае нарушается конституционное право потерпевшего, свидетеля на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей жизни и доброго имени.

С учетом изложенного предлагается внести в Закон о защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (Федеральный закон от 20.08.2004. №119-ФЗ) дополнения, запрещающие следователю, дознавателю указывать в протоколах допросов и в других процессуальных документах сведения о личности потерпевшего, свидетелей обвинения, нарушающие право указанных лиц на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей жизни и доброго имени. Соответствующие нормы нужно внести и в статьи УПК РФ, в которых определен статус потерпевшего, свидетеля, иных участников уголовного судопроизводства.

Предлагаемый порядок сохранения в тайне при производстве по уголовному делу сведений о личной жизни потерпевшего, свидетелей представляется более щадящим по отношению к обвиняемому, нежели лишение обвиняемого права на ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. В уголовном процессе Франции, Германии, многих других стран с уголовным делом знакомится не обвиняемый, а его защитник. В уголовном процессе США, Англии результаты полицейского дознания не представляются для ознакомления обвиняемому. К тому же жертвы преступления, как и другие свидетели, не допрашиваются в полиции. Перед судебным разбирательством сторона обвинения и сторона защиты обмениваются документами, в том числе и о доказательствах в той мере, в какой они сочтут целесообразным. К тому же обмен документами производится с участием защитника обвиняемого, а не самого обвиняемого.

Приведенные сведения о потерпевшем и свидетелях обвинения предлагается направлять в суд в опечатанном пакете в качестве приложения к уголовному делу.

УДК 34 ББК 67

Criminal penalties: the evolution of morality

Уголовное наказание: эволюция нравственности

Nikita Aleksandrovich Kolokolov,
the judge of the Supreme Court of the Russian Federation (in resignation), doctor of jurisprudence

Никита Александрович Колоколов,
судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор
юридических наук

Annotation. Historically analyzed the basic Christian concept of punishment, «the soul - is suffering, the body - suffers»

Keywords: morals, law, punishment, punishment, death penalty, imprisonment, fines

Аннотация: В исторической ретроспективе анализируется базовый христианский концепт наказания: «душа - страдает, тело – терпит»

Ключевые слова: мораль, нравственность, право, кара, наказание, смертная казнь, лишение свободы, штраф

Как наказать виновного за преступление, наказать справедливо, нравственно? Несмотря на то, что данный вопрос стар, как мир, четкого ответа на него до сих пор не найдено. Решая вопрос о наказании, общество, в первую очередь, думает о каре, а то и об элементарной расправе. Расправа – всегда вне права, в ее основе не разум, а страсть (чувства). С карой - проще: общественно уверено: потерпевший страдал, пусть теперь страдает преступник. Однако, кара это только составная часть наказания, подвергая виновного государственной репрессии в форме совокупности, страданий и переживаний, общество преследует и многие иные цели. Что это за цели, насколько они реальны, четкого ответа в науке тоже пока нет. Что же тогда остается? Нравственность!

Европа нашей эры: эволюция нравственности наказания

Период раннего христианства. Господствующая идеология основана на четком разделении души и тела. Преступление – априори грех! Почему созданный самим БОГОМ человек согрешил? Ответ прост и однозначен: в него вселился дьявол! Супротив темных сил люди бессильны. Приговор: чтобы спасти душу, тело грешника следует уничтожить, желателен сжечь...

Темные и Средние века. Во всем виновата человеческая плоть, в первую очередь она подталкивает раба божьего на безнравственные поступки. Физическая боль, причиняемая телу, – вот радикальное средство ото всех человеческих болезней: виды наказания становятся все сложнее, изощреннее, ибо умервщляя тело, мы освобождаем душу. Опасаясь, что душа во время не успеет покинуть тело – спастись, судьи в серьез обсуждают момент прекращения истязания...

Новое время (начальный период). Преступник - неисправим, лучшее средство борьбы с ним высылка в дальние колонии (Сибирь, Австралию).

Новое (второй этап) и новейшее время. Преступник может быть исправлен и перевоспитан: радикальное средство – трудотерапия, она даже обезьяну превращает в человека.

Советский период. У власти в России «люди труда». Приняв на вооружение, разработанное капиталистами учения о массовом ограничении потребностей, дисциплине и трудотерапии, они поспешили «железной рукой» загнать всех «несознательных» в «светлое будущее». Насилие - повивальная бабка исто-

рии, ликвидация даже целых классов населения гарантирует наступление рая на земле (коммунизма), жителям которого грех (преступность) будет априори неведом. Все, права не нужно, хватит морали и нравственности.

Текущий период. 17 февраля 2016 года Папа римский, выступая в Мексике, констатировал: «Мы потеряли несколько десятилетий в надежде, что удастся спрятаться за тюремными стенами». Как видим, современное общество о нравственности наказания «уже не бредит», оно – «страус, прячущий голову в песок».

Беспомощное государство

Прерогативы современного государства в посткриминальной ситуации, когда преступление совершено, права потерпевших попраны, весьма скромны. Оно может виновного:

- «уничтожить» - казнить;
- «пленить» - лишить на время, пусть даже пожизненно свободы;
- «наказать рублем» - приговорить к штрафу в пользу казны;
- «заставить работать».

Смертная казнь - уничтожение тела, а не духа

С некоторых пор от уничтожения преступников в более или менее значимых объемах, чтобы это могло заметно сказаться на уровне преступности, общество отказалось. Свое мнение относительно смертной казни я высказал сразу после того как Президент РФ Б.Н. Ельцин помиловал осужденного мною к расстрелу Ильинова. Суть позиции: мало опасных преступников, есть деньги на то, чтобы «возиться» с неисправимыми, достаточно и пожизненного заключения. Много опасных преступников, нет средств на их «гуманную утилизацию» - альтернативы смертной казни нет.

Расправа

Смертная казнь, точнее расправа с телом, может существовать и в скрытых формах. Опасных преступников можно уничтожить в момент задержания, криминологии известны также: 1) «эскадроны смерти»; 2) поручение «хорошим преступникам» умервщления «плохих преступников». Есть ученые, который такие радикальные методы борьбы с отдельными преступниками безнравственными не считают.

Дух – бессмертен! Люди уничтожены, пепел их развеян, а память о них у народов жива! Многие из казненных получают ореол мучеников, а то и героев, их имена канонизируют!

Жалея убийцу, мы не жалеем будущих жертв

Осенью 1996 года мне довелось рассматривать уголовное дело в отношении М., дважды, в 1955 и 1965 годах, осуждавшегося к высшей мере наказания. И оба раза, так тогда было принято писать, «В.М.Н.» ему заменялась на «максимум» по статье умышленное убийство (второй раз с учетом неоднократности). Итог – 25 лет лишения свободы в местах лишения свободы и очередная жертва. Очевидно, что расстрел в М. в 1955 году спас был потерпевших в 1965 и 1996 годах.

Будущее смертной казни

В наши дни рассуждения о возобновлении применения такого вида наказания, как смертная казнь, – демагогия. Я всегда спрашиваю сторонников этой идеи: «Сколько человек в год предлагаете расстреливать?» Если учесть, что к пожизненному лишению свободы ежегодно приговаривается менее 100 человек – экзотика, то речь может идти, максимум, о казни 10-15 человек в год. Любой криминолог скажет: преступность этого «булавочного укола» не заметит.

Слышаться голоса, в некоторых цивилизованных, демократических странах традиционно наиболее опасных, одиозных преступников казнят. Называют, например, Японию (по численности населения она соизмерима с Россией). Да, смертная казнь в этой стране применяется. Но только в отношении одного-двух осужденных, да и то, не каждый год. Насколько это разумно, судить читателю.

Лишение свободы: долго терзаем тело, закаляем душу

Осужденные к лишению свободы на определенный срок, рано или поздно, колонию покинут, треть из них вновь совершит преступления, в том числе, убийства. Не будем забывать: карьеру делают не только на свободе, но и в тюрьме. Тюремное население и, скажем так, «большое общество» – суть сообщающиеся сосуды.

Две трети отбывших наказание рецидива избегают, выберут иной жизненный путь, будут среди них о помудревшие. Тюрма – университет для многих.

Штраф: бедному не страшен

Конфуцию приписывают слова: в темной комнате нельзя найти черную кошку, если ее там нет. Штраф, не обеспеченный активами осужденного, – величина, стремящаяся к «0», обсуждать перспективы его взыскания бессмысленно.

Принудительный труд

Может быть: заставить преступников работать? Авторы данной доисторической идеи забыли курс истории за 5-тый класс: рабский труд непроизводителен. Современная элита в обществе сравнительного изобилия не в состоянии обеспечить рабочими местами свободных и добровольно желающих трудиться.

Без права на личную жизнь

Суждения, вынесенные в заголовок, вызрели в моем сознании, когда светская жизнь в очередной раз заставила Конституционный Суд РФ взглянуть на наш, по сути все еще советский УИК РФ через призму Основного Закона России. С одной стороны, Конституция РФ декларирует:

- «семья находится под защитой государства (ч. 1 ст. 38)»;
- право на создание семьи, воспитание детей относится к основным правам и свободам человека, которые квалифицированы как неотчуждаемые (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ).

Поскольку право на семью, детей их воспитание – априори неотчуждаемое, то оно, естественно, не может быть отменено, ограничено, тем более, без особой на то государственной необходимости, отраслевым законом.

С другой стороны, ст. 125-127 УИК РФ в лучших традициях мрачного средневековья фактически содержат запрет на сексуальную, то есть личную, жизнь осужденным к пожизненному лишению свободы в течение, по крайней мере, первых 10 лет отбывания наказания.

15 мая 2008 года Королев был осужден к пожизненному лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. 9 сентября 2009 года органом записи актов гражданского состояния по месту нахождения исправительного учреждения был зарегистрирован его брак с Королевой.

Желая завести ребенка, супруги весной 2014 года обратились в УФСИН по Ямало-Ненецкому автономному округу с просьбой о предоставлении им длительных свиданий, в чем молодоженам было отказано со ссылкой на УИК РФ.

Тогда Королевы попросили УФСИН оказать им содействие в организации зачатия ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (искусственная инсеминация, экстракорпоральное оплодотворение), в чем им также было отказано, на этот раз, по техническим причинам.

Конституционный Суд РФ, сославшись на то, что разбирательство по заявлениям супругов Королевых в системе общей юрисдикции не завершено, признал их жалобу неприемлемой (Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Королева Н.В. и Королевой В.В. на нарушение их конституционных прав п. «б» ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ от 10 февраля 2016 года № 120-О).

Сравнительно недавно (2015 год) Россия уже проиграла в Европейском Суде по правам человека дело «Khoroshenko vs. Russia». Наша страна обязана выплатить заявителю 6.000 евро – компенсацию морального вреда только за то, что, декларируя неотчуждаемость права на личную жизнь, не сумела определить формат, в рамках которого, осужденный сможет данное право реализовать.

Что это? Элементарное юридико-техническое несовершенство регламента или уверенность законодателя в том, что лишение свободы, пусть и неофициально, должно дополняться поражением, как в политических (например, избирательных) правах, так и в некоторых личных, в нашем случае сексуальных правах?

Message законодателю, который читается между строк Определения Конституционного Суда РФ: решение суда Европейского пора расценить как намек на то, что гуманизация общественных отношений должна коснуться и режима содержания осужденных к пожизненному лишению свободы, по крайней мере, в части некоторых из неотчуждаемых прав.

Рабы в Древнем мире – юридически вещи: имели право на сексуальную жизнь. Данное право признается за животными, содержащимися в неволе, в том числе и зоопарках.

Широко известно выражение: «Век свободы не видать». Применительно к анализируемому примеры можно сказать: «Век секса не видать», если мягче, то «Десять лет без права на секс».

В тюрьме должно быть плохо?

Лишение свободы – вид наказания, пришедший к нам из Древнего мира. Свое развитие он получил в Темные и Средние века. В те далекие годы это было телесное наказание. Вспомним, тесные клетки в подвалах замка Людовика XI, в которых заточенный был лишен возможности распрямиться. Лишение свободы, в первую очередь, преследовало цель физического воздействия на осужденных. Лишение свободы – телесное наказание. Авторы санкции рассчитывали: сломить волю, истязая тело. Во времена Сталина заключенных всегда плохо кормили. Голод – тоже эффективная форма физического воздействия на тело человека и, в конечном итоге, его волю, ибо голодный человек, как правило, трансформируется в животное: даже каннибализм уже не табу.

«В тюрьме осужденным должно быть не плохо, а очень плохо!» – лозунг тоже не новый. То, что в тюрьме плохо – это бесспорно. Дебатируется только вопрос: насколько плохо должно быть телу человеку в местах лишения свободы. Согласно УИК РФ для осужденных к пожизненному лишению свободы: обязательная ежедневная прогулка – полтора часа, если хорошо себя ведешь, то гуляешь целых два часа. Действительно, где пределы разумности этих, по существу бытовых, ограничений размером в 30 минут?

Как с этим соотносятся пределы «поражения» в гражданских и личных правах, например, в избирательных, сексуальных?

Ответить эти вопросы невозможно без анализа таких категорий, как «тело» и «душа». Эти категории уже более двух тысяч лет – важнейшие составляющие риторики, используемой европейской цивилизацией. Столетие российского безбожия, прошедшее под лозунгами воинствующего атеизма, привело к трансформации этих элементарных понятий (до 1917 года известных всем неграмотным крестьянам) в чисто физическую величину, которой и пожертвовать не грех.

«Тело» и «душа», что это?

С телом проще, это – элементарная биологическая машина, в основе которой пищеварительный тракт. Чтобы жить, машина должна уметь сама себя кормить. Чувство голода – это то, что регулярно преследует человека. Второе глобальное чувство известное человеку – это жажда размножения.

Все еще на уровне чистой биологии принято констатировать – человек существо социальное, следовательно, оно обречено на битву за место в стае, обществе, государстве, в мире. Объединение этих чувств, в той или иной конфигурации, дает нам чувство самосохранения, которое характерно, как для отдельных особей, так и их коллективных образований.

Перечисленные чувства помогают человеку в отдельности и человечеству в целом выжить, однако они могут стать причиной саморазрушения, как человека в отдельности, так и разных социальных образований.

Что такое душа? Наука для объяснения данного понятия точной формулировки все еще не нашла, отнесла душу к категории феноменов, то есть явлений, бесспорно существующих, но до конца не познанных.

Душа это – совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека, его внутренний психический мир. Правда, И. Манделштам по этому поводу сказал, что «духовное доступно взорам, и очертания живут».

Тело и душа в законах о наказании

Нам не ведомо насколько авторы норм, регламентирующих современное **наказательное (карательное, репрессивное) право** (УК РФ, КоАП РФ), используют категории из медицины, психологии, социологии и идеологии. Пусть «мы имеем дело с некоторым роem, а не строem» (А. Белый), однако анализ ряда положений названных Кодексов свидетельствует, что данные категории их создателями задействованы для того, чтобы объяснить, что такое:

- **физическое лицо**, ст. 19-23 УК РФ, в которых речь идет о теле живого человека, достигшего определенного возраста, наделенного стандартным для конкретного общества сознанием, то есть, душой;
- **вина** (5, 24-28 УК РФ, 2.2. КоАП РФ), сознательное и бессознательное в поведении человека при совершении им (его телом) определенных действий, исправление осужденного;
- **справедливость** (ст. 6 УК РФ), восстановление социальной справедливости – не только сознательное, но и чувственное отношение окружающих к совершению конкретным лицом противоправных действий;
- **физические страдания** (ч. 2 ст. 7 УК РФ), защиту от которых декларирует общество в лице государства, фактически речь идет о неприкосновенности тела преступника;
- **унижение человеческого достоинства** (ч. 2 ст. 7 УК РФ) – пределы вмешательства во внутренний мир человека.

Как видим, тело преступника неприкосновенно, унижать его честь, достоинство тюремщик не вправе, ибо это безнравственно. Что же тогда нравственно? Буквальное толкование УК, УПК и УИК РФ + прочего законодательства, регламентирующего порядок назначения и отбывания наказания, позволяет сделать вывод о том, что нравственны: сама идея справедливого наказания, а также режим отбывания этого наказания.

Обществу нужен социальный мир

Нравственно не только наказание, нравственно и примирение: жертвы и преступника Кто должен мирить стороны? Следователь – не должен! Прокурор – не должен, да и не допущен! Результат: суд – апофеоз конфликта! Все: «мосты сожжены», после суда потерпевший и осужденный враги на годы! Консервация конфликта. Чего ждем: «пока ишак сдохнет или шах помрет!»

С перемещением тела за тюремные стены мы еще справляемся, а как с душой? Вот и получается, что «тюрьме тоже люди живут» (В. Войнович).

Нравственно преступление без наказания

Если преступление нетяжкое, то и наказание априори не может быть суровым. С учетом того что выбор у судов невелик, наказание может быть: либо лишение свободы, либо условное. Если честно, то последнее означает, что виновный вообще не будет наказан. Ежегодно в стране регистрируется до 30 млн. заявлений о преступлениях,

уголовных дел возбуждается на порядок меньше, только каждое третье из них добирается до суда. Треть от этой трети людей наказываются реально. На текущий момент около 300 тыс. человек в год. В среднем в местах лишения свободы заключенные пребывают три года, следовательно, величина тюремного контингента составляет где-то 900 тыс. После амнистий число сидельцев сокращается, в межамнистийный период восстанавливается.

Таким образом, мы незаметно для себя приблизились к европейскому стандарту, согласно которому в тюрьме содержатся только те, кого оставлять не свободе нельзя по причине их явной социальной опасности.

Как следует относиться к подобной социальной реальности? Некоторые утверждают, что это ужасно, без должной реакции со стороны государства остаются многие правонарушители, терзающие окружающих. Яркий тому пример недавнее убийство восьми человек (шести детей, жены и матери), совершенное О. Беловым в Нижнем Новгороде.

Считается, что причина трагедии – нежелание полиции реагировать на заявления потерпевшей о поступавших в ее адрес угрозах. Безусловно, случившееся в Нижнем Новгороде, – явление ужасное, однако винить в этом только полицию – равнозначно поиску стрелочника. Виновато общество в целом, по крайней мере, многие из его институтов. Мы смирились с тем, что с нами соседствуют изгой: бомжи, бичи, просто пьяницы и перманентные безработные. Процент таких лиц довольно велик, а ведь именно данный контингент – основной поставщик показателей в криминальной статистике. К этому следует добавить, что многие из маргиналов психически не совсем здоровы. Что в таких условиях может сделать полицейский? Максимум, возбудить уголовное дело в отношении лица, высказывающего угрозы в отношении членов семьи. Судьба этого дела в девяти случаях из десяти – прекращение. Супруги скоро помирятся, как это неоднократно было в семье О. Белова. Даже если дело об угрозе убийством (ст. 119 УК РФ) и дойдет до суда, по нему будет вынесен обвинительный приговор, все равно виновный практически гарантированно останется без наказания. Скажем больше: не за гипотетическую угрозу убийством, а за реальное лишение жизни по неосторожности наказание по закону не может превышать двух лет лишения свободы (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Нельзя путать судьбу конкретных людей со статистикой, а именно большие цифры предопределяет формирование уголовной и уголовно-процессуальной политики. Принято решение – «на корзину» не работать, сосредоточиться только на тех значимых делах, по которым намечается успех. Кроме того, наличие ст. 119 УК РФ (угроза убийством) в числе дел публичного обвинения полицией зачастую использовалось для улучшения статистики. Граждане подрались, помирились, а прекратить дело по заявлению сторон нельзя, ст. 119 УК РФ держит,

производство идет в суд, который, в конечном счете, дело прекращает, но палочка в отчете у полицейского сохраняется. Молодец, выявил уголовное проявление. В случае чего (освобожденный от ответственности убьет кого-то), виноват судья.

Зрелищность наказания

Хлеба и зрелищ – лозунг известный с древнейших времен. Одним из обязательных качеств наказания общество во все времена почитало – зрелищность. Чувство (вспомним чувство голода) социальной справедливости восполнялось наглядностью изобличения виновного (признался под пыткой) и его наказания. Общество обычно удовлетворяет голод справедливости, наблюдая, как страдает, по крайней мере, тело осужденного. Зачастую наказание превращается в фарс, например, манипуляции (по другому не назовешь) по делу Васильевой...

Основные научно-практические выводы

В противостоянии с преступностью общество обаяно уповать не на некое мифическое совершенство уголовного закона, оперативное следствие, скорый суд, да эффективный пенитенциарный аппарат, а на реальные достижения в тех сферах управления, которые способствуют нравственному и экономическому развитию общества.

Судебная практика с легкостью сносит любые искусственные нагромождения, чинимые на пути уголовных дел недалевидным законодателем.

Безусловно, нравственно только то наказание, которое нравственным расценят и наши потомки.

List of references

1. Kolokolov N. A. Ugolovnaya's bells of a half-tic: mysterious evidence. M.: Yurlitinform, 2014. – 208 pages.
2. Kolokolov N. A. Capital punishment by the judge's eyes// Russian justice. 1998. No. 7. Page 26-27.
3. Kolokolov N. A. bells to imprisonment - in absentia// Lawyer. 2000. No. 1. Page 49.
4. Kolokolov N. A. Criminal sanction: the main thing – is correct to determine criteria of feasibility, legality, justification and justice//the Lawyer. 2004. No. 3. Page 58-62.
5. Kolokolov N. A. Corrective (forced) works: criteria of efficiency//Magistrate judge. 2005. No. 2. Page 21-24.
6. Kolokolov N. A. Rehabilitation of members of the Russian imperial house in a judgment prism//the Russian judge. 2009. No. 9. Page 8-11.
7. Kolokolov N. A. Opravdaniye Very Zasluch's bells: Mistake or regularity? Two eras, two looks!//Person and law. 2010. No. 7. Page 108-117.
8. Kolokolov N. A. «Case of the lieutenant Schmidt»: new official legal evaluation//History of state and law. 2013. No. 23. Page 32-36.

УДК 34 ББК 67

Development medical care in the prison system Russia (end of xviii-early xx centure)

Развитие медицинской помощи в пенитенциарной системе России (конец XVII-начало XX века)

Larisa Fjodorovna Pertli,
PhD, associate professor, head of
department of the Research Institute FSIN Russia

E-mail: larisa.pertli@mail.ru

Nodari Darchoevich Eriashvili,
candidate of historical Sciences,
PhD, doctor of economic Sciences,
Professor,

Boris Aristarkhovich Spasennikov,
doctor of medicine, doctor of law, professor,
chief researcher of the Russian research
Institute FSIN

E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Лариса Федоровна Пертли,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела НИИ ФСИН России

Нодари Дарчоевич Эриашвили,
кандидат юридических наук, кандидат
исторических наук,

Борис Аристархович Спасенников,
доктор медицинских наук, доктор юридических
наук, профессор, главный научный сотрудник
НИИ ФСИН России

Annotation. The article deals with the development of prison health care in Russia. The first mention of the treatment of criminals found in 1775. In 1788 adopted the Regulations of the prisons. The document draws on the experience of prison systems of European countries. Since 1819 medical care organization was the responsibility of the Ministry of Internal Affairs. It created the conditions for the organization of medical care in the prison system. Legal regulations of medical care to prisoners accepted in 1831. In 1850, died 1598 of 980,000 criminals in prisons. This amounted to 0.16%. In 1879, in the Directorate General for Prisons Inspector has appeared on the medical unit. He coordinated the provision of health care to prisoners and developed hygienic measures. The primary link in the national prison system were separate prison authorities. In accordance with the Law of 15 June 1887 were attributed to them by doctors and paramedics. The government places high demands on medical staff. Treatment of prisoners was carried out by the state. In the analyzed period there was no uniform medical morbidity statistics. It is shown that special attention was paid to infectious diseases. Pathology of not infectious nature has been given less attention.

Keywords: history of medicine, history of law, penitentiary system, prisoners, medical care

Аннотация. В статье рассмотрен историко-медицинский аспект развития медицинской помощи осужденным в России. Первое упоминание о лечении больных преступников обнаружено в 1775 г. В 1788 г. подготовлено Положение о тюрьмах, в котором использован опыт тюремных систем европейских государств. С 1819 г. организация медицинской помощи населению была в компетенции Министерства внутренних дел, что создало условия для организации медицинской помощи в тюремной системе. Правовые основы медицинской помощи заключенным были приняты в 1831 г. В 1850 г. умерло 1598 преступников из 980000 находящихся в тюрьмах. Это составило 0,16%. В 1879 г. в Главном тюремном управлении появилась должность инспектора по медицинской части. Он координировал оказание медицинской помощи заключенным и разрабатывал санитарно-гигиенические мероприятия. Первичное звено отечественной пенитенциарной системы составляли органы управления отдельных мест заключения. В соответствии с законом от 15 июня 1887 г. к ним были отнесены врачи и фельдшеры. Государство предъявляло высокие требования к медицинскому персоналу. Лечение больных заключенных осуществлялось за счет государства. В исследуемый период отсутствовала единообразная медицинская статистика заболеваемости. Показано, что особое внимание уделялось инфекционным заболеваниям. Патологии неинфекционной природы уделялось меньшее внимание.

Ключевые слова: история медицины, история права, пенитенциарная система, осужденные, медицинская помощь.

Уголовно-исполнительная система России проходит период коренного реформирования, направленного на гуманизацию условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, соблюдения их прав и законных интересов.

Концепция развития Уголовно-исполнительной системы до 2020 года¹ призвана обеспечить основу для дальнейшего приближения ее деятельности к международным стандартам и потребностям общественного развития. Одно из направлений

Концепции – совершенствование медицинской помощи осужденным, снижение заболеваемости, смертности лиц, находящихся в местах лишения свободы. Среди задач, стоящих перед учеными Федеральной службы исполнения наказаний, – поиск путей оптимизации правового регулирования организации медицинской помощи осужденным на основе исторического опыта. Эти проблемы исследованы недостаточно: одни из них остаются дискуссионными, другие лишь обозначены, третьи – получили неточную трактовку. Они имеют историко-медицинские, а также историко-правовые аспекты, так как в ходе развития научных знаний дифференциация и интеграция наук диалектически взаимосвязаны.

Это определяет цель нашей работы – поиск и извлечение из истории отечественного государства и права опыта, необходимого для оптимизации правового регулирования организации медицинской помощи лицам, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов в сфере охраны здоровья.

Объект исследования – общественные отношения в сфере государственно-правового регулирования медицинской помощи осужденным в Российской Империи (конец XVIII–начало XX века). Предмет исследования – нормы, предопределившие особенности правового регулирования в сфере медицинской помощи осужденным в тот исторический период.

Материал и методы

Источниковая база исследования многообразна как по принадлежности, так и по масштабности. Прежде всего, это акты органов государственной власти, через которые реализовались функции государства по охране здоровья осужденных. В ходе выполнения работы выявлены, систематизированы, изучены и использованы в работе материалы Государственного архива Российской Федерации, архива Федеральной службы исполнения наказаний. Большую ценность для исследования темы представляют публикации рассматриваемого исторического периода.

Результаты и обсуждение

Установлено, что 7 ноября 1775 года было принято «Учреждение для управления губерний Российской Империи», в котором впервые упоминается о «лечении больных преступников»².

В годы царствования Екатерины II, при ее непосредственном участии, был подготовлен проект Положения о тюрьмах 1788 г., в котором был использован опыт организации тюремных систем ряда европейских государств. Особое внимание в проекте уделялось устройству тюремных боль-

ниц «с койками, с тремя сменами белья на них, с больничными халатами и колпаками, ночными столиками при койках и колокольчиками при них для вызова врачебного персонала»³, однако реализация этого проекта не была обеспечена ни в финансовом, ни в организационном плане. Позже, продолжив начатые Петром I реформы тюремной системы страны, Екатерина II учредила во всех губерниях Приказы общественного призрения, остроги, тюрьмы и каторги. Одновременно были приняты попытки организации финансирования содержания заключенных за счет казны. В 1778 г. своим указом Екатерина II определила количество «кормовых для здоровых и больных колодников» и разрешила лечить последних за счет казны с 1796 г.

С 1819 г. организация медицинской помощи гражданскому населению находилось в ведении Министерства внутренних дел, в составе которого образован медицинский совет и медицинский департамент. Управление организации медицинской помощи на уровне губерний производилось врачебным отделением губернского правления, состоящем в ведении губернского врачебного инспектора, подчиненного губернатору. При этом в соответствии с частью первой статьи 625 Свода Законов издания 1857 г. лечение больных арестантов, особенно в тех местах, где не было больниц при острогах, входило в попечение непосредственно губернатора. На врачебное отделение возложены лечебная, судебно-медицинская и санитарная обязанности. При его органах в уездах состояли уездные врачи (по одному на уезд), уездные фельдшера, в городах – городские врачи.

Организационно-правовые основы медицинской помощи заключенным были заложены в Инструкции смотрителю губернского тюремного замка 1831 г., в которой самая большая глава IX (55 статей) посвящена вопросам медицинской помощи при исполнении уголовных наказаний. При этом статьи 172 и 173 устанавливали, что условия лечения и содержания в тюремном лазарете должны соответствовать общим правилам в гражданских больницах. В соответствии со ст. 206 Инструкции ответственность за санитарно-гигиеническое состояние мест заключения была возложена на смотрителя, как «полного хозяина тюремного замка и блюстителя в оном внутреннего порядка»⁴. Непосредственная организация лечебной и санитарно-профилактической работы в местах лишения свободы была возложена на врача, которому по медико-санитарной части подчинялись все служащие тюрьмы, а также медицинский персонал больницы и аптека (ст. 165).

В статьях 180-195 Инструкции получили юридическое закрепление основные обязанности врача тюремного замка: врачебный осмотр вновь поступающих в тюремный замок арестантов; заведение тюремной больницы и аптекой; направление в больницу заболевших заключенных; лечение арестантов в тюремной больнице, их осмотр не менее 2 раз в день, ведение медицинской документации; ежедневное предоставление смотрителю сведений о больных арестантах; подача заявок на медикаменты, их учет; ежедневный обход тюремного замка для проверки санитарного состояния всех помещений и распоряжений по устранению выявленных недостатков и т.д.

Статьи 161-178 Инструкции содержали требования по организации лечения арестантов: работа тюремной больницы, состоящей из мужского и женского отделений; размещение «больных по роду болезней»; снабжение больницы «особым для больных платьем, бельем и медицинскими принадлежностями; обеспечение больных особой пищей по предписанию врача» и т.д.

Следует отметить отсутствие в тот период единообразной медицинской статистики и отчетности. Имеются лишь отдельные отчеты по некоторым тюремным больницам, что затрудняет проведение анализа заболеваемости в местах лишения свободы.

Реальное положение дел с медицинской помощью осужденным можно узнать из донесений тюремных ревизоров об осмотре мест заключения и сведений тюремных врачей, несколько раз в год доставляемых в Министерство внутренних дел для отчета. Например, на 1000 арестантов в 1850 г. приходилось примерно 77 больных. В этом же году через тюрьмы империи прошло около 980 тысяч арестантов, из которых умерли 1 598 человек, что составляет 0,16 %⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что первые попытки нормативно-правового регулирования медицинской помощи заключенным в России и организация его за счет государственной казны были сделаны в XVIII в., а в XIX в. нормированное медицинское обеспечение арестантов стало закрепленной обязанностью государства.

В 1879 г. в штате Главного тюремного управления (далее – ГТУ) появилась должность инспектора по медицинской части для заведования санитарной частью в местах заключения и разработки необходимых мероприятий по гигиене. В дальнейшем с расширением объема функций аппарата ГТУ и усложнением его задач организационная структура была усовершенствована, и с 1912 г. лечением арестантов занималась хозяйственная часть в числе прочих своих обязанностей.

Созданные законом от 31 марта 1890 г. губернские тюремные инспекции как среднее управленческое звено между ГТУ и местами заключения не содержали в штате ни инспекторов по медицинской части, ни врачей. Чиновники второго (хозяйственного) отдела делопроизводства разрабатывали табеля на лечение арестантов, а чиновники третьего (секретарского) отдела делопроизводства вели учет инфекционных заболеваний в местах заключения.

Надзор за лечением больных, содержащихся под стражей, в соответствии со ст. 17 Устава врачебного издания 1905 г. был возложен на Губернские врачебные управления. На них же лежала обязанность освидетельствования трудоспособности арестантов и больных ссыльных на основании Устава о содержащихся под стражей и Устава о ссыльных (ст. 27). В обязанности Губернского врачебного инспектора входило участие на правах директора в заседаниях губернского комитета Попечительного общества о тюрьмах (ст. 34).

Первичное звено отечественной тюремной системы составляли органы управления отдельных мест заключения. В соответствии с законом от 15 июня 1887 г. к ним были отнесены врачи и фельдшеры. Причем определение, в каких именно (кроме тюрем общего устройства) местах заключения должны быть введены должности врачей, принадлежало МВД по представлению начальника ГТУ. В исправительных арестантских отделениях врачебный персонал был введен в штаты отделений только законом от 17 марта 1903 г., что способствовало улучшению медицинской помощи содержащихся в них арестантов.

В связи с необходимостью установления повсеместно единообразного порядка замещения врачебных должностей при местах заключения ГТУ по соглашению с Медицинским Департаментом издало циркуляр от 7 января 1889 г. № 1⁶, в котором установило, что по всем вопросам относительно определения, перемещения или увольнения врачей и прочего медицинского персонала при исправительных арестантских отделениях, центральных каторжных и пересыльных тюрьмах, уголовных и следственных тюрьмах, а также при возбуждении ходатайств о назначении отдельных врачей в порядке, определенном ст. 92 Устава Врачебного, губернаторы на местах должны были предоставлять о врачах сведения непосредственно в ГТУ.

Помимо «дипломов и других доказательств врачебной опытности, при назначении тюремных врачей места старших врачей тюремных больниц предоставлять только докторам медицины и преимущественно тем, кто занимал ранее должности

городовых и уездных врачей. Замещать должности фельдшеров только лицами, окончившими курсы в фельдшерских школах с нормальными программами преподавания или получившими свидетельство от врачебных отделений губернских правлений или Врачебных управ на основании циркуляра МВД от 10 февраля 1883 года № 207, допуская при неимении удовлетворяющих этим требованиям кандидатов только к исполнению фельдшерских обязанностей других, способных к этому лиц, но без присвоения им преимуществ государственной службы»⁷.

По поводу найма врачей и фельдшеров в тюрьмы, где их не было в штате на постоянной основе, начальники тюрем или попечительные комитеты в индивидуальном порядке обращались в ГТУ с ходатайством, например, о назначении фельдшера в Звенигородскую тюрьму⁸; врача в Тамбовскую тюрьму⁹; акушерку, приглашенную к роженице – следственной арестантке Омской тюрьмы¹⁰ и т. д.

При этом архивные материалы свидетельствуют о сложностях при привлечении врачей (например, в Тверской и Вологодской губерниях, Семиреченской области)¹¹. Управление главного врачебного инспектора МВД циркуляром от 30 сентября 1910 г. № 1290 уведомило, что городские врачи могут не исполнять обязанности тюремных врачей, это является лишь актом их добровольного соглашения с Обществом попечительным о тюрьмах, причем они выполняют эту работу безвозмездно или получают вознаграждение от Общества. Врач, состоящий при тюрьме, получал жалованье в 200 руб. в год. Эта сумма в тот период времени была значительной.

Основными направлениями медико-санитарной деятельности администрации мест заключения в исследуемый период были: организация работы больниц, врачебных околотов, а также аптеки; первичный медицинский осмотр всех вновь поступающих заключенных; периодический осмотр контингента (с 1911 г. – поголовный 4 раза в год); лечение больных арестантов; обеспечение лекарствами; направление заболевших для получения специализированной помощи в городские, земские и уездные больницы; организация санитарного режима и санитарно-профилактическая работа; борьба с эпидемическими заболеваниями в тюрьмах.

Лечение больных заключенных осуществлялось за счет государства. Для оказания им медицинской помощи врачи выписывали необходимые медикаменты из аптек военного ведомства за счет финансирования на лечение из расчета 3 копейки в день на больного, кроме сумм, отпускаемых на содержание арестанта. В тех местах заключения,

где действовали комитеты Общества попечительного о тюрьмах, финансирование осуществляли комитеты. В условиях ограниченности казенных средств государство последовательно проводило политику сокращения расходов на содержание больных арестантов за счет уменьшения ассигнований и стремилось переложить бремя финансирования медицинской помощи заключенным на благотворительные средства тюремных комитетов.

Больницы имелись не при всех тюрьмах. Открытие больниц при каждой крупной тюрьме стало одним из приоритетных направлений деятельности ГТУ при принятии плана строительства новых тюрем и переустройства существующих в 1911 г. В результате к 1914 г. собственные больницы с достаточным числом коек имелись при большинстве мест заключения.

При отсутствии больницы в тюрьме устраивали «околоток для арестантов, заболевающих легкими болезнями»¹². Он «отличался от камер тем, что на нары постланы тюфяки и подушки, набитые соломой, но чехлов на них одна только смена и потому они моются только тогда, когда бывают свободные места, а так как больничный околоток постоянно наполнен, то и чехлы эти очень грязные»¹³.

Кроме околотка, где лечились только легкие больные, лечение арестантов при необходимости могло производиться в больницах Приказа общественного призрения, земских больницах или госпиталей военного ведомства, которые получали на лечение заключенных денежные средства на общих основаниях с надбавкой еще 3 копейки на медикаменты. В этих больницах для арестантов отделялся особый коридор с несколькими палатами.

Обеспечение лекарствами мест заключения не было централизованным. Тюремные больницы, земства, общества попечительные о тюрьмах сами заключали договоры о поставках лекарств, из расчета государственного финансирования на медикаменты по 3 копейки в сутки на заключенного, однако при запросе на кредиты с тюремным ведомством согласовывались суммы поставок и цены на медикаменты. Например, в Санкт-Петербургскую, Читинскую, Нижнеудинскую и Нерчинскую тюрьмы медикаменты и аптекарские товары поставлялись Русским обществом торговли аптекарскими товарами¹⁴. Кроме того, медикаменты и разного рода медицинские предметы поставлялись в тюремные больницы и из Российского общества Красного Креста¹⁵.

С развитием медицинской науки и техники появились аппаратура для диагностики и лечения

различных заболеваний. Это не могло не заинтересовать тюремное ведомство. Например, в начале XX века для Санкт-Петербургской тюремной больницы был приобретен физиотерапевтический аппарат за 250 руб. для лечения больных арестантов постоянным, фарадизационным и смешанным током¹⁶. Одновременно выписанный рентгенографический аппарат для Зерентуйского врачебного района Забайкальской области Главным тюремным управлением был признан роскошью и не оплачен за счет казны¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что после тюремной реформы 1879 г. в Российской империи была упорядочена организация медицинской помощи лицам, находящимся в местах заключения: в ГТУ этим занимался инспектор для заведования санитарной частью и хозяйственной частью; в губернских тюремных инспекциях – чиновники хозяйственного и секретарского делопроизводства; непосредственно лечение больных арестантов в местах лишения свободы с 1887 г. проводили штатные врачи и фельдшеры.

Для тюремной системы Российской империи характерным является значительное перемещение заключенных и ссыльных в отдаленные и малообжитые районы страны. Как показывают архивные документы, ГТУ беспокоило заболеваемость и смертность этой категории заключенных.

В целях принятия мер к сохранению здоровья пересыльных арестантов Главное тюремное управление издает циркуляры. Так, в соответствии с циркуляром от 11 июня 1885 г. «Об устройстве гражданских лазаретов на этапах главного ссыльного тракта Восточной Сибири» и циркуляром от 28 апреля 1887 г. «Об устройстве лазаретов и о лечении арестантов на баржах» при этапных зданиях и на баржах, перевозящих партии ссыльных по Волге, Каме и рекам Западной Сибири, были устроены лазареты¹⁸.

Особую озабоченность ГТУ вызывала высокая смертность еще одной категории заключенных – каторжан, направляемых на остров Сахалин из Одессы морским путем. В связи с этим ГТУ 6 ноября 1891 г. издает Правила о порядке распределения и отправления в места назначения из губерний Европейской России и Кавказского края осужденных в каторжные работы и добровольно следующих в ссылку их семейств, обязывающие губернские правления обследовать состояние здоровья лиц, осужденных к каторжным работам, для определения, могут ли они «перенести морское плавание и не страдают ли заразными болезнями»¹⁹. Однако продолжительное пребывание в центральных тюрьмах и пароходных трюмах располагало к заболеванию цингой и зачастую

арестанты заболевали целыми партиями вскоре по прибытии на остров.

Еще одно направление деятельности ГТУ – борьба с эпидемическими заболеваниями в местах лишения свободы. Большую роль в развитии гигиены в местах заключения Российской империи сыграл профессор А.П. Доброславин, который с 1879 г. в течение 10 лет занимал должность руководителя санитарной части Главного тюремного управления.

Санитарное состояние помещений, предназначенных для содержания заключенных под стражей, постоянно служило предметом пристального внимания ГТУ. И если фактическое положение в местах лишения свободы было далеко от совершенства в санитарном отношении, то руководящих документов: циркуляров, инструкций, постановлений, указаний и правил – разрабатывалось достаточное количество. В основном их издание было вызвано вспышками инфекционных заболеваний в различных местностях.

5 февраля 1879 г. МВД издает циркуляр № 20 «О санитарных мерах в отношении казенных зданий и тюрем»²⁰ с «Правилами для производства дезинфекции отхожих мест, помойных и мусорных ям, дворов, равно одежды и белья больных заразительными и прилипчивыми болезнями». Циркуляр требовал содержания в надлежащей чистоте зданий, дворов и других тюремных помещений; тщательной очистки нечистот; содержания в исправности дворов, отхожих мест и мусорных ям, их дезинфекции; ежедневного проветривания помещений; кроме того – тщательного осмотра провизии, доставляемой арестантам, а также мест для ее приготовления и обеспечения заключенных чистой водой.

В связи с появившейся в государствах Европы эпидемией холеры и возможностью проникновения ее в Россию ГТУ были выработаны Указания и правила санитарных мероприятий и способов предупреждения эпидемий, разосланные при циркуляре от 22 августа 1884 г. № 18 вместе с Инструкцией для дезинфекции тюремных помещений, мягких постельных принадлежностей, белья, платья.

Указания и правила требовали при первых же признаках эпидемии в местах заключения или городах, где они находятся, немедленно уведомить телеграммой ГТУ для прекращения передвижения арестантов в пораженные местности и из них; прекращения свиданий и вывода арестантов на внешние работы; строгой изоляции заболевших арестантов в отдельном помещении, приспособленном в освобождаемых для этой цели мастерских, цейхгаузах, столовых, школах либо в устроенном

временно среди тюремного огорода или двора барачном или палаточном помещении.

Подробно излагались правила дезинфекции постельных принадлежностей, белья, одежды; правила захоронения умерших от холеры; дезинфекции всех зданий тюремного учреждений по окончании холеры. Так же, циркуляр № 20, в целях предупреждения появления холеры указания требуют улучшить воздух тюремных камер, содержать в чистоте кухни, прачечные, бани, отхожие места и другие помещения, тщательно проветривать и очищать одежду прибывших арестантов и соблюдать чистоплотность между сидельцами.

Циркуляром от 14 апреля 1905 г. № 7 ГТУ распространено «Наставление о способах предупреждения и ограничения развития холерной эпидемии в местах заключения» с подробными «Правилами производства дезинфекции жилых помещений, белья, одежды, мягких постельных принадлежностей и извержений холерных больных»²¹. В Наставлении обращалось внимание на необходимость улучшения санитарного состояния и дезинфекцию всех помещений в местах заключения, в особенности кухонь, прачечных, бань, отхожих мест; улучшения воздуха тюремных камер и мастерских через проветривание; запрещение держать в камерах промокшее платье и обувь; недопущение загрязнения тюремных дворов отбросами; особое внимание уделено доброкачественности пищевых продуктов и воды; надлежащему приготовлению пищи и использованию для хранения воды закрытых сосудов с кранами; предусмотрен строгий врачебный осмотр арестантов в неблагополучных по холере местностях; для ознакомления со способами предохранения от заболеваний было рекомендовано вывешивать в камерах соответствующие указания.

Общая тюремная инструкция 1915 г. предусматривала выведение из подчиненности тюремного руководства медицинского персонала, что не было реализовано.

Санитарные правила, указания и инструкции 1879, 1884 и 1905 гг. достаточно подробны, могут даже сегодня служить примером ведомственного нормотворчества. Особенностью циркуляров ГТУ по санитарной части было то, что они в основном носили рекомендательный характер, в них отсутствовали однозначные категоричные предписания, поэтому они не всегда выполнялись на местах тюремной администрацией.

Итак, начало XX в. в России характеризовалось накоплением большого числа устаревших, противоречивых правовых актов, регулировавших медицинскую помощь заключенным. Это создавало определенные трудности в практике отечественных пенитенциарных органов и учреждений, препятствовало дальнейшему развитию отечественной пенитенциарной медицины. Особое внимание в нормативных актах уделялось инфекционным заболеваниям. Патологии неинфекционной природы уделялось меньшее внимание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В целях обеспечения законных прав и интересов лиц, содержащихся в местах лишения свободы, целесообразно вывести из подчиненности начальников исправительных учреждений медицинского персонала, что предусматривалось Общей тюремной инструкцией 1915 г., но, к сожалению, до сих пор не реализовано. Не потеряли своей актуальности положения ст. 17 Устава врачебного издания 1905 г., возлагающего надзор за лечением больных, содержащихся под стражей, на Губернские врачебные управления, ныне – органы управления здравоохранением субъектов Российской Федерации.

Актуальна реализация имеющегося опыта по предоставлению медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, учреждениями здравоохранения, не входящими в уголовно-исполнительную систему.

Нормативные акты, регулирующие медицинскую помощь осужденным должны иметь обязательный, а не рекомендательный характер.

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р // Собрание законодательства РФ. 25.10.2010. № 43. Ст. 5544.

² Учреждения для управления губерний Российской империи. М., 1775.

³ Пертли Л.Ф., Спасенников Б.А. Медицинская помощь в пенитенциарной системе дореволюционной России // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3 (28). С. 129-136.

⁴ Тимофеев В.В., Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России. Чебоксары, 2008.

⁵ Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII - начало XX века) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 252-256.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 122. Оп. 7. Д. 215. Л. 151 с оборотом.

⁷ Там же.

⁸ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2448. Л. 79.

⁹ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2448. Л. 255.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2448. Л. 210.

¹¹ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 3211. Л. 56, 61, 90.

¹² ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 106. Л. 53.

¹³ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 758. Л. 26.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2448. Л. 114.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2448. Л. 177.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2448. Л. 75.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 2448. Л. 69.

¹⁸ Габидулин Р.С. История отечественного государства и права / под редакцией профессора Б.А. Спасенникова. М., 2012.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2122. Л. 20-21 с оборотом.

²⁰ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 182. Л. 3-11.

²¹ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 295. Л. 47-51 с оборотом.

УДК 34 ББК 67

Characteristics of the personality of the victim in cases of a threat to kill or cause grievous bodily harm

Характеристика личности потерпевшего
по делам об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

Ekaterina Dmitrievna Pirozhok
competitor of the department of criminalistics
Of Moscow university of the Ministry
of internal affairs of Russia
of V.Ya. Kikot
E-mail: eka777@list.ru

Екатерина Дмитриевна Пирожок,
соискатель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: eka777@list.ru

Annotation. The forensic method of investigation of crimes the victim, most often, is one of the main sources of information. The author has identified a list of common elements included in the description of the victim's identity. On this basis, the total amounted to «portrait» of the typical personality of the victim of the threat to kill or cause grievous bodily harm.

Keywords: the threat to kill or cause grievous bodily harm, characteristic of the victim's identity, victimization, the victim

Аннотация. В криминалистической методике расследования преступлений потерпевший, чаще всего, является одним из основных источников получения информации. Автор определил перечень типичных элементов, входящих в характеристику личности потерпевшего. На основании этого составил совокупный «портрет» типичной личности потерпевшего от угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Ключевые слова: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, характеристика личности потерпевшего, виктимизация, жертва

Одной из наиболее тревожных тенденций изменения преступности в современной России является рост посягательств на жизнь и здоровье человека, в числе которых – «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (ст. 119 УК РФ).

Так, например, в 2015 г. угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью зарегистрировано 80801, из которых раскрыто – 76887 преступлений¹. В первой половине 2016 г. (январь-июнь) уже зарегистрировано 39 291 преступлений данного вида; из них осталось не раскрытыми 1188 преступлений, что составляет 12,3 %².

В криминалистической методике расследования преступлений потерпевший, чаще всего, является одним из основных источников получения информации.

В характеристику личности потерпевшего, обычно, включают следующий перечень типичных элементов:

- демографические сведения: пол, возраст, место жительства, учебы, работы и т.д.;
- данные об образе жизни, чертах характера (темперамент), привычках и наклонностях, в том числе вредных; связях (личных, родственных, служебных, бытовых и других) и отношениях (враждебные, неприязненные, дружественные, партнерские и т. п.) с преступником;
- признаки виктимного поведения.

Данная совокупность элементов заслуживает внимания с тем условием, что должна быть уточнена и дополнена в зависимости от вида и характера совершенного преступления.

Результаты исследования показали, что, почти в 69 % случаев, потерпевшим от угрозы убийством является лицо женского пола. Подобная ситуация объясняется тем, что исследуемый вид преступлений, во многом распространяется на бытовую сферу. Установлено, что наибольшее количество угроз приходится на: 1) взрослых людей (18-55 лет) – почти 65 % случаев; 2) лиц пенсионного возраста (55 (жен.) – 60 лет (муж.)) – 17,5 % случаев; 3) пожилых людей (старше 70 лет) – около 9,5 % случаев; 4) несовершеннолетних – чуть более 8 % случаев.

Преобладание среди пострадавших от угроз убийством лиц зрелого возраста отчасти можно объяснить тем, что эти возрастные границы охватывают наиболее активную и мобильную, в социальном плане, часть населения.

Напомним, что потерпевший и подозреваемый по данному виду преступлений находятся в отношениях: а) родственников, почти в 57 % случаев; б) знакомства (вместе учатся (лись), работают, соседи по месту жительства, даче и т.д.) – в 38,6 %; в) случайных знакомых (первый или второй раз видятся) – чуть более 4 % случаев.

Практический интерес представляет и социальное положение жертвы угрозы убийством. По итогам проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что среди потерпевших:

- около 9 % лиц нигде не учились и не работали;
- около 38 % имели постоянную работу;
- домохозяйки; женщины, которые занимались воспитанием детей, составили почти 21,5 %;
- пенсионеры – около 27 %;
- студенты и учащиеся – около 4 %;
- инвалиды – 0,5 %.

Нередко, жертва угрозы убийством, предпринимая меры в свою защиту, наносит «ответный удар», результатом которого может стать причинение телесных повреждений, либо даже смерть угрожающего. В таких случаях жертвами чаще становятся лица мужского пола. Например, 03.07.2014 г., около 23 ч. 30 мин., гр-н Ф., находясь по месту жительства: г. Смоленск, ул. Шевченко, д. 67а, кв. 20, в состоянии алкогольного опьянения на почве личных неприязненных отношений вступил в конфликт со своей супругой. В ходе конфликта высказывал угрозы убийством в ее адрес, при этом размахивал перед ее лицом кухонным ножом. В ответ супруга, пребывая в сильном испуге, взяла ножницы и нанесла ими удар в область предплечья мужа, а затем еще удар в плечо левой руки, после чего выбежала из квартиры и вызвала полицию³.

В результате анализа уголовных дел нами установлено, что угрозам убийством почти всегда предшествовали различного рода конфликты, как внезапно возникшие, так и длящиеся, нередко, значительный промежуток времени.

Однако потерпевшие часто не обращаются в полицию ни после первого, ни после второго, а порой и – третьего раза совершения в отношении них угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Исходя из результатов экспресс-опроса граждан выяснилось, что наиболее типичными причинами такого их поведения являются: 1) не желание привлекать родственников или знакомых к уголовной ответственности – почти в 55 % случаев; 2) не желание «связываться» с процедурой расследования и «тратить на это время и нервы» – около 51 % случаев; 3) страх в связи с совершением в отношении лично потерпевшего более тяжкого преступления – почти в 24 % случаев; 4) страх перед совершением в отношении его родственников или близких ему людей какого-либо преступления имелся немногим более чем в 13 % случаев; 5) были лица, которые, в силу различных причин, не посчитали действия преступными (в 11,5 % случаев).

Результаты анкетирования действующих мировых судей показал, что уровень латентности данного вида преступлений: 1) выше, чем по другим преступлениям против жизни здоровья – немногим более 71 %; 2) примерно равный – около 20,5 %; 3) уровень латентности

угроз ниже – почти 2,6 %; 4) затруднились ответить – 3,8 %.

Важное значение для правильного получения информации о состоянии проблемы, имеет собирательный «портрет» жертвы, который отражает социальные, психологические, а также поведенческие признаки человека как индивида.

Известно, что в механизме угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью важное значение придается поведению жертвы, которое в ситуации, предшествовавшей преступлению, и непосредственно – совершения преступления, может быть: положительным, нейтральным и негативным.

Объяснение высокой виктимизации женщин в связи с совершением данного вида преступлений следует искать не в фатальной предрасположенности всех женщин стать жертвами, а в двойном стандарте в морали, в характере и стереотипах отношений между полами, исторически сложившихся и по-прежнему доминирующих в нашем обществе.

Все 100 % опрошенных следователей и дознавателей ответили, что определенные действия (бездействие) потерпевшего в принципе могут провоцировать совершение в отношении себя угрозы. А на вопрос: что именно, чаще всего, провоцирует совершение в отношении них угроз, были получены следующие ответы: 1) оскорбления, приставания и т.п., совместное распитие спиртных напитков – более чем в 46 % случаев; 2) оскорбительное поведение в отношении подозреваемого – около 32 % случаев; 3) длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего – немногим более 22 % случаев.

Систематизировав вышеизложенное, совокупный «портрет» типичной личности потерпевшего от угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, можно представить следующим образом: это, чаще всего, лицо женского пола (75 %) в возрасте, преимущественно, от 18 до 55 лет (65 %); в подавляющем большинстве случаев являющееся родственником, женой, сожительницей или знакомой преступника (95 %); не имеющее постоянной работы (62 %), являющееся пенсионером (27 %) либо домохозяйкой (21,5 %); с возможным проявлением заниженной самооценки, повышенного чувства сопереживания, сочувствия, а также элементов виктимного поведения.

¹См.: Состояние преступности в Российской Федерации // <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762/item/7087734/> по состоянию на 28.02.2016 г.

²См.: Состояние преступности в Российской Федерации // <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762/item/8127775/> по состоянию на 30.07.2016 г.

³Уголовное дело № 31469 // Архив судебного участка № 10 Мирового суда г. Смоленска. 2014 г.

УДК 34

Features of initiation of legal proceedings on cases of the plunders made with use of internet technologies

Особенности возбуждения уголовного дела по делам о хищениях, совершенных с использованием интернет-технологий

Eldar Oskarovich Samitov,
associate professor of criminalistics
Kazan legal institute Ministry of Internal Affairs of
Russia, candidate of legal Sciences, associate pro-
fessor of criminalistics
E-mail: 405515@mail.ru

Эльдар Оскарлович Самитов,
Доцент кафедры криминалистики
Казанского юридического института
МВД России, кандидат юридических
наук

Sergey Yakovlevich Kazantsev,
Chief of department of criminalistics
The Kazan legal Ministry of Internal
Affairs institute of Russia,
Doctor of pedagogical sciences,
candidate of jurisprudence,
E-mail: 405515@mail.ru

Сергей Яковлевич Казанцев,
Начальник кафедры криминалистики
Казанского юридического
института МВД России
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор,

Annotation. Complexity of conducting investigative actions for disclosure of the crimes committed with use - technologies and their disclosure is that often offenders use various ways of concealment of the criminal acts. Initiation of legal proceedings is an initial stage of criminal trial and especially important point in this process. This stage is caused by the criminal and legal nature of illegal encroachments, to features of ways by means of which these acts are made. The special attention is deserved by complexity of studying of initial evidential base which, it is usually possible to reveal, studying registration and technological documentation.

Keywords: technique of investigation of a crime, plunder

Аннотация. Сложность ведения следственных действий по раскрытию преступлений, совершенных с использованием технологий и их раскрытия заключается в том, что зачастую правонарушители используют всевозможные способы сокрытия своих преступных действий. Возбуждение уголовного дела является начальной стадией уголовного процесса и особо важным моментом в этом процессе. Эта стадия обусловлена уголовной и правовой природой противозаконных посягательств, особенностям способов, с помощью которых совершаются эти деяния. Особого внимания заслуживает сложность изучения начальной доказательной базы, которую, обычно можно выявить, изучая учетную и технологическую документацию.

Ключевые слова: методика расследования преступления, хищения

Возбуждение уголовного дела является начальной стадией уголовного процесса и особо важным моментом в этом процессе. Эта стадия обусловлена уголовной и правовой природой противозаконных посягательств, особенностям способов, с помощью которых совершаются эти деяния. Особого внимания заслуживает сложность изучения начальной доказательной базы, которую обычно можно выявить, изучая учетную и технологическую документацию. Такая документация может находиться в форматах повышенной сложности. Продуктивность работы следственных органов, связанная с раскрытием и расследованием случаев воровства, которые были совершены с использованием компьютерных технологий, всегда зависима от того, на-

сколько оперативно отреагировали на поданное заявление или сообщение о правонарушении. Не менее важно своевременное возбуждение уголовного дела, которое должно быть обоснованным. На практике доказано, что задержка начала процесса расследования приводит к наиболее быстрой потере доказательств особой важности. Еще одним последствием такого промедления становится безнаказанность правонарушителей. Сроки предварительного расследования заметно увеличиваются, а это ведет к более серьезным негативным последствиям. По утверждению Р.С. Белкина, успешность расследования преступления зависит от систематически верного подхода к расследованию и от быстроты реагирования, способности организовать имеющиеся

в распоряжении следственных органов силы и средства для борьбы с преступностью.

На стадии возбуждения уголовного дела, связанного с рассматриваемыми преступлениями, значимой будет правильная организация взаимосвязанных между следственными подразделениями действий. Активное участие в данной деятельности принимают органы дознания, службы экспертов и безопасности, представленные частными охранными структурами. Это необходимо для того, чтобы обеспечить получение наиболее полной информации о совершенном деянии. Полученная информация должна иметь максимальное значение для криминалистов.

Три основные этапа деятельности следователя и дознавателя на начальной стадии расследования включают в себя:

1. Оценку информации о преступлении, которая поступила к сотрудникам.
2. Проверку поданных заявлений и полученных сообщений. При отсутствии необходимых данных в первичной информации, которые могут указать на признаки правонарушения данного вида.
3. Принятие и оформление в соответствии с процессуальными требованиями важных решений о необходимости возбуждения уголовного дела.

Данная деятельность подлежит регулированию уголовно-процессуальным законодательством и нормативными актами данного ведомства. Но деятельность эта имеет некоторые особенности.

Зачастую поводом и основанием для возбуждения уголовного дела о краже, которая была совершена с применением компьютерных технологий, могут послужить:

1. Заявление от потерпевшего, от граждан, которые являются физическими лицами, от представителей юридических лиц.
2. Обнаружение органом дознания признаков совершения противозаконного деяния в ходе:
 - проверки поступившего из оперативных источников сообщения о том, что правонарушение совершено или готовится его совершение;
 - выполнения оперативно-технических мероприятий;
 - изучения контрольных и ревизионных материалов, а также других проверок, связанных с документацией;
 - задержания подозреваемых на том месте, где было совершено преступление, с личным.

3. Обнаружение признаков правонарушения сотрудником следственных органов или прокуратуры во время расследования уголовных дел о других преступлениях.

В зависимости от того, что включает в себя первичная информация о свершившемся событии, сотрудник следственных органов может в порядке ст. 144 УПК РФ еще до возбуждения уголовного дела провести начальную проверку фактов, которые содержатся в сообщении о правонарушении. Подобная проверка не может считаться начальной стадией предварительного расследования. Но ее часто проводят при совершении краж с использованием компьютерных технологий. Сроки проведения такой проверки регламентированы действующим уголовно-процессуальным законом (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ). Существует необходимость составления плана проверки, которая будет проведена до начала следствия. **План должен включать определенные позиции:**

- получение затребованной документации, которая свидетельствует о том, что свершившееся событие противоправно;
- исследование, подтверждающее правильное формирование комплекта документов и их содержания. Данные документы являются подтверждением противоправности совершенного действия;
- подлинность документации, которая имеется в наличии и представлена на рассмотрение дознавателю, в органы, ведущие расследование, должна быть тщательно проверена;
- вопросы, необходимые для выяснения при обращении к лицам, на которых ссылается заявитель. Возможно наличие информации о данных лицах как о возможных свидетелях свершившегося деяния;
- необходимо получить письменное объяснение от подателя заявления и свидетелей;
- предварительное исследование баз данных, файлов, МНИ, программ для компьютерно-технических устройств как возможных орудий для совершения преступления;
- изучение технологии использования документов для хищений, которые совершаются с использованием компьютерных технологий. Использование информации в определенном процессе или отдельной операции;
- изучение правовой основы операции, в результате которой произошло правонарушение, и о нем было принято сообщение;
- консультации со специалистами.

План может включать в себя иные действия, которые, являясь проверочными или ознакомительными, не являются действиями следственными.

Оперативные работники должны принимать участие в проверке определенных материалов, в проведении задержания преступника. В их обязанности входит выполнение других оперативных мероприятий. Промедление

может привести к уничтожению документов, утечке конфиденциальной информации, утере следов и идентификационных признаков предметов, которые могут быть использованы как вещественные доказательства.

На тот момент, когда принимается решение о том, будет ли возбуждено уголовное дело, следователь должен:

1. иметь полное представление о характере деятельности объекта, на котором было совершено преступление, и о его структуре;

2. иметь точные сведения об условиях деятельности объекта, которые являются связанными с тем предметом, на который посягают преступники. Знать и понимать все о порядке учета и ведения документации об отчетности, иметь четкое понимание системы оборота на машинных носителях;

3. знать коммуникативные характеристики, иные тактические и технические, присущие технике, которая используется в данном случае;

4. изучить организацию охраны от хищений;

5. быть в курсе служебных обязанностей лиц, которые имеют любое отношение к предмету, в отношении которого совершается преступление.

Результатом проведенного нами исследования стал вывод о том, что хищения информации, совершенные с применением интернет – технологий, можно выявить в ходе надзорных действий, проводимых работниками прокуратуры. Целью проведения данных проверок является обнаружение нарушений закона работниками правоохранительных органов. Результатам проверки может стать принятие органами полиции и следователями одного из возможных решений: как о возбуждении уголовного дела, так и об отказе в его возбуждении. Возможно возбуждение уголовного дела по другому составу преступления, как продолжение мероприятий, связанных с проверками, или передача данных в другие органы по территориальной расположенности.

List of references

1. The comment to the Criminal code of the Russian Federation / отв. edition V. M. Lebedev. M.: Юрайт, 2014. - 187 pages.
2. The comment to the Code of criminal procedure of the Russian Federation. 6th prod., reslave. and additional. edition I.L. Petrukhin. M.: «Velb», «Prospectus», 2008. - 381 pages.
3. The comment to the Code of criminal procedure of the Russian Federation. 2nd prod. / отв. edition A.Ya. Sukharev. M.: NORM, 2014. - 227 pages.
4. Commissioners V. I. Pravomernost and validity of presentation for an identification//Socialist legality. 1978. No. 2. – page 59;
5. Constitution of the Russian Federation. The comment / Under a general edition B. A. Topornina, Yu.M. Baturina, R. G. Orekhova. M.: «Legal literature», 1994. - 133 pages.
6. Korotkov A.P., Timofeev A.V. 900 answers to questions of public prosecutor's and investigative workers on application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Comment. M.: «Examination», 2004. - 187 pages.
7. Simonov V. I. Modern questions of criminal legal proceedings and criminalistics in the conditions of scientific and technical progress. Moscow, 2013. Page 27-29.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2014. -187с.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 6-е изд., перераб. и доп. / отв. ред.И.Л. Петрухин. М.: «Велби», «Проспект», 2008. -381с.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. / отв. ред. А.Я. Сухарев. М.: НОРМА, 2014. -227с.
4. Комиссаров В.И. Правомерность и обоснованность предъявления для опознания // Социалистическая законность. 1978. № 2. – с. 59;
5. Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общ. ред. Б.А. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М.: «Юридическая литература», 1994. -133с.
6. Коротков А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ. Комментарий. М.: «Экзамен», 2004. -187с.
7. Симонов В.И. Современные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях научно-технического прогресса. Москва, 2013. С. 27-29.

УДК 34 ББК 67

SMART and Lifhacking - techniques traditionally used in the framework of the appeal system, checking and review of judicial decisions in criminal proceedings

SMART и LIFHACKING – приемы традиционно используемые в рамках системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе

Marina Vladimirovna Sklyarenko,
the Supreme Court, State Counselor of
Justice
E-mail: marina-sklyarenko@yandex.ru

Марина Владимировна Скляренко,
Верховный суд РФ, государственный советник
юстиции

Annotation. Using the SMART algorithm is recognized, as a method, and Lifhacking, like kontrmetod proves that organizing the system of appeal, audit and review of judicial decisions in criminal proceedings, it is important to promptly determine the objectives of its functioning

Keywords: appeal system, inspection and review of judicial decisions in criminal proceedings, appeal, cassation, supervision, the initiators of the appeal, cassation and supervision, projected results of judicial activities

Аннотация. Используя общепризнанный алгоритм SMART, как метод, и Lifhacking, как контрметод, доказывает, что организуя систему обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе, важно правильно своевременно определиться с целями ее функционирования

Ключевые слова: система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе, апелляция, кассация, надзор, инициаторы апелляции, кассации и надзора, прогнозируемые результаты судебной деятельности

Что такое SMART

SMART – мнемоническая аббревиатура. Она обычно используется в менеджменте, проектном управлении для определения целей и постановки задач.

Обжалование, проверка и пересмотр судебных решений в уголовном процессе своеобразный мегапроект в системе уголовного судопроизводства. Цель его запуска - оптимизация уголовного процесса путем своевременного пересмотра судебных решений, с которыми не согласны стороны, а равно отказ в таком пересмотре. Неудивительно, что SMART, как метод организации производства вполне применим и в уголовном процессе.

Сначала разберемся, что мы понимаем под аббревиатурой SMART. Обычно принимаются следующие значения:

S - Specific (конкретный), что именно необходимо достигнуть в рамках работы системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений. Например, мы хотим «минимизировать число следственных, прокурорских и судебных ошибок». Очевидно, что данная цель не достижима, если мы не знаем, что такое следственная, прокурорская и судебная ошибка.

M - Measurable (измеримый). Объясняется, в чем будет измеряться результат. Если показатель количественный, то необходимо выявить единицы измерения, если качественный, то необходимо выявить эталон отношения. Например, снижение числа решений суда апелляционной инстанции, подлежащих отмене судом

кассационной инстанции, до 1% от числа рассмотренных дел.

A - Attainable, Achievable (достижимый). Объясняется, за счёт чего планируется достижение цели, возможно ли её вообще достигнуть вообще. Например, Например, снизить число решений суда апелляционной инстанции, подлежащих отмене судом кассационной инстанции, до 1% от числа рассмотренных дел, за счет лучшей организации состязательного процесса, автоматизации ресурсоемких операций, оптимизации штата занятых в судопроизводстве сотрудников.

R - Relevant (актуальный). Определение истинности цели. Действительно ли выполнение данной задачи позволит достичь желаемой цели? Необходимо удостовериться, что выполнение данной задачи действительно необходимо. Например, брать совершенствование состязательного процесса в качестве отдельной подзадачи, которая также ставится по SMART, то речь идет о перераспределении процессуальных функций. В данном случае сотрудников можно не увольнять, а перевести на иные должности, на которых эти сотрудники смогут принести обществу пользу, гарантировать процессуальную. Если брать экономическую составляющую уголовного процесса, то вместо увеличения числа сотрудников в судах, можно предложить оптимизацию деятельности сторон обвинения и защиты. С уверенностью можно констатировать, что отечественное уголовное судопроизводство не в полной мере использует институт «процессуальных агентов», не торопится оп-

тимизировать расход средств на автоматизацию, нет и четкого регламента норм выработки.

T - Time-bound (ограниченный во времени). Определение временного триггера/промежутка по наступлению/окончанию которого должна быть достигнута цель (выполнена задача). Например, к окончанию второго квартала следующего года снизить число решений суда апелляционной инстанции, подлежащих отмене судом кассационной инстанции, до 1% от числа рассмотренных дел.

Достижение цели зависит от её формулировки, и первый шаг к успеху дела — правильно сформулированные цели. SMART цели — умные цели.

Само слово smart в переводе на русский и означает «умный», «сообразительный», «остроумный», «быстрый», «находчивый». Таким образом, правильная постановка цели означает, что цель является конкретной, измеримой, достижимой, значимой и соотносится с конкретным сроком.

Конкретность. Ставя задачу, прежде всего, нужно задать себе вопрос: что вы хотите получить в результате ее выполнения? Почему важен этот критерий? У вас в голове формируется свое видение результата выполнения задачи (идея № 1). По ходу изложения цели у сотрудника формируется свое представление результата (идея № 2). В итоге может получиться, что вы и сотрудник по-разному представляете себе одну и ту же цель (то есть идея № 1 подменяется идеей № 2). Чтобы этого не произошло, необходима обратная связь: нужно убедиться, правильно ли сотрудник понял поставленную перед ним задачу. То есть достичь однозначного понимания ответа на вопрос, что нужно получить в результате выполнения цели. При этом необходимо стремиться к тому, чтобы было как можно меньше понятий по умолчанию. Иначе возрастает риск: не достичь того, что задумано, особенно в новых и нестандартных ситуациях.

Измеримость. Измеримость цели предполагает наличие критериев (измерителей), которые позволили бы определить, достигнута ли поставленная цель и в какой степени. Если нет измерителей, очень сложно оценить результаты проделанной работы и объективно контролировать процесс. В качестве критериев достижения цели можно использовать:

- проценты, соотношения (этот критерий применим к ситуациям, в которых есть возможность планировать и анализировать повторяющиеся события, например, при постановке цели уменьшения судебных ошибок измерителем может выступить их уменьшение на 30 %);
- внешние стандарты (применимы в случаях, когда необходимо получить оценку со стороны, например, при выполнении задачи повысить уровень контакта сторон, тогда критерием ее выполнения явится позитивный отзыв их представителей);
- частота происходящего (допустим, работа адвоката, специализирующегося на подаче жалоб в рамках системы пересмотра судебных решений будет

являться успешной, если у него вырастет число клиентов);

- средние показатели (этот измеритель можно использовать, когда нет необходимости прорыва в результатах деятельности, а нужно лишь обеспечить стабильность и поддержать качество работы, например, снизить процент судебных ошибок до 3-5 % от числа дел находившихся в производстве);
- время (за такой-то срок необходимо достичь таких-то результатов, например, снизить число судебных ошибок на 30 % за 6 месяцев);
- запреты (нельзя делать то-то и то-то, иначе последует наказание; это специфический критерий, но его иногда можно успешно использовать, например цель — снизить число судебных ошибок, критерий: за каждую ошибку определенное наказание);
- соответствие корпоративным стандартам (в организации разрабатываются свои стандарты, критерий соответствия: выполнять работу так, как принято у нас);
- утверждение у руководства (то есть «мне, руководителю, должно понравиться»); это может быть и субъективное мнение, однако, если участник процесса на момент постановки задачи знает, что используется именно такой критерий оценки, то он будет стремиться получить обратную связь в процессе выполнения работы, например, задача — рассмотреть уголовное дело не позднее 20 января, критерий — «доверить мне конкретную работу»).

Достижимость. В рамках обозначенной темы рассмотрим эту проблему на примере организации своевременного обжалования государственными обвинителями решений суда первой инстанции. При постановке задач сотрудникам прокуратуры, которые выполняют функции государственных обвинителей, подают апелляционные представления в суд, необходимо учитывать профессиональные возможности и личностные качества участников процесса, то есть ответить на вопрос: как удержать баланс между напряженностью работы и достижимостью результата.

Вариантов решения проблемы, может быть четыре. Вариант первый: запустить механизм установки планки целей. Суть его заключается в том, чтобы ставить цели сотрудникам соответствующие их опыту и индивидуальным особенностям. При этом не должна занижаться планка и сохраняться достаточно интенсивный ритм работы. В ситуации, когда необходимо повысить общие показатели работы коллектива, к сотруднику, имеющему и без того высокие результаты, и к сотруднику, который едва поспевает выполнять имеющиеся нормы, нужен разный подход. То же можно сказать и в отношении новых сотрудников и сотрудников, которые уже давно работают в прокуратуре. Более точная трактовка слова «достижимость» применительно к контексту цели, позволяет говорить о параметре «индивидуально-достижимая», т.е. цель всегда должна бросать риск и вызов, выводить человека (помощника прокурора) из зоны комфорта и погружать его в зону роста, при этом

сохраняя способность реализоваться при приложении усилий со стороны человека (помощника прокурора).

Выделим несколько типов сотрудников в прокурорском коллективе:

- опытный сотрудник, амбициозная «звезда»;
- опытный сотрудник, инициативный, в меру амбициозный;
- опытный сотрудник, приверженец стабильности, рутины;
- давно работающий сотрудник, безынициативный, неуверенный в себе;
- новый сотрудник, только что пришедший в прокуратуру.

Очевидно, что руководитель соответствующей прокуратуры, например, областного звена, обязан таким образом подобрать и расставить кадры своих помощников, чтобы они смогли организовать своевременное принесение апелляционных представлений, не загружая при этом суды разрешением надуманных проблем.

Второй вариант — постановка цели, при которой нужно увеличить результативность деятельности, на половину приблизившись к пределу возможностей. Такая задача подойдет тем членам коллектива, которые имеют длительный опыт работы в прокуратуре, успешно справляются со своими задачами, однако не ищут новизны и не стремятся выделиться. Прямая установка на повышение продуктивности труда хотя и может вызвать некоторое сопротивление со стороны сотрудника, но вполне выполнима в силу его компетентности.

При третьем варианте установки планки целей ставится задача значительно повысить показатели работы и приблизиться к предельным показателям. Опытные и инициативные сотрудники, которые стремятся к карьерному росту, уже в силу желания добиться большего готовы к тому, чтобы работать более напряженно и достигать более высоких результатов.

И наконец, четвертый вариант — постановка цели выше предела возможностей. Как уже можно сделать вывод, такая цель подойдет наиболее амбициозным и многого добившимся членам коллектива. Эти сотрудники имеют высокие результаты работы, но для того, чтобы оставаться первыми, им также необходимо повышать планку, ставить более трудные задачи по отношению к тем, что они уже решили.

Таким образом, учитывая опыт и индивидуальные особенности личности подчиненных, можно ставить им такие цели, чтобы при довольно напряженном ритме работы они могли достигать поставленных перед ними целей.

Значимость. Это следующий критерий постановки умных целей. Размышляя над тем, обладает ли задача значимостью, нужно ответить на вопрос, зачем сотруднику прокуратуры, суда или адвокату необходимо выполнить эту задачу, то есть, почему она важна с точки зрения целей более высокого уровня (вплоть до стратегических).

При формулировке цели необходимо заранее определять, для чего необходимо её выполнение. В банальном выражении необходимо самой цели задать один

единственный вопрос: «Зачем?». Другим словом проверки корректности и правильности формулировки цели необходимо проверить это бесконечным вопросом «Зачем?». Вот Вам пример: Вы ставите себе цель — добиться неукоснительного исполнения уголовного закона путем правильной квалификации содеянного виновными. Иными словами, хочу справедливых судебных решений. При этом следует сразу же задать вопрос «Зачем?» Ответ: «Потом что-то законность приговора – первый шаг к его справедливости!» Зачем? Чтобы что-то... ПОЧЕМУ? ... и так далее. В самом конце этой цепочки должен быть примерно следующий ответ: «Потому, что именно таких судебных решений общество ждет от системы обжалования, проверки и пересмотра приговоров». Если именно это и будет сделано, общество умиротворено, мы на правильном пути.

В противном случае, если же в конце этой цепочки исполнитель может окунуться в неопределенность и возникает еще один вопрос: «А действительно ли это единственный способ достижения главной цели, нет ли иных путей ее достижения?» В данном варианте развития событий нужно срочно что-то менять в формулировке поставленной цели. Так как сходит «на нет» результат целеустановки.

Проверку первой цели можно осуществить с помощью «проверки второй цели». Если мы ее неправильно сформулируем, то и следующая цель может не пройти тест по бесконечным вопросам.

Как это работает? Рассмотрим на примере. Теоретически система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе выстроена таким образом, чтобы своевременно выявлять следственные, прокурорские и судебные ошибки, в зависимости от их сути принимать решение о пересмотре судебного решения в вариантах, предусмотренных УПК РФ. Но всегда система работает так быстро и эффективно, как это записано в законе.

Преступление совершено в условиях очевидности
 *** По делу установлено, что в ночь на 1 июля 2013 года в процессе употребления спиртных напитков между С-вой, с одной стороны, К. и Г., с другой стороны, возникла ссора. К. на почве личной неприязни стал избивать С-ву кулаками и ногами. На помощь последнему подоспел вооружившийся топором Г. Увидев, что К. повалил потерпевшую на пол и удерживает ее за руки, Г., реализуя внезапно возникший лично у него умысел на убийство С-вой, нанес ей 14 ударов топором по голове, туловищу и верхним конечностям. В результате совместных действий К. (держал потерпевшую) и Г. (рубил ее топором) наступила смерть С-вой. Причина смерти: открытая черепно-мозговая травма с множественными ранами, переломами костей черепа, разрушением головного мозга, то есть от ранений причиненных лично Г.

После того, что потерпевшая скончалась, К. отрубил топором ноги у трупа.

Совершив преступление, К. и Г. легли спать. Утром К. вызвал скорую помощь и полицию. Будучи задержанными, К. и Г. в содеянном сразу признались, под-

робно и непротиворечиво рассказали об обстоятельствах совершенного ими деяния.

Наличие вышеприведенной информации позволяло сразу сделать вывод: К. и Г., несмотря на отсутствие предварительного сговора, лишая С-ву жизни, действовали совместно: первый - держал, второй наносил удары топором по голове. Данные действия следовало квалифицировать по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Несмотря на очевидность обстоятельств дела, возбуждено оно было 1 июля 2013 года в 15.00 по ч. 1 ст. 105 УК РФ не в отношении конкретных лиц, а по факту обнаружения трупа С-вой. При этом в постановлении о возбуждении уголовного дела указано, что смерть потерпевшей наступила «от открытой черепно-мозговой травмы», иные телесные повреждения «в прямой причинной связи со смертью не стоят».

Сказанное означает, что механизм деяния, совершенного К. и Г. был понятен следователю с самого начала предварительного следствия.

1 июля 2013 года К. и Г. задержаны в порядке ст. 91-92 УПК РФ.

10 июля 2013 года строго в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона К. предъявлено обвинение в совершении убийства группой лиц, то есть преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Аналогичное обвинение было предъявлено и Г.

Первая ошибка стороны обвинения

Г. признан невменяемым, в результате чего 11 ноября 2013 года уголовное дело в отношении него было прекращено. Одновременно было принято решение продолжить в отношении Г. производство о применении мер медицинского воздействия, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ. Иными словами: С-ва лишена жизни лично Г., его действия с содеянным К. никак не связаны.

Принимая данное решение следователь, в частности, сослался на п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам краже, грабеже и разбое» суть которого: не может быть преступной группы, если один из двух обвиняемых невменяем.

Как известно, авторы данного документа исходили из модного в те годы тезиса: не может быть сговора между человеком «в здравом уме» и лицом, страдающим психическим заболеванием. При этом совершенно упускалось из вида то обстоятельство, что интеллект, страдающих психическим заболеванием, далеко не всегда уступает уровню умственного развития «здорового» человека. Скорее всего, правы те, кто считает: сговор (тем более совместные действия) «больного» и «здорового» все-таки может иметь место. Думается, что разумно было бы передать разрешение данной проблемы на усмотрение суда в каждом конкретном случае. Однако, такого доверия к профессиональным судьям в России пока нет, поэтому было принято волевое решение исходить из того: есть «больной» - нет сговора.

Вторая ошибка стороны обвинения

11 ноября 2013 года постановлением следования года уголовное дело в отношении К. по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ по вышеприведенным основаниям было прекращено.

В действиях последнего органы предварительного расследования усмотрели покушение на убийство. Сказанное означает, что по версии следствия К. лично сделал все, чтобы лишить С-ву жизни, однако свой преступный умысел до конца не довел по причинам от него независящим.

С учетом изложенных выше обстоятельств дела – квалификация абсурдная, ибо в результате только совместных активных действий К. (держал потерпевшую) и Г. (наносил удары топором по голове) смерть потерпевшей наступила практически мгновенно.

Тем не менее, уголовное преследование в отношении К. было продолжено ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, таковой была и окончательная квалификация им содеянного при направлении дела в суд соответствующим прокурором.

Первая ошибка суда

Противоречие между правильно установленными органами предварительного расследования фактическими обстоятельствами дела и квалификаций содеянного объективно препятствовали рассмотрению уголовного дела в суде. В данном случае логично выглядел бы возврат уголовного дела судом прокурору для того, чтобы последний организовал приведение квалификации содеянного в соответствии с фактическими обстоятельствами дела.

Возложенную на него функцию превентивного судебного контроля в стадии назначения судебного разбирательства суд не выполнил.

Третья ошибка стороны обвинения

В судебном заседании государственный обвинитель квалифицировал действия К. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ и просил назначить ему наказание - 9 лет 8 месяцев лишения свободы.

Вторая ошибка суда

Суд в сути дела не разобрался, поспешил согласиться с позицией обвинения, на основании названной выше нормы по приговору Белорецкого районного суда Республики Башкортостан от 10 февраля 2014 года К. осужден за покушение на убийство к 8 годам лишения свободы.

Как видим, описанное выше противоречие суд опять не заметил, хотя в данном случае логично выглядел бы возврат уголовного дела прокурору для того, чтобы последний организовал приведение квалификации содеянного в соответствии с фактическими обстоятельствами дела. Суд функцию текущего судебного контроля в стадии рассмотрения уголовного дела не выполнил.

Четвертая ошибка стороны обвинения

В апелляционном представлении от 14 февраля 2014 года этот же государственный обвинитель, ратующий за ужесточение наказания, в своем документе записал, что действия К., направленные на убийство

С-вой, не были доведены до конца, по независящим от него обстоятельствам, так как смерть последней наступила от действий Г.

Вот так: виновный сделал все, чтобы совершить убийство С-вой (повалил на пол и держал потерпевшую), а убийство, оказывается, совершил не он, другой – Г. Какое в данном случае К. имеет отношение к убийству С-вой, прокурор не поясняет.

В дополнениях к своему апелляционному представлению от 9 апреля 2014 года все тот же государственный обвинитель уже пишет: суд не учел положения закона, предусмотренные ч. 1 ст. 62, ч. 3 ст. 66 УК РФ, в силу которых размер наказания, назначенного К., не мог превышать 7 лет 6 мес. лишения свободы.

Третья ошибка суда

Суд апелляционной инстанции, признав в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание наличие у К. заболевания, в соответствии с ч. 1 ст. 62, ч. 3 ст. 66 УК РФ снизил ему наказание до 5 лет 5 месяцев лишения свободы.

Суд второй инстанции в очередной раз не заметил имеющиеся по делу противоречия, уголовное дело прокурору для организации приведения квалификации содеянного в соответствии с фактическими обстоятельствами дела не направил. Суд функцию последующего судебного контроля в стадии рассмотрения повторного рассмотрения уголовного дела не выполнил.

Исправление ошибок, допущенных следователями, прокурорами судами

10 июля 2014 года заместитель прокурора Республики Башкортостан внес в президиум Верховного Суда Республики Башкортостан кассационное представление, заявил, что:

- содеянное К. следует квалифицировать по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ;

- с учетом данной квалификации ему должно быть назначено суровое наказание.

С учетом изложенного автор кассационного представления просил все судебные решения отменить, возратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий к рассмотрению в суде.

Постановлением президиума Верховного Суда Республики Башкортостан данное представление удовлетворил.

Результат, уголовное дело в отношении К. через Белорецкий районный суд было возвращено Белорецкому межрайонному прокурору, который в соответствии с указаниями заместителя прокурора Республики Башкортостан направил его в соответствующий следственный отдел СК РФ.

По приговору Верховного суда Республики Башкортостан от 30 марта 2015 года К. осужден по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 годам лишения свободы. Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставлен без изменения.

Итак, что specific (конкретно) необходимо было достигнуть в рамках работы первого элемента системы обжалования, проверки и пересмотра приговора в

отношении К. - апелляции? Очевидно, что исправить бесспорную ошибку. Масштаб (measurable) ее измерения – единица или 100% отмена с оперативным возвращением уголовного дела прокурору. Очевидно также и то, что цель изначально была attainable, achievable (достижимой). Проблема для всех участников процесса relevant (актуальна). Процесс был time-bound (ограничен во времени) одним производством.

Как видим первый элемент системы не сработал. Причин несколько. Вот некоторые из них: недостаточный уровень государственного обвинителя и его руководителя, инфантильность потерпевших, недостаточный уровень квалификации судей, рассматривавших дело во второй инстанции.

В тоже время, сработал второй уровень защиты – эффективно сработал суд кассационной инстанции, пусть и с некоторым запозданием, но по делу все же был постановлен справедливый приговор.

Lifhacking в уголовном процессе

Lifhacking (лайфхак) — термин из IT-лексикона. Он соединяет в себе понятия life (жизнь) и hack (взлом). Наиболее близки русские эквиваленты: «смекалка», «рецепт», «находка», маленькая хитрость, уловка, если более серьезно, то - полезный совет, помогающий решать различные проблемы, в нашем случае в уголовном процессе, экономя тем самым время и ресурсы. Фактически lifhacking - набор методик и приёмов «взлома» традиционной процессуальной жизни, упрощения процесса для достижения поставленных его субъектом целей при помощи хитрых трюков. Обычно лайфхакер ничего нового не создаёт, он использует уже существующие методики, апробированные его коллегами.

Пример. Хорошо продуманный процессуальный саботаж со стороны защиты. Результат: сильно затянулось ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела. Более того, с учетом информации, полученной следователем в этой стадии, обозначилась необходимость срочно «перепредъявить» обвинение. На проведение данного следственного действия адвокаты не явились, поскольку истекал максимально возможный срок содержания обвиняемых под стражей, то они прислали ходатайства об их подзащитных. Каково же было удивление адвокатов: следователь принял нестандартное решение (лайфхак): направил уголовное дело прокурору с обвинительным заключением. Итог: прокурор возвратил уголовное дело для проведения дополнительного расследования, предварительно озаботившись проблемой продления срока содержания обвиняемых под стражей. Обвинение успешно было «перепредъявлено», дело в очередной раз ушло в суд. Выигрыш адвокатов весьма сомнителен, у противной стороны появилось право на профессиональную месть.

Процессуальный лайфхакинг - набор полезных, зачастую примитивных советов, позволяющих с меньшими затратами быстро решать различные процессуальные задачи.

Пример: Следователь поленился подшить последние листы дела, тем не менее, передал его для ознакомления адвокату. Последний «съел» время, отведенное следовате-

лем на данное процессуальное действие, но к материалам дела не притронулся. На вопрос следователя: «В чем дело? Адвокат преспокойно отвечает: «Жду, когда вы выполните закон, предоставите мне дело полностью «подшитым», «пронумерованным» и с описью всех документов».

Инструменты лайфхакинга: смекалка, мнемотехника, карты памяти, управление временем, социальная инженерия.

Использование удаленных ассистентов: следователь, используя личный авторитет, поручает проведение второстепенных следственных и процессуальных действий сотрудникам оперативных служб.

Scrum

Scrum (скрам) — это гибкое управление проектами, предсказуемые процессы создания продуктов, эффективная работа команд и коллективов. Не знать о Scrum невозможно.

Всем известен Agile (аджайл) гибкие подходы к управлению. Scrum — практическое воплощение Agile-принципов. Это подход, позволяющий, по словам его создателя Jeff Sutherland, делать в два раза больше за вдвое меньшее время. Scrum - революционный метод управления проектами.

Scrum появился около 20 лет назад как эффективный метод увеличения продуктивности при разработке программного обеспечения – разновидностью которого является планирование предварительного расследования, судебного разбирательства, организации работы системы обжалования, проверки и исправления процессуальных решений.

Планомерное управление проектом предварительного расследования сверху вниз создаёт иллюзию контроля и уверенности в процессе работы, однако на самом деле результат непредсказуем.

Пример. Уголовное дело в отношении С. Несмотря на наличие подробных планов, сроки производства были сорваны, сотрудники полиции были разочарованы, ощутив бесполезность своей деятельности, а обвиняемых поспешили освободить из-под стражи.

Бюрократия от следствия первым делом берётся выстраивать процессы, считая, что неорганизованность — корень всех проблем. Но если этот корень и существует, то это следователи, недовольные своей работой, игнорирующие добываемые ими доказательства всё портят.

Scrum — это про талантливых следователей, а не про формальное соблюдение стройных процессуальных схем. Важно в центр расследования поставить именно талантливых следователей, а не их начальников, уповающих на всемогущество процессуальной формы.

Scrum — это про смысл, а не про создание максимума бумажек ради создания максимума бумажек.

Чтобы сделать хороший продукт уголовное дело, имеющее судебную перспективу, нужно работать, созидать, решать проблемы, придумывать и реализовывать идеи. Всё, что отвлекает от этого, — мусор. Нужно выстроить такие отношения с участниками процесса, чтобы они постоянно участвовали в вашей работе, понимал перспективу получения именно устраивающего их продукта.

Scrum — это про понимание и сотрудничество, все со всеми: следователей с адвокатами, следователей с прокурорами, следователей с судом. Не нужно обмениваться бесконечными и безжизненными бумажными требованиями и условиями. Идеальная ситуация, когда вы являетесь добрыми и понимающими партнёрами, соратниками, работающими для достижения, в конечном счете, одной цели. Постройте такие отношения, в которых никакой из сторон не нужно будет защищаться.

Scrum – план не должен превращаться в религию, его нужно своевременно изменять. Говорят, самое страшное — всю жизнь расследовать уголовные дела, судебная перспектива которых стремится к «0».

Классический пример – дело С. Долго, на уровне МВД РФ, разрабатывали операцию, объявили раскрытия хищений на миллиарды, но потом выяснилось, что судебных перспектив у этого дела нет. Виной тому не только грандиозные планы, составленные на старте, но и точное следование им на протяжении десяти месяцев. План оказался ошибочным, следователи «остались у разбитого корыта».

Scrum — это наука и смысл, а не вера и необоснованные надежды. Должности и титулы не важны — важно то, что вы делаете. Чем выше уровень начальника, тем меньше он знает непосредственно об уголовном деле – продукте, тонкостях работы, возможностях органов предварительного расследования. Современный подход к управлению: начальники не особо нужны, иерархии стираются, организации делаются плоскими.

Scrum — это доверие, а не про силу и насилие.

Классические начальники созданы для контроля и репрессий. Если же коллектив состоит из увлечённых профессионалов, которым доверяют и которые занимаются непосредственно созданием ценности, то им не нужен начальник-надсмотрщик с красивым, но бесполезным титулом.

List of references

1. *Sklyarenko M. V.* System of appeal, check and review of judgments in criminal procedure of Russia: statement of a problem, determination of methods of a research//Bulletin of the Moscow university Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 10. Page 116-120.
2. *Sklyarenko M. V.* Basic characteristics of system of appeal, check and review of judgments in criminal procedure of Russia: scientific novelty of the declared perspective, the questions submitted for discussion of scientific community//the Bulletin of the Moscow university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2013. No. 11. Page 131-136.
3. *Sklyarenko M. V.* To a question of basic criteria of system effectiveness of checking instances//the Bulletin of the Moscow university Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. - No. 10. Page 258-263.
4. *Sklyarenko M. V.* System of appeal, check and review of judgments on criminal cases: refining of parameters of a research//Criminal trial. 2015. No. 1.
5. *Sklyarenko M. V.* The place and a role of the Russian appeal in system of appeal of check and review of judgments//Problems of administration of law on criminal cases in modern Russia / the Collection of scientific articles of the IV International scientific and practical conference. April 16-18, 2015. – Kursk:

УДК 34 ББК 67

The reasons and factors promoting commission of plunders with use of internet technologies

Причины и факторы, способствующие совершению хищений с использованием интернет-технологий

Eldar Oskarovich Samitov,
Associate professor of criminalistics
Kazan legal institute Ministry of Internal Affairs of
Russia, candidate of legal Sciences,
E-mail: 405515@mail.ru

Эльдар Оскарович Самитов,
Доцент кафедры криминалистики
Казанского юридического института
МВД России, кандидат юридических
наук

Sergey Yakovlevich Kazantsev,
Chief of department of criminalistics
The Kazan legal
Ministry of Internal Affairs institute of Russia
Doctor of pedagogical sciences,
candidate of jurisprudence, **E-mail:** 405515@mail.ru

Сергей Яковлевич Казанцев,
Начальник кафедры криминалистики
Казанского юридического института МВД России
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор,

Annotation. Development and improvement of computers and Internet technologies promotes growth of number of offenses with their use. Respectively ways of fight against this category of crimes have to be improved. These methods of fight have to consider conditions and the reasons of commission of crimes by means of computer technologies, measures of their prevention and to have system character.

Keywords: investigation technique crime, plunders

Аннотация. Развитие и совершенствование компьютеров и интернет-технологий способствует росту числа правонарушений с их использованием. Соответственно должны совершенствоваться способы борьбы с данной категорией преступлений. Эти методы борьбы должны учитывать условия и причины совершения преступлений с помощью компьютерных технологий, меры их предупреждения и носить системный характер.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, хищения

Хищения, совершенные с помощью компьютерных технологий, - негативная сторона научно-технического прогресса в нашей стране и во всем мире. В ходе нашего исследования мы проанализировали работы ведущих ученых, занимающихся проблемами предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: Сизова А.В. , Куликова Н.Л. , Бекназарова Б.А.

Хищения, осуществленные с помощью компьютерных технологий, очень трудно выявить из-за их высокой скрытности. Тенденция к устойчивому росту количества преступлений во многом объясняется этим обстоятельством.

В результате анализа уголовных дел можно сделать вывод, что не удается раскрыть 69% выявленных хищений, осуществленных с помощью компьютерных технологий, а случаи выявления попыток несанкционированного доступа и некорректного использования оборудования имеют несистемный характер.

Как показало проведенное нами исследование, из всего количества зафиксированных хи-

щений с помощью компьютерных технологий факты их осуществления были обнаружены следующим образом:

- в ходе плановых проверок предприятий силами службы безопасности ;
- обнаружены с помощью агентурных работников, а также в ходе оперативных мероприятий при работе с заявлениями граждан ;
- при проведении бухгалтерских, налоговых ревизий %;
- при расследовании других преступлений.

Преступление можно назвать естественным, если потерпевшему неизвестно, что он стал жертвой совершенного против него преступного посягательства. К таким преступлениям относятся, например, хищение, совершенное с помощью взлома кода доступа, совершенное с помощью компьютерных технологий и имеющее целью получение возможности для ознакомления с полученной незаконным путем информацией, находившейся в компьютере, и осуществления

операций с ее использованием. В большинстве таких случаев потерпевший не имеет никакой информации о совершенном в отношении него преступлении, которое нарушает конфиденциальность информации, так как утечка компьютерной информации незаметна, потому что она не исчезает, как, например, бумажные документы. Как правило, о совершенном преступлении знает только преступник, и поэтому такие преступления являются латентными.

Причиной, повлекшей искусственную латентность хищений, осуществленных с помощью компьютерных технологий, может, в первую очередь, являться нежелание потерпевшего (предприятия, организации, учреждения, частного лица и т.п.) сообщить в органы правоохраны о преступном посягательстве на его средства и информацию. Поводом для этого служит множество причин. Часто руководители стараются не допустить утраты своего авторитета и, как следствие, потери деловой репутации, рассекречивания в ходе следствия и судебного разбирательства системы безопасности предприятия, обнаружения собственной противоправной деятельности.

Высокий уровень искусственной латентности хищений, которые совершены с использованием интернет-технологий, во многом объясняется тем, что большинство организаций решают конфликты самостоятельно по причине того, что затраты от проведенного расследования могут быть больше суммы нанесенного вреда (извлечение файлового сервера с целью проведения аудита может остановить работу на два месяца, а это недопустимо ни для одной фирмы). Есть и другие причины отказа от проведения экспертизы, а именно - неуверенность потерпевшей стороны в том, что виновные понесут наказание и денежные средства будут возвращены, а также невысокий уровень правосознания граждан и отсутствие желания настаивать на защите своих прав и интересов на законных основаниях.

По результатам проведенных опросов было выявлено, что только 26% респондентов поставят в известность правоохранительные органы о факте хищения, а остальные респонденты мотивировали свой отказ обращаться в полицию опасением антирекламы. Отсутствие уголовного преследования подталкивает злоумышленников к противоправным действиям, поскольку они уверены в своей безнаказанности.

Латентность хищений, совершенных с использованием интернет-технологий, связана с объективными и с субъективными возможностями сотрудников правоохранительных органов. Зачастую они не способны обеспечить быструю реакцию на постоянное увеличение объема оперативных сведений о кражах с использованием современных технологий, которые они обязаны

обработать за короткое время. Это связано с отсутствием специальных технических знаний и профессиональных навыков работы на компьютерно-технических устройствах.

Ограничение ресурсов вынуждает правоохранительные органы не реагировать на большое количество сигналов о преступлениях, которые вследствие этого остаются незамеченными.

К подобной разновидности латентности можно также отнести недостатки статистических учетов. Например, кражи, которые были совершены с использованием интернет-технологий, в банковских учреждениях часто учитываются как правонарушения в кредитно-финансовой среде, что не позволяет увидеть истинное состояние дел в сфере применения высоких технологий.

Также необходимо остановиться на фактах покушений, о которых сотрудники правоохранительных органов были извещены, но из субъективных соображений не берут их в учет. Подобные случаи могут происходить из желания создать видимость отсутствия уголовных преступлений в определенном районе, городе или области с помощью манипуляций со статистикой. В отдельных случаях совершенные преступления могут скрываться с корыстными целями и из личного интереса.

Отдельные авторы обозначают и прочие причины латентности краж, которые были совершены с использованием интернет-технологий. Это связано с когнитологическим аспектом и сопутствующей этому энтропией (отсутствием определенности вследствие недостатка знаний) сотрудников, которые должны обеспечивать защиту технической информации в компьютерных автоматизированных системах, а также многих юристов, включая тех, кто работает в правоохранительных органах, которые должны вести профессиональную борьбу с преступностью.

С целью выявления реальной криминогенной ситуации в государстве, помимо изучения официальных статистических данных, можно также применять дополнительную информацию из различных источников. Такими источниками могут стать виктимологический мониторинг, то есть опрос людей, ставших жертвами преступных деяний; самоотчеты преступников; заключения и экспертные оценки компетентных лиц, а также общественное мнение об уголовной ситуации в стране и эффективности правоохранительной системы.

Государство одновременно решает проблемы модернизации и постмодернизации с учетом активных компонентов классического общества, которые проявляются в различных ситуациях общественной жизни. К примеру, постмодернизация проявляется в частом использовании компьютерных систем, а этапам предыдущих стадий развития свойственно примитивное хи-

щение и низменные мотивы. Условия информационного социума формируются за счет ответственности организаций. Органическая информационная среда способствует неотъемлемому формированию ответственности, в то время как современное и классическое общество препятствуют ее формированию.

Одна из причин воровства, произошедшего с применением интернет-технологий, состоит в аномии и слабости моральных норм. Отсутствуют необходимые нравственные образцы, а общепринятые стандарты поведения часто не соответствуют требованиям информационного социума.

Решение этой проблемы возможно с применением этического кодекса компьютерного сообщества, поскольку он сможет закрепить правила использования компьютерной информации, сформировать азы корпоративной морали, а также информационной ответственности фирм.

Проблема сбережения интеллектуальной собственности Microsoft.

Поскольку цены на лицензионные программы достаточно высокие, у среднестатистического российского пользователя отсутствуют моральные преграды перед скачиванием «пиратских» программ, которые стоят намного дешевле.

Ответственность зависит от интересов социума, а потому проявление безответственности может выявляться в буквальном соблюдении формальных норм, которое подрывает глобальные интересы социума.

В условиях неопределенности расплывчатые нормы будут более предпочтительными, поскольку конкретные нормы могут причинить существенный ущерб социуму. Несвоевременная излишняя кодификация опасна так же, как и нехватка стандартизации норм в благоприятных для этого условиях.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что самые распространенные причины и условия для совершения хищений, произошедших с применением интернет-технологий, заключаются в:

- информационном развитии общества;
- отсутствии либо неэффективности средств информационной защиты;
- отсутствии служб, которые обеспечивали бы информационную безопасность;
- высокая латентность правонарушений этого вида, которая позволяет преступникам

уходить от наказания и осуществлять новые противозаконные посягательства.

Социальные причины совершения компьютерных преступлений заключаются в аномии, транзитивности российских граждан, а также расхождении стадий морального развития и научного.

List of references

1. The comment to the Criminal code of the Russian Federation / отв. edition V. M. Lebedev. М.: Юрайт, 2014. - 187 pages.
2. The comment to the Code of criminal procedure of the Russian Federation. 6th prod., reslave. and additional. edition I.L. Petrukhin. М.: «Velb», «Prospectus», 2008. - 381 pages.
3. The comment to the Code of criminal procedure of the Russian Federation. 2nd prod. / отв. edition A.Ya. Sukharev. М.: NORM, 2014. - 227 pages.
4. Commissioners V. I. Pravomernost and validity of presentation for an identification//Socialist legality. 1978. No. 2. – page 59;
5. Constitution of the Russian Federation. The comment / Under a general edition B. A. Topornina, Yu.M. Baturina, R. G. Orekhova. М.: «Legal literature», 1994. - 133 pages.
6. Korotkov A.P., Timofeev A.V. 900 answers to questions of public prosecutor's and investigative workers on application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Comment. М.: «Examination», 2004. - 187 pages.
7. Simonov V. I. Modern questions of criminal legal proceedings and criminalistics in the conditions of scientific and technical progress. Moscow, 2013. Page 27-29.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2014. -187с.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 6-е изд., перераб. и доп. / отв. ред.И.Л. Петрухин. М.: «Велби», «Проспект», 2008. -381с.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. / отв. ред. А.Я. Сухарев. М.: НОРМА, 2014. -227с.
4. Комиссаров В.И. Правомерность и обоснованность предъявления для опознания // Социалистическая законность. 1978. № 2. – с. 59;
5. Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под общ. ред. Б.А. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М.: «Юридическая литература», 1994. -133с.
6. Коротков А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ. Комментарий. М.: «Экзамен», 2004. -187с.
7. Симонов В.И. Современные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях научно-технического прогресса. Москва, 2013. С. 27-29.

Construction of the victim in the criminal procedure law: adoption of a new paradigm in the context of the basic rights of individuals

Конструкция потерпевшего в уголовно-процессуальном законе: утверждение новой парадигмы в контексте основных прав личности

Vladimir Ivanovich Chervonyuk,
doctor of jurisprudence, the professor, the professor of chair of the constitutional and municipal law of Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya.Kikot

Владимир Иванович Червонюк,
доктор юридических наук, профессор (кафедра конституционного и муниципального права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Annotation. Development and improvement of computers and Internet technologies promotes growth of number of offenses with their use. Respectively ways of fight against this category of crimes have to be improved. These methods of fight have to consider conditions and the reasons of commission of crimes by means of computer technologies, measures of their prevention and to have system character.

Keywords: investigation technique crime, plunders

Аннотация. Развитие и совершенствование компьютеров и интернет-технологий способствует росту числа правонарушений с их использованием. Соответственно должны совершенствоваться способы борьбы с данной категорией преступлений. Эти методы борьбы должны учитывать условия и причины совершения преступлений с помощью компьютерных технологий, меры их предупреждения и носить системный характер.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, хищения

Положения статей 2, части 4 статьи 15, статей 18, 52, части 2 статьи 123 Конституции РФ, а равно части 1 статьи 6 и статьи 15 УПК РФ являются основополагающими началами, согласно которым должна выстраиваться юридическая конструкция потерпевшего в процессуальном законодательстве. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» действительно способствовал усовершенствованию данной конструкции: это новая редакция положений части 1 ст. 42 УПК РФ о том, что «решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела...», уточненная редакция пунктов 13 и 14 части второй ст. 42, включение в эту же часть пункта 21.1 (уточненного Федеральным законом от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ, а также введение данным Законом в ст. 42 части 5.1, позволившей заявить процессуалистам о новом институте - получении потерпевшим информации об отбывании осужденным наказания), совокупно представивших «новые» права потерпевшего. Вместе с тем распространенный в официальных документах вывод о том, что «внесенные изменения, наделяющие потерпевшего правами, соотносятся с правами обвиняемого и подозреваемого», представляется преждевременным. Анализ проблемы убедительно доказывает, что даже с учетом последних, действительно кардинальных изменений статьи 42 УПК РФ, юридическая

конструкция потерпевшего, с точки зрения фундаментальных начал уголовного судопроизводства, выглядит далеко не совершенной. Существовавшая длительное время асимметрия прав (и процессуальных гарантий) потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого) сохраняет свою остроту и не соответствует конституционно закрепленным фундаментальным началам уголовного процесса.

Отмеченный вывод следует признать справедливым применительно ко всем видам уголовно-процессуальных производств. В то же время особую остроту институт потерпевшего приобрел в связи с применением т.н. целерантных производств, что может быть проиллюстрировано на примере включенной в УПК РФ Федеральным законом от 29.06.2009 г. № 141-ФЗ, главы 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Согласно ее положениям потерпевший фактически не участвует в процессе, а термины «потерпевший», «гражданский истец» в лексике данной главы не используются. Среди участников заключаемого соглашения о сотрудничестве закон не указывает на потерпевшего, в то время как согласно ч. 2 ст. 123 Конституции судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а в соответствии со ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, стороны обвинения и защиты равны перед судом. В силу ч. 1 ст. 6 УПК назначением уголовного судопро-

изводства является в первую очередь защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления. Очевидно, что пренебрежение мнением потерпевшего относительно заявленного ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве нарушает уголовно-процессуальные принципы и конституционные права граждан.

В соответствии с положениями главы 40.1. Закон не обязывает орган предварительного расследования уведомлять потерпевшего о предъявлении обвиняемому обвинения, между тем как в соответствии с ч. 2 ст. 215 УПК следователь обязан уведомить потерпевшего и его представителя об окончании следственных действий. По ходатайству этих лиц следователь знакомит их с материалами уголовного дела, в том числе с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого. Иная позиция законодателя и правоприменительной практики входит в явное противоречие с фундаментальными правами лиц, потерпевших от преступления, в частности, правом на доступ к правосудию, правом на справедливое судебное разбирательство и др. положениями Конвенции о защите прав и основных свобод человека.

Конструктивное несовершенство процессуальных норм применительно к целерантным (компромиссным) производствам влияет (а по сути, предопределяет) и формирование правовых позиций высших судов в данном вопросе. Так, давая разъяснения судам Российской Федерации по поводу единообразного применения положений главы 40.1 УПК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в пункте 1 Постановления от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» напоминает судам, что при проведении судебного разбирательства и постановлении приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежат соблюдению общие для всех форм уголовного судопроизводства принципы осуществления правосудия. В Постановлении констатируется о недопустимости понижения уровня гарантий прав и законных интересов участников судебного разбирательства, установленных в том числе главой 40.1 УПК РФ. Однако пункт 12 Постановления императивно предписывает судам: «Неявка потерпевшего, его законного представителя, представителя, а также гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей в судебное заседание без уважительных причин при условии их надлежащего извещения не является препятствием для рассмотрения уголовного дела». Из пункта 13 Постановления следует, что возражение потерпевшего (его законного представителя, представителя), гражданского истца и его представителя против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, само по себе не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке.

Позиция Верховного Суда РФ солидаризуется с правовыми позициями Конституционного Суда РФ. В частности, согласно определению Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1481-О-О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» само по себе законодательное установление процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве не ограничивает доступ потерпевших от преступления к правосудию и не снижает гарантии защиты ими своих прав и свобод, а часть вторая статьи 317.6 УПК Российской Федерации не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителей. По мнению Суда, нормы главы 40.1 УПК Российской Федерации не предусматривают участие потерпевшего или гражданского истца в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и не ставят в зависимость от его волеизъявления саму возможность использования данного соглашения по уголовному делу и назначения более мягкого наказания лицам, содействовавшим следствию. Такое ограничение прав участников уголовного процесса, признанных потерпевшими или гражданскими истцами по уголовному делу, допускается в целях защиты прав и законных интересов других лиц и организаций от преступлений, возмещения причиненного вреда, восстановления конституционных прав и свобод, что соответствует конституционно оправданным целям (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации, пункт 1 части первой УПК Российской Федерации). Суд считает, что оспариваемая заявителями часть вторая статьи 317.6 УПК Российской Федерации действует в нормативной связи со статьей 317.7 данного Кодекса, предусматривающей, что судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном статьей 316 данного Кодекса, с учетом требований статьи 317.7. Таким образом, конституционность статьи 317.6 УПК РФ, можно сказать, «забронирована» федеральным органом конституционного контроля.

Уместно заметить, что новая редакции п. 14 ч. 2 ст. 42 УПК РФ (введенная федеральными законами от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ и от 30.03.2015 г. № 62-ФЗ) закрепляет право потерпевшего лишь возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а не давать согласие на осуществление такого рода особого порядка принятия судебного решения. Исходя из текста новой части (ч. 4) ст. 219 УПК РФ обвиняемым может быть заявлено ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства; при этом положения части 4 ст. 42 обязывают следователя (дознателя и др.) лишь уведомить потерпевшего о заявленном ходатайстве, разъяснив ему право представить в суд свои возражения. Как представляется, отмеченная конструкция части 4 ст. 319 УК РФ равносильна отсутствию у потер-

певшего права на отказ от дачи согласия обвиняемому на заявление ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства

Очевидно, что определенные «извинительные обстоятельства» для формирования отмеченных позиций как законодателя, так и высших судов могут быть найдены, если принять во внимание «ярко выраженную публично-правовую направленность института досудебного соглашения о сотрудничестве». Однако такое допущение входит в явное противоречие с положениями пункта «b» статьи 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года, который гласит: «Следует содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв путем обеспечения возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно соответствующей национальной системе уголовного правосудия».

Оценка состояния проблемы с учетом практики применения компромиссных производств указывает на то, что процессуальная конструкция потерпевшего отличается существенными неточностями. При этом, как представляется, даже «революционные» уточнения статуса потерпевшего, связанные с введением в действие Федерального закона от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ, не могут придать этой конструкции совершенного характера. Основным изъян, который по-прежнему отличает конструкцию, заключается в том, что закрепленное в ст. 42 УПК РФ понятие потерпевшего, по нормативному объему не сопоставимо с международно-заданными и конституционно закрепленными императивами. Законодатель, равно и правоприменительная практика, не учитывают то обстоятельство, что данная конструкция имплицитно содержит в себе как отраслевые процессуальные права, так и основные, которые современной доктриной конституционализма квалифицируются как основные (конституционные) процессуальные права. Соответственно уголовно-процессуальное понятие потерпевшего не соответствует закрепленному в ст. 52 Конституции РФ понятию «потерпевшие от преступлений» (равно как и содержащемуся в материально-правовых нормах Особенной части УК РФ понятию «пострадавшие от преступления»); последнее по своему значению значительно более содержательно, отличается большим нормативным объемом, более всего отве-

чает международно-правовым аналогам, в частности, понятию «жертвы преступления».

В этой связи решением проблемы, как представляется, может быть связано с имплементацией конституционно-правового понятия (и содержащегося в нормах международного и европейского права его аналога) в отраслевое процессуальное законодательство. Технико-юридическим способом решения проблемы могло бы стать инкорпорирование действующим отечественным процессуальным законодательством и уголовно-процессуальной практикой, получившего широкое распространение в международном законодательстве и международной практике, а также в иностранном законодательстве (законодательстве некоторых зарубежных стран) понятия «жертвы преступления»; применение такого понятия покрывает все возможные ситуации, в которых могут оказаться пострадавшие от преступлений.

При таком подходе принципиально изменяется отношение к процессуальной фигуре потерпевшего. Как точно замечено, «признание гражданина, пострадавшего от преступления, потерпевшим объясняется не столько формальными требованиями закона, но прежде всего тем, что «такое объективное явление, как преступление, порождает объективное следствие – потерпевшего» (А.Н. Красиков). Следовательно, уже в момент совершения преступного посягательства пострадавшее от преступления лицо имплицитно, в силу конституционной правосубъектности, приобретает основные (конституционные) процессуальные права, а отсюда – и конституционно-правовую защиту со стороны государства. Возникновение уголовно-процессуального правоотношения производно от данного обстоятельства. В этом случае обязанностью (не правом) следователя, дознавателя, судьи (или суда) является принятие решения, удостоверяющее данный факт. Тем самым гарантируются, вытекающие из Конституции необходимые процессуальные гарантии правовой защиты пострадавшего от преступления.

Таким образом, принятие во внимание законодателем этого фундаментального уточнения, на наш взгляд, придаст действительно реальный характер содержащейся в статье 52 Конституции Российской Федерации конституционной формуле: «Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». И в конституционно-правовом значении, и с позиции уголовно-процессуального права отмеченная новация, думается, будет способствовать уравниванию положения потерпевшего с «виновной стороной», а значит, предоставлению ему реального доступа к правосудию.

Criminal policy in the fight against organized economic crimes involving corruption: its essence and contents

Уголовно-правовая политика в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией: ее сущность и содержание

Ravil Shajhlijanovich Shegabudinov,
candidate of legal sciences

Равиль Шайхлисланович Шегабудинов,
кандидат юридических наук

Annotation. This article discusses topical issues related to the implementation of the criminal policy in the fight against organized economic crime and corruption. The author at the same time expressed his vision on how to deal with them.

Keywords: criminal policy; opposition; organised economic crime involving corruption; the essence of criminal policy; the content of criminal policy; the prospects for its development

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с реализацией уголовно-правовой политики в области борьбы с организованной экономической преступностью и коррупцией. Автор одновременно высказывает свое видение о путях их решения.

Ключевые слова: уголовная политика; противодействие; организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией; сущность уголовной политики; содержание уголовной политики; перспективы ее развития

Уголовно-правовая политика, выступая составной частью социальной политики государства, способствует реализации государственной стратегии обеспечения экономической безопасности отраслей (сфер) экономики от преступных посягательств и, прежде всего, от криминальных проявлений организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией.

Как нам представляется, основными ее индикаторами на сегодня являются: 1) эффективность нормотворческой деятельности в рассматриваемом направлении; 2) результативность при нынешних условиях правоприменительной деятельности правоохранительных органов. По ним можно судить, насколько действующее уголовное законодательство отвечает реалиям сегодняшнего дня с точки зрения снятия напряженности в сфере экономики.

Следует отметить, что социально-экономическая политика, реализуемая в стране, носит социально ориентированный характер. Она преследует цель создания благоприятных условий для развития бизнеса и предпринимательства. От уровня их устойчивости во многом зависят возможности государства в повышении благосостояния населения. К сожалению, финансовый кризис в стране заставляет сворачивать отдельные федеральные и региональные целевые программы, что, безусловно, создает социальную напряженность в обществе¹. Чтобы как-то минимизировать возможные негативные последствия кризиса, Правительством РФ была принята ан-

тикризисная программа². Согласно этому документу государство будет оказывать финансовую поддержку в первую очередь кредитным учреждениям, малому и среднему бизнесу.

На фоне некоторого осложнения экономической ситуации криминальные структуры предпринимают меры для того чтобы воспользоваться такой обстановкой в своих корыстных целях. Мы полагаем, что в сложившихся условиях следует удерживать некий баланс между социально-экономической и уголовной политикой. Последняя должна попытаться снять накал напряженности. В этом контексте уголовная политика выступает неотъемлемой частью социально-экономической политики³, генеральным направлением которой выступает обеспечение экономической безопасности от криминальных посягательств. Многочисленные внутренние и внешние угрозы создают опасность социально-экономической и финансовой стабильности⁴. К числу такого рода угроз Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения), одобренная указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608, относит: увеличение имущественной дифференциации населения и уровня бедности; деформированность структуры российской экономики; возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов; криминализация общества и хозяйственной деятельности. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 31 декабря

2015 г. № 683, одним из источников угроз называет организованную преступность и коррупцию. Учитывая данное обстоятельство, противодействие этим явлениям⁵, на наш взгляд, выступает в качестве стратегического направления уголовной политики.

В частности, проблемы, связанные с уголовной политикой, в сфере борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, интересуют автора настоящей статьи давно⁶. Как нам представляется, суть данной проблемы заключается в определении приоритетов уголовной политики исходя из реально складывающейся криминологической обстановки. Чтобы устранить существующие расхождения, необходимо провести углубленный криминологический анализ ситуации с последующим составлением прогноза развития указанного вида преступности. Генеральное направление (стратегическая установка) уголовной политики, определяемое без учета данного положения, не дает, на наш взгляд, желаемого результата в случае его реализации. Примером может послужить законотворческая и правоприменительная практика в свете реализации Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, которая была принята в 2009 г.⁷ Разумеется, данный документ наряду с отдельными недостатками преследовал далеко идущие цели. Мы не сторонники, чтобы по каждому делу об экономических и коррупционных преступлениях назначали уголовное наказание в виде лишения свободы, но мы за то, чтобы интересы и собственность добросовестных предпринимателей и банкиров защищались в первую очередь. Тогда может быть создан благоприятный инвестиционный климат в России.

Глава президентской администрации Сергей Иванов, выступая на расширенной коллегии Следственного комитета, работу в сфере налоговых преступлений назвал в качестве новой задачи для следственных органов. Призвал «очищать экономику от криминала», при этом защищая интересы и собственность добросовестных предпринимателей⁸. Нельзя не заметить, что эксперты еще в 2000 г. предсказали о «дальнейшей криминализации экономики в тесной взаимосвязи с процессом криминализации власти»⁹. Спустя через 8 лет принимается Федеральный закон «О противодействии коррупции»¹⁰. Затем, несмотря на усиление криминального влияния на складывающиеся рыночные отношения в стране, в 2009 г. вместо реанимирования отдельных неработающих составов преступлений в сфере экономики принимается целая Концепция, направленная на либерализацию уголовного законодательства в сфере экономики¹¹. После этого были приняты федеральные законы, которые вносили изменения и дополнения, в том числе в Уголовный кодекс РФ. Как видим, необходимость вытеснения из сферы экономики криминальных элементов и сегодня стоит весьма остро.

Борьба с коррупцией главой кремлевской администрации названа ключевой проблемой. В борьбе с коррупцией неприкасаемых нет и быть не может,

- подчеркнул С. Иванов. Им было отмечено, что за прошлый год к уголовной ответственности за коррупционные деяния было привлечено 630 лиц, обладающих особым правовым статусом, включая сотрудников правоохранительных органов. В то же время было обращено внимание на повышение активности работы. Говоря о коррупции, выделил два обстоятельства: 1) недопустимость втягивания сотрудников правоохранительных органов в коммерческие споры (давления таким путем на бизнес); 2) необходимость выявления по каждому делу о коррупционном преступлении обстоятельств, способствовавших его совершению. Тем самым, по мнению главы президентской администрации, минимизируются предпосылки для коррупции¹².

Как нам представляется, успешное решение двух взаимосвязанных задач, о которых ведет речь глава кремлевской администрации (декриминализация экономики и противодействие коррупции), немисливо без отвечающей современным реалиям уголовной политики. Для этого нужна целостная концепция¹³. Уже в этом плане предпринимались меры¹⁴. В частности, был разработан проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации (2012 г.). Однако он не нашел поддержку среди научной общественности, был отклонен. Думается, что Концепция сконструирована с научных позиций и неплохо. Структурными ее элементами составили: сущность уголовно-правовой политики, ее цели и задачи, основные направления и приоритеты, а также критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств средствами уголовного законодательства.

Несмотря на такой исход анализируемого документа, следует отметить одно немаловажное обстоятельство: мало кто из числа научной общественности высказывает свое сомнение в необходимости принятия такого рода документа. Другое дело, как нам представляется, для этого пока что не «созрели» в должной мере условия.

Возвращаясь нашим суждениям, связанной с современной уголовной политикой, отметим несколько принципиально важных, на наш взгляд, положений¹⁵, а именно:

- тесную связь между модернизацией уголовной политики и складывающейся криминогенной ситуацией в экономической сфере. На фоне финансового кризиса в стране такая связь ощущается весьма остро. Думается, что политика явно отстает от реальной жизни;

- стратегическая цель уголовной политики – снижение организованной экономической преступности и коррупции¹⁶ до социально приемлемого уровня. Криминологи и правоведы справедливо утверждают, что полностью очистить экономику от криминального влияния не удастся, ибо с переходом к рыночным отношениям появились новые причины и условия,

способствующие его усилению. Названная цель вполне достижима, если уголовная политика будет реализовываться в тех формах, которая отражает цель самой политики;

- упреждающая рассматриваемый вид преступности функция политики должна выступать приоритетной, нежели уголовная репрессия (всеобщая криминализация экономических отношений). В то же время мы не являемся сторонниками либерального подхода к уголовной политике¹⁷, когда существующая норма уголовного закона несовместима с тяжестью последствий;

- отсутствие единой правоприменительной практики в части, касающейся преступлений в сфере экономики. Складывается парадоксальная ситуация, когда судебнo-следственная практика по-разному складывается в регионах, хотя казалось бы одно уголовное законодательство. Только лишь сами правоприменители его нормы трактуют по-своему. В результате на сегодня имеем достаточно много норм Уголовного закона, которые просто не работают в интересах прав добросовестных собственников и предпринимателей;

- ключевой проблемой, на наш взгляд, остается необходимость создания системы единой политики в сфере борьбы с преступностью¹⁸. В настоящее время ученые в области права утверждают о наличии таких составных ее частей, как криминологическая, административно-правовая, уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная, оперативно-розыскная политика¹⁹. Отсюда возникают вопросы: как их совместить в одно целое; какая из них является главенствующим; какие критерии их разграничения; какова сущность и содержание каждого из них? На наш взгляд, названные вопросы требуют углубленного изучения, чтобы ответить на них аргументированно.

Приведем одно определение уголовной политики. Вопрос дискуссионный, в настоящее время среди правоведов нет единства во мнении. Так, Г.Ю. Лесников в автореферате докторской диссертации пишет: уголовная политика – это «система мер правового, организационного и иного (внеправового) характера, направленная на разработку комплексных программ предупреждения и борьбы с преступностью, ресоциализации преступников, занимающая особое место в системе государственной власти России, позволяющая осуществлять мониторинг и составлять краткосрочные и долгосрочные прогнозы преступности»²⁰.

Используя высказанные нами положения, хотим прокомментировать приведенное определение уголовной политики. Во-первых, автор рассматривает как систему мер. Думается, что такой подход наиболее продуктивный. Во-вторых, почему то он в эту систему включает правовые и внеправовые меры, ставая под сомнение относительной самостоятельности этой политики. Складывается впечатление, что таким образом отождествляется уголовная политика с политикой единой политикой в сфере борь-

бы с преступностью. В-третьих, не совсем логично, когда мониторинг и указанные виды прогнозов отделены от организационных мер. В то время как теория управления их также относит к числу элементов организации. Более того, эти элементы, исходя из приведенного определения, должны стать базовыми, ибо на их основе и разрабатывается комплексная программа предупреждения и борьбы с преступностью. Наконец, в-четвертых, разработка такой программы не цель уголовной политики, а средство ее реализации (если хотите инструментарий).

Не вдаваясь в дискуссию, приведем еще одну дефиницию. Уголовная политика – это крупномасштабная деятельность государства стратегического характера по обеспечению безопасности граждан, общества и самого государства от криминальных посягательств²¹.

Обращает на себя внимание и то, что неизмеримо возрастает необходимость разработки новой концепции уголовной политики, ориентированной, в первую очередь, на приоритетную защиту интересов и собственности добросовестных инвесторов и предпринимателей. В современных условиях она должна стать стратегией уголовной политики.

К сожалению, «состояние и тенденции современной уголовной политики в России свидетельствуют о ее системном кризисе»²². Далее отмечается, «это находит подтверждение, в том числе, в неприемлемой, как представляется, стратегии «сдерживания преступности» путем безграничной либерализации и псевдогуманизации уголовной ответственности за счет необоснованной полной либо частичной декриминализации преступлений, ранее традиционно признаваемых опасными, искусственного занижения уровня общественной опасности многих уголовных деяний (особенно в сфере экономики)»²³.

Разделяя высказанное мнение, обозначим некоторые обстоятельства, указывающие на кризисное состояние современной уголовной политики. К их числу, в частности, мы относим:

- излишнюю либерализацию уголовной ответственности за преступления в сфере экономики, включая налоговые²⁴;

- дальнейшую криминализацию экономических отношений в первую очередь в жизнеобеспечивающих сферах (АПК, ЖКХ, потребительский рынок, социально - бюджетная сфера);

- крайне низкий уровень обеспечения возмещения причиненного преступными действиями материального ущерба. Об этом свидетельствуют хотя бы статистические данные за 2015 г. Так, общий размер причиненного материального ущерба по экономическим и коррупционным преступлениям, выявленным органами внутренних дел, составил 161 млрд 739 млн. рублей. При этом было обеспечено возмещение лишь на 47%, что составляет 76 млрд рублей.

В то же время добросовестные предприниматели, банкиры и инвесторы высказывают свое недо-

вольство в части защиты их интересов и собственности от преступных посягательств;

- отсутствие четко сформулированной стратегической цели уголовной политики²⁵. Если проанализировать правоприменительную практику через призму реализации такого принципа, как неотвратимость наказания, то сразу будет вырисовываться реальная картина, она, безусловно, удручающая, ибо вопреки провозглашенных гарантий обеспечения прав и законных интересов последние грубо нарушаются;

- наличие большой потребности в разработке и принятии Концепции уголовно-правовой политики²⁶, содержащей основополагающие идеи и положения, характеризующие цели, задачи, принципы, приоритетные направления, формы, средства и методы, используемые правоохранительными органами в борьбе с преступностью, а также критерии оценки ее эффективности;

- одностороннюю ориентированность уголовной политики. Ужесточаются виды наказаний за совершение преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска, в то же время под видом справедливости и гуманизма существенно пересматриваются уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за преступления в сфере экономики, в сторону смягчения. В последнее время частота применения судами наказания в виде лишения свободы по этим преступлениям имеет тенденцию резкого снижения. Обращает на себя внимание и то, что лица, обладавшие высоким социальным статусом, как правило, осуждаются условно.

Важно также указать, что преступления в сфере экономики и коррупционной направленности, как известно, относятся к числу высоколатентных. Значит, на их выявление и раскрытие правоохранительные органы тратят колоссальные средства. Чтобы дело довести до суда, следует еще приложить максимум усилий, ибо по таким делам оказывают противодействие как сами подозреваемые (обвиняемые), но и их окружение. При этом ими используются различные формы и методы противодействия, в том числе и противоправные. Тогда как сотрудники правоохранительных органов вправе применять для их преодоления только правовые. Как нам представляется, современная уголовная политика на эти и другие трудности и сложности не всегда реагирует адекватно.

Учитывая сложную криминогенную обстановку в кредитно-финансовой сфере, рассмотрим актуальные проблемы, связанные с противодействием организованной экономической преступности как одного из направлений уголовной политики²⁷.

Следует отметить, что наиболее значимые угрозы экономической безопасности, выявляемые посредством мониторинга оперативной обстановки, оказывают негативное влияние на финансовый сектор экономики в целом. Такого рода угрозы во многом способствуют росту теневого оборота финан-

сового сектора в результате совершаемых хищений средств кредитных организаций, незаконного обналичивания денежных средств, их конвертирования и противоправного вывода капиталов за границу, а также путем легализации преступных доходов. По мнению специалистов, неконтролируемый государством оборот огромной наличной денежной массы сопоставим с консолидированным бюджетом страны. Эта часть финансовых ресурсов, как показывает правоприменительная практика, используется для укрепления позиций криминальной среды и теневой экономики. Коррупционные связи также поддерживаются за счет этих средств. Более того, теневой оборот наличной денежной массы может подтолкнуть к повышенному спросу на недвижимость, землю, золотовалютные ценности, а это в свою очередь негативно сказывается на макропроцессах в экономике.

Даже система международных платежей, где активное участие принимают российские банки, оказалась подверженной криминальному влиянию посредством использования в ней банковских технологий для совершения манипуляций с безналичными и наличными средствами. Как известно, такая ситуация наносит существенный вред имиджу государства на международной арене.

Совершаемые в кредитно-финансовой сфере преступления в последнее время стали модернизироваться. Это явно просматривается из предпринимаемых криминально активными лицами действий: адаптация ими в корыстных целях самого механизма банковской деятельности, изобретение совершенно новых форм маскировки преступных намерений, умелое использование финансовых документов. Характерно и то, что у них на сегодня широкий арсенал средств (проникновение в систему управления кредитными и некредитными организациями, использование различных фирм-однодневок, офшорных зон).

Не безынтересны сами источники пополнения теневого оборота финансового сектора российской экономики. Вначале несколько слов о структуре теневой экономики²⁸.

Т. Корягина по результатам проведенной ею исследования доказала²⁹, что теневая экономика состоит из трех взаимосвязанных между собой секторов, а именно: 1) неофициальная экономика; 2) подпольная экономика; 3) фиктивная экономика³⁰. Под **неофициальной экономикой** автор понимает легальные виды экономической деятельности, в рамках которых имело место не фиксируемое официальной статистикой производство товаров и услуг, сокрытие этой деятельности от налогов. Что же касается **подпольной экономики**, то она, по мнению разработчика, охватывает все запрещенные законом виды экономической деятельности. Следовательно, здесь имеет место криминальная экономика, противоречащая, прежде всего, Уголовному закону РФ. Наконец, Т. Корягина предложила в теневой экономике усмотреть и фиктивную ее часть. К **фиктивной экономике** следует отнести экономику приписок, спе-

кулятивных сделок, взяточничества и всякого рода мошенничеств, связанных с получением и передачей денег; сегодня сюда следует включать и деятельность, направленную на получение необоснованных выгод и льгот субъектами хозяйствования на основе организованных коррупционных связей.

Со своей хотим высказать следующее: такое деление на сектора теневой экономики, безусловно, уместно, но между подпольной и фиктивной экономикой трудно обнаружить характерных для них отличительных особенностей, ибо оба сегмента, на наш взгляд, сильно тяготеют противоправной деятельности. При всем при этом теневая экономика существует параллельно с официальной и она обладает огромной денежной массой.

Теперь остановимся на рассмотрении некоторых источников формирования теневого оборота средств.

Незаконная банковская деятельность, как показывает многолетняя практика, выступает одним из основных элементов теневой экономики.

Теневая сторона данного вида деятельности отчетливо проявляется в следующем: лица, получившие криминальный доход либо желающие вывести свои доходы из-под налогообложения, как правило, пользуются услугами криминальных структур, специализирующихся на создании и обеспечении деятельности криминальных кредитно-финансовых механизмов (кредитные организации, фирмы-однодневки, расчетные их счета, банки Кипра, КНР, Прибалтийских государств).

Изучение многочисленных фактов обналичивания денежных средств убедительно показывает, что сложные схемы осуществления операций с использованием счетов фирм-однодневок, реквизитов несуществующих некоммерческих фондов, ломбардов, как правило, разрабатываются бывшими либо действующими сотрудниками банков. Действующие небольшие региональные банки³¹ также приобретаются в целях обналичивания средств, ибо такого рода операции преступными формированиями совершаются с использованием расчетных счетов только подконтрольных им банков.

Обращает на себя внимание и тот факт, что оформляемыми операциями имитируется активная деятельность по приобретению ценных бумаг, закупке сырья, оборудования. Чтобы избежать от ответственности, члены криминальных структур всю операцию разбивают на относительно самостоятельные этапы, действия, в рамках которых осуществляются разными банками. Здесь правоохранительные органы имеют дело с так называемыми теневыми холдингами. Практика знает случаи, когда среднемесячный объем обналичивания денежных средств составил несколько десятков млрд рублей. Подобного рода примеры были выявлены сотрудниками подразделений ЭБиПК в результате проведенного ими мониторинга и анализа криминологической обстановки. Благодаря последующему межведомственному информационному взаимодействию, организованно-

му в соответствии с принятым регламентом³², были задокументированы незаконные финансовые операции кредитных организаций.

В заключение важно отметить следующее.

Во-первых, политика в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, выступает составной частью уголовно-правовой политики. Отсюда следует, что в настоящее время как бы существует общая политика, состоящая из множества частных, содержание которых образуют относительно самостоятельные направления борьбы с преступностью. В то же время уголовно-правовая политика есть часть социальной политики государства.

Во-вторых, рассматриваемая разновидность политики является одним из направлений реализации государственной стратегии обеспечения экономической безопасности в первую очередь градо – и бюджетобразующих отраслей экономики от преступных посягательств. основным звеном уголовной политики в рассматриваемой области деятельности выступает оперативно-розыскная политика.

В-третьих, критериями эффективности уголовно-правовой политики в области борьбы с организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, выступают: 1) уровень защищенности прибыльных отраслей экономики от угроз, связанных с указанным видом преступности; 2) уровень организованной преступности в сфере экономики в целом; 3) размер ущерба, причиненного преступлениями экономической направленности, и его возмещение. Как видим, все они определяют результативность контроля над криминогенной ситуацией в сфере экономики.

В-четвертых, система обеспечения безопасности экономики страны предполагает разработку и принятие концепции, создающей необходимое условие для практического воплощения в жизнь указанной системы.

¹ Дефицит федерального бюджета составит в размере 2,8 трлн рублей. См.: Замахина Т. Идеология поправок // Рос. газ. 2015, 5 марта. № 45 (6616). С.2.

² Об утверждении Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году: распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р.

³ Мы исходим из того, что уголовная политика – это сложное многоплановое явление. В России к проблемам ее разработки правоведы обратились во второй половине XIX в. В Академии управления МВД России преподается учебная дисциплина «Уголовная политика».

⁴ Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. С. 29-33; 48-55.

⁵ Национальный план противодействия коррупции на 2016-2017 годы: Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147.

⁶ Шегабудинов Р.Ш. Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры

- борьбы с ней: монография / Р.Ш. Шегабудинов. – М.: ЮНИТ-ДАНА: Закон и право, 2010. С.214-236.
- ⁷ Поручение Президента РФ от 28 ноября 2009 г. № ПР-3169.
- ⁸ Григорьева Е., Латухина К. Следствием установлено // Рос. газ. 2015, 27 февраля. № 41 (6612). С.3.
- ⁹ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Под общ. ред. А.И. Гурова. М.: ВНИИ МВД России, 2000. С.23.
- ¹⁰ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч.1). Ст. 6228.
- ¹¹ Либерализация может привести к необоснованной полной или частичной декриминализации преступлений.
- ¹² Григорьева Е., Латухина К. Следствием установлено // Рос. газ. 2015, 27 февраля. № 41 (6612). С.3.
- ¹³ См. об этом: Эминов В.Е., Максимов С.В. Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2015. 80 с.
- ¹⁴ Иванов П.И. О концептуальных основах противодействия организованной преступности и коррупции // Актуальные вопросы теории и практики организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: Сборник научных статей. – М., 2015. Часть 2. С.92-99.
- ¹⁵ Здесь имеется в виду совокупность взглядов, представлений на существующие понятия, принципы, структуру и уровни уголовной политики.
- ¹⁶ Национальная стратегия противодействия коррупции: Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460. Содержит основные направления противодействия коррупции на долгосрочную перспективу.
- ¹⁷ Радикально-либеральный подход в уголовной политике широко обсуждается среди ученых юристов. См., например: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006.
- ¹⁸ В юридической литературе можно встретить и иные термины: «государственная политика борьбы с преступностью», «социальная политика», «правовая политика», «внутренняя политика»
- ¹⁹ Существует и иная точка зрения, сторонники которой утверждают, что уголовная политика как система включает в себя несколько элементов: 1) профилактическая политика; 2) уголовно-правовая политика; 3) уголовно-процессуальная политика; 4) оперативно-розыскная политика; 5) уголовно-исполнительная политика. См.: Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник: в 2-х ч. / под ред. заслуженного юриста РФ, докт. юрид. наук, профессора Л.И. Беляевой. Ч.1. – М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 31.
- ²⁰ Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С.5.
- ²¹ Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник: в 2-х ч. / под ред. заслуженного юриста РФ, докт. юрид. наук, профессора Л.И. Беляевой. Ч.1. – М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 25.
- ²² Винокуров С.И. Необходима смена приоритетов уголовной политики в России // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти Г.М. Миньковского): сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2014. С.57.
- ²³ Там же. С.57.
- ²⁴ На это обстоятельство обращают свое внимание многие специалисты. См.: Иванов П.И., Лобанов М.А., Шальгин П.В. К вопросу об уголовной политике современной России в сфере борьбы с налоговыми преступлениями // Уголовная политика в России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 29 ноября 2012 г.). – М., 2013. С.104-119.
- ²⁵ О введении действий перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генеральной прокуратуры и МВД Российской Федерации от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1.
- ²⁶ Предпринимались и ранее попытки подготовки подобного рода документов. Об этом см: Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990; Концепция государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью. М., 1996; Сухарев А.Я., Алексеев А.И., Журавлев М.П. Основы государственной политики борьбы с преступностью. М., 1997; Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционные, криминологические, уголовно-правовые и информационные аспекты. М., 1999; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
- ²⁷ Основные направления уголовной политики находят отражение в программах по усилению борьбы с преступностью, которые разрабатываются правительством на основании предложений правоохранительных и контрольно-надзорных органов.
- ²⁸ В экономической литературе чаще всего под теневой экономикой понимается экономическая деятельность вне рамок закона. Об этом, например, см.: Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. С.739.
- ²⁹ Корягина Т. Теневая экономика в СССР // Вопросы экономики. 1990. № 3. С.3.
- ³⁰ Цит. по учебнику: Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. С.739.
- ³¹ Со своей стороны полагаем, что подобного рода действия криминальных структур входят в число региональных угроз экономической безопасности в финансовом секторе экономики. Чтобы их своевременно выявить, на наш взгляд, необходим глубокий мониторинг и анализ криминологической обстановки.
- ³² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2013. № 26. Ст. 3207; Об утверждении Регламента информационного взаимодействия Банка России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, правоохранительных и иных федеральных государственных органов Российской Федерации при выявлении и пресечении незаконных финансовых операций кредитных организаций и их клиентов: Приказ Генеральной прокуратуры, МВД, Росфинмониторинга, ФНС, ФСБ, ФСКН, ФТС, СК и Банка России от 12 марта 2013 г. № 105/136/50/ММ-7-2/117/131/98/447/12/ОД-121 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]; Об утверждении Положения об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями): Приказ Генпрокуратуры России № 192, МВД России № 420, ФСБ России № 279, СК России № 15, ФСКН России № 229, ФТС России № 1071, ФСИН России № 293 от 14 мая 2013 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс].

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас к сотрудничеству с нашими журналами:

«Закон и право», «Государственная служба и кадры», Международным журналом «Актуальные проблемы административного права и процесса», «Вестник Московского университета МВД России», которые заинтересованы в развитии науки, поддерживают интересные проекты и приглашают всех желающих стать участниками данных проектов.

Мы предлагаем Вам принять участие в обсуждении вопросов «круглого» стола:

**«Актуальные вопросы
современного административного права и процесса»
который состоится в Марте 2017 г.**

1. Современное состояние и тенденции развития предмета и системы российского административного права
2. Формирование и развития административного и административно-процессуально-го законодательства в России
3. Административно-процессуальное право как самостоятельная отрасль системы права Российской Федерации
4. Административно-правовое регулирование государственного контроля и надзора в Российской Федерации
5. Административно-правовое регулирование безопасности в Российской Федерации
6. Административные регламенты и административные процедуры в деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления
7. Проблемы классификации и кодификации мер административного принуждения, применяемых в России
8. Актуальные проблемы административной ответственности в Российской Федерации.
9. Современное состояние и тенденции развития досудебного разрешения административных споров в России
10. Актуальные проблемы понимания и систематизации административного процесса России.
11. Судебный административный процесс в России

Статьи будут проиндексированы и получают статус ВАКовских.

В «круглом» столе примут участие ведущие ученые, специалисты, теоретики и практики в рассматриваемой области юриспруденции из разных стран.

Язык конференции: русский, английский.

С уважением,

председатель оргкомитета